

НЕВЛЯ

3 · 2005

СОДЕРЖАНИЕ

НАКАЗАНИЕ ОБЩЕСТВА

- Игорь Холодяков** «Грех ненавидь, грешника люби...» 4
Численность заключенных 17
Анастасия Леонова Недетская комната милиции 25

ЗА СТЕНОЙ. МАЛОЛЕТКА

- Яков Гилинский** Преступность несовершеннолетних
в России 34
Александр Сичков Дело номер «ноль» 47
Иван Петров Я – малолетка 52
Валерий Абрамкин Малолетний криминал 57
Геннадий Жаворонков Секреты Глухого 68
Сергей Пашин Проблемы реформирования
производства по делам несовершеннолетних 99
Евгений Цымбал Буква закона и проза жизни 106
Антон Коновалов Право на разрешение конфликта 114

ГРАНИЦЫ НЕПОНИМАНИЯ. ЧУЖИЕ ДЕТИ

Герман Пятов Государевы дети	128
О. Михаил Резин Портреты на фоне ночи	134
Евгений Окунь Просто зечки	147
Лев Левинсон Ничего не изменится, если все не изменить	150

Редакционный совет

Валерий Абрамкин
Людмила Альперн
Валерий Борщев
Владимир Буковский
Наталья Горбаневская
Сергей Ковалев
Нильс Кристи
Алексей Симонов

Финансирование
Фонд Д. и К. МакАртуров

Учредитель:

Редакция журнала
«Индекс/Досье на цензуру»

Редакция

Главный редактор
Наум Ним
Зам. главного редактора
Елена Ознобкина
Ответственный секретарь
Наталья Малыхина
Художник
Лев Михалевский
Верстка
Анна Фролова
Бухгалтер
Наталья Максимова

НАКАЗАНИЕ ОБЩЕСТВА

Игорь Холодяков

«Грех ненавидь, грешника люби...»

Дневник учителя вечерней школы при УИН

1 сентября

Пошел на проверку разыскивать по отрядам учеников своего класса, не явившихся на первое занятие.

По периметру плаца стояли шеренги в черных бушлатах. День ветреный, серый, с реденьким дождем. Впереди – старшины и активисты, которые выстраивали ряды к приходу начальника отряда. Черные ряды, серое небо, дождь... Стояли молча, нахохлившись в ожидании переисчета. В задних рядах кто-то начинал кашлять, и тотчас сухой лающий кашель перекидывался из отряда в отряд через площадь, а над всем этим гремел из динамика бодрый марш «Не спи, вставай, кудрявая!». Почему-то вспомнилось, что стихи эти написал Б. Корнилов, расстрелянный за антисоветское творчество и связь с какой-то, кажется, гондурасской – не все ли равно? – разведкой, а кудрявой, его беременной жене, в этот момент на допросе в живот пинали, чтобы фашистское отродье не плодила...

Подошел начальник отряда, ласково сказал: «Ну, что, господа заключенные, строиться будем или мать вашу вспоминать нужно?»

И здесь я буду работать.

15 сентября

Да, я здесь буду работать. Когда мои коллеги, знакомые и друзья начинают слишком докучать ехидными расспросами о том, где же я теперь добываю хлеб насущный, я с достоинством отвечаю: «Я тружусь в специализированной школе для особенно одаренных юношей с девиантным поведением». Уточнять, что это школа в исправитель-

И. Холодяков – учитель литературы вечерней средней школы в исправительной колонии общего режима ЮН 83/1 при УИН г. Ярославля.

ной колонии, я не успеваю – все понимающе кивают (сегодня этих специализированных школ появилось...). А я утешаю себя несколько циничной мыслью: «Если государство тебя не способно прокормить, кормись воровством – пусть чужим». Восемь лет проработав доцентом кафедры гуманитарных дисциплин, я преподаю литературу и русский язык в ИТУ (исправительно-трудовом учреждении общего режима). Забавно, но мое прошлое место работы весьма импонирует и моему директору: «У меня литератор доцентом был, статьи пишет, книгу издал», и моим нынешним ученикам: «У нас учитель – доцент, не фуфло какое, крутой кент, в натуре».

А вот встреча с учениками восторга не вызвала. Полная безграмотность, заявление директору в две строки пишут с десятком ошибок, с трудом дочитывают до конца страницу, но то, что прочитали в ее начале, уже не помнят. Рассказ о событии в своей жизни предельно прост:

– Ну, мы погнали на плешку, там два чужих пассажира, мы к ним – а они... ну, улет... во, ржачка... ну, жара! Ты, круто!

Причем собеседник явно все понимает и одобрительно матерится. Впрочем, это уже мое восприятие – матерится, он не ругается, он так общается, и когда учительница биологии, дама изящная в своих чувствах, делает в коридоре школы замечание: «Зачем же вы ругаетесь, Сергей?!», тот искренне удивляется: «Да я же не ругаюсь, я ему объясняю!»

В свободное время – а его море, в зоне работают не более 30% заключенных, нет заказов! – сидят, курят, рассказывают случаи из жизни. Читают единицы, их не осуждают – каждый сходит с ума по-своему, – но и не одобряют. К чтению нет привычки, нет потребности в книге, которая создается только в семье, а семей (настоящих!) у большинства просто не было. Среди моих учеников очень много интернатских, эти вообще ничего не умеют, так как жили пусть бедно, скудно, но на всем готовом. Один, смеясь, вспоминал, как после интерната попал в общежитие, сунул в кружку пачку чая, залил кипятком и ждал, когда заварится... Посмеялись, а потом кто-то грустно сказал: «Да, общежитие... где оно теперь? Куда пойду на воле?» Без прописки не берут на работу, без работы не прописывают – этот вечный круг еще существует для моих учеников, а многие из них никому не нужны: ни родне – одни хлопоты с этим эзком, ни государству – оно и заслуженных тружеников бросило, отняв последние крохи накоплений, пенсий и льгот, а уж эти уголовники... Раньше хоть участковый хлопотал, на работу устраивал, а теперь вернется освободившийся десятиклассник мой, потолкается на бирже, ходит по фирмам, плюнет... и придет через полгода уже в одиннадцатый класс – ко мне же. Один из моих

учеников как-то признался: «Я на простынях-то только на зоне сплю, а там...» – машет рукой. Этих людей покинули все.

1 октября

Моих учеников действительно покинули, а лучше сказать – кинули. В моей школе это слово приобретает дополнительный смысл: подставили, обманули. Их кинули, по-кинули в свое время родители, оставив без любви, заботы, тепла, без семьи. Их по-кинуло государство, не дав возможности начать жизнь по-человечески или исправить свою ошибку, часто глупую, мальчишескую, и ошибка становится путем в жизнь иную, где другие ценности и другие представления о добре и зле. Да, здесь иные представления о добре и зле. Все эти рассказы о блатной этике, о дружбе до смерти, о воровских традициях и о жизни гордого вора – это для новичков. Каждый за себя – вот главный закон. «Стучат» друг на друга, на начальников отрядов, на учителей. В одном из отрядов попросили начальника отряда – «отрядника» – проявить контрабандой отснятую фотопленку. Тот – по доброте или из корысти, кто теперь узнает? – взял, чтобы отдать в мастерскую. Но в тот же день на вахте «почему-то» был остановлен «выборочной внеплановой проверкой», пленку изъяли, получил строгий выговор. Сами ученики мои смеются: оставь на тумбочке сторублевку (наличные иметь запрещено) – через 15 минут прибежит наряд изымать и тащить в изолятор нарушителя, но зато деньги не отберут, а переведут на твой счет. Это называется «заработать столик через пятнарик». Понятие «мы» отсутствует, только «я и мой кент» – друг, но сами же себя поправляют: «Сегодня кент, а завтра мент». Есть устойчивые группы: «семейники» – иногда земляки, иногда подельники, иногда просто симпатизирующие друг другу. Эти твердо знают: за семейника нужно сесть в изолятор, пойти на нарушение, на кулаки. Семейник выполняет потерянную функцию родственника, близкого человека, потому что без семьи – тоска.

15 октября

Без семьи – тоска. И большинство моих учеников не имеют свиданий – не потому, что лишены за какие-то нарушения режима, а просто к ним некому приехать. Поэтому в школе я и другие учителя выдаем не только учебники, тетради, но и ручки, карандаши...

Время от времени я обращаюсь в различные организации, фирмы с просьбой помочь тетрадями, канцелярскими принадлежностями. Сначала вежливо просят оставить телефон, адрес, обещают связаться, но, узнав, что это не просто школа, а тюремная школа, интерес к разго-

вору теряют. В одной из фирм, узнав, откуда я, весело засмеялись и обнадежили: «Ничего, вот мы сядем – у вас всего будет вдоволь!»

Первое время я не мог понять, почему так безжалостно рвут листы из тетрадей, потом стал предупреждать: «Если нужна бумага, не дерите тетради, попросите, я лучше дам из запасов». Потом стал откровенно говорить: «Если кому-то нужны журналы, приходите в кабинет литературы, мне приятели от щедрот своих притащили кучу «Роман-газет», можно читать, а можно... на гигиенические цели». Народ пошел косяком, а я спрашивал: «Только честно, тебе читать? Тогда дам Астафьева, есть Толстая, Богомолов, Балашов, Кондратьев...» Смеются: «Не, нам для этой, для гигиены». В зоне есть библиотека, но чтобы ею пользоваться, нужно принести сначала в качестве вступительного взноса две книги, и, как поясняет библиотекарь, «не туфту какую, пушкиных разных, а хорошие – Доценко, Маринину...» Везде свои ценности!

Но отсутствие свиданий, писем, посылок не только вносит бытовые неудобства. Иногда начинается неожиданное: человек уходит в себя, умолкает, не замечает окружающих, не обращает внимания ни на что – это началась «гонка», острый приступ тоски. Выйти из него трудно, особенно одиноким, малообщительным, живущим без семейников, и тогда возможно непредсказуемое: обычный парень, ни с кем не конфликтовал, начальство не прижимало, в отряде столкновений не было, «не прессовали», до конца срока всего 5 месяцев, и вдруг нашли за баней в петле, уже и остыл... Кто-то прокомментировал: «Гонка была, наверно...» К таким событиям относятся однозначно: зона проклятая, довели человека! Это когда нет больше сил видеть забор, колючку, одни и те же лица, слышать на построении одни и те же марши, стоять в строю, в столовую строем, на работу строем, на свидание строем...

Недавно подошел прощаться ученик, завтра домой, конец срока. Сказал: «Вы мужик нормальный, на уроках не скучно, но мне это с присвистом пролетело, я про другое хочу сказать. Тут недавно уж очень хреново мне было, так гнало – сил нет, а вы в раздевалку нас провожали и советовали: «Бушлат берите свой или уж только один!» Я как услышал – заржал, и вроде легче стало. Так что спасибо, в натуре помогло».

Вот уж точно: «нам не дано предугадать, чем наше слово отзовется»...

1 ноября

Да, правда, не дано предугадать... Удивительно, но особое внимание на уроках литературы вызывают биографии писателей, поэтов. С одной стороны, понятно: сиди, слушай, легонько подремывай... А с другой стороны, напряженно слушают, буквально открыв рот. Только

что в 10-м классе закончили читать Тютчева. По программе – 2 часа, мы потратили 6 уроков. Начал с биографии: старинный дворянский род, служили России с XIV века, были воинами и дипломатами... слушают явно из вежливости – ну, они служили, а мы тут сидим, и что? Но когда заговорили о его последней любви к Марии Денисьевой, о том, как мучился он и страдал, сознавая, что эта любовь делает несчастной и жену, и любимую... Потребовали рассказать, как отреагировала жена, явно прикидывая на знакомые житейские ситуации. Узнав, что не была ни морду, ни посуду, что поняла счастье и трагедию мужа, притихли, что-то обдумывая. Кто-то прокомментировал: «Вот раньше бабы были, а сейчас – так себе...» Я мгновенно включился, оседлав любимого конька:

– А ты что хочешь? Знаешь, как начинается большинство дел об изнасиловании? Одинаково: «Шел по улице, вижу, две девушки пиво на скамейке пьют, предложил еще купить, выпили, то да се, потом мы с ней пошли за гаражи покурить, потом я... а она... а я... ну, и вышло...». Хохочут – все узнаваемо. А я упрямо гну свое: «Что ты хотел? Встретить свою единственную с бутылкой пива? Именно единственную, ту, которая с тобой будет, как батюшка при венчании скажет, «и в радости, и в горе, пока смерть не разлучит вас!» Хочешь, скажу фразу, которую потом у Булгакова прочитаем? «По вере и по делам твоим воздастся тебе!» Это не писатель придумал, это слова из Евангелия. Веришь, что все бабы – стервы, мужики – сволочи, что нет дружбы, а есть «ты мне, а я тебе», что нет никакой любви, а только, как бабка моя, покойница, царство ей Небесное, говаривала: «козьи потягушки», так у тебя и будет! И жена – стерва (не дай тебе Бог! – поступим по дереву), и друзей не будет – только собутельники, потому что каждый находит то, чего достоин.

Кто-то с явной досадой говорит: «Ну, а у вас что, все по понятиям, без мазы?» А отвечаю: «Вот я школу закончил 28 лет назад (кто-то гадким голосом с задней парты: «Вот ужас-то!») Но ему в ответ другой голос: «А как сохранился!»). Да, именно, но я и сейчас за 40 минут соберу у себя 20 своих одноклассников, если только позвоню и попрошу помочь». Молчат, обдумывают, а я, воспитывая, продолжаю: «Дураки вы, я же не хвастаюсь, я хочу доказать, что вы все свою жизнь сами строите, нужно только суметь, и все у вас будет, и любовь, и друзья, нужно только быть самим собой, а не слушать, что «опытные люди твердят». Вот и Тютчев тебе говорит:

Лишь жить в себе самом умей –

Есть целый мир в душе твоей

Таинственно-волшебных дум...

Это о тебе, потому что все мы созданы по образу и подобию Божию, нужно только слышать Его голос в нас, поэтому «лишь жить в себе самом умей!» Ты единственный, неповторимый, значит, Господь создал тебя зачем-то, душу бессмертную вложил, так не разменивайся, найди главное! Неужели ты создан для того только, чтобы, как говорил один из героев литературы, съесть свои двадцать тысяч бифштексов?! А вот Тютчев (это я опять свое гну упрямо) тебя зовет: «Лишь жить в себе самом умей!»

15 ноября

«Лишь жить в себе самом умей...» А дальше в обычной школе я стал бы говорить о средствах создания образа, об ассонансах, аллитерации, строфике... Здесь это бессмысленно. Странно, но мои ученики охотнее всего на литературе предпочитают два противоположных вида работ. Один – совершенно прикладной, практический, который требует минимума литературоведческих знаний, здравого смысла и (все-таки требует!) языкового чутья, художественного вкуса. Например:

– Есенин, вспоминая родной дом, свою деревню, написал: «Все равно, остался я поэтом (золотой, маленькой) бревенчатой избы». А какое слово из скобок ты выберешь потому, что именно оно принадлежит Есенину?

Я не буду пугать учеников, называя эту работу стилистическим экспериментом, я потом уж объясню, что если перед нами действительно стихотворение истинного поэта, то ни одно слово не заменить, каждое – самое важное, единственное. Именно поэтому изба – золотая, это и солома на крыше, но это и память, золотое детство, тепло родного дома...

Такую работу охотно делают. Ворчат на тему «что мы вам, ученые, что ли, мало ли что они на написали...», но делают, подбирают слова, спорят со мной и с поэтом... Кто-то просто потому, что за это легче получить оценку, а я совершенно откровенно говорю своим ученикам: «Да, я понимаю, ты последний раз был на литературе четыре года назад, все забыл и с тех пор чувствуешь себя гораздо лучше, но я же требую только одного: попробуй, начни работу, а там что получится, ведь важен не только результат, но и приложенные усилия! За Богом молитва, за царем служба, а за учителем оценка не пропадет!» Но кто-то работу такую делает и потому, что это твое, ты, именно ты сумел доказать, что это вот слово главное!

А второй – и любимый вид работ – моя лекция. Конечно, я себя не переоцениваю, лекция – это возможность тихо посидеть, подумать о чем-то своем, просто незаметно подремать, но все же...

Вот начинаю я говорить о духовных поисках героев русской литературы, о терзаниях Базарова, о мучительных раздумьях Раскольникова... И обязательно приду к одной из своих любимых тем для размышления, которую я в классе играю примерно так: человек живет в трех сферах, говорю я.

Первая – физическая, биологическая: выжить, не умереть, спастись от холода и голода, опасностей, найти укрытие, завести пару, дать потомство и вырастить его – вот главное, что составляет суть этой стороны жизни человека. Если все это осуществилось, человек доволен. Так живет большинство, и это нормально, но есть и те, кто задумывается о второй сфере.

Вторая – социальная: реализовать себя, найти свое место в обществе, занять то, которое я считаю для себя подходящим, то есть стать не просто офицером, но генералом, не просто чиновником, но столоначальником, быть камергером, оставить детям имение, дом на Поварской, счет в банке, шкатулку с семейными и благоприобретенными безделушками («этот перстень мой дед подарил бабке, когда она родила моего отца, теперь, сын мой, ты вручишь его своей избраннице...»)

А может быть, совсем иначе: печататься в Петербурге, написать такое, чтобы узнавали на улицах, чтобы строчки повторяли, чтобы сказать России такое слово...

И, наконец, третья сфера – духовная: понять, зачем я живу, для чего пришел в этот мир, есть ли действительно у меня та цель, которая даст смысл всей моей жизни, одухотворит, наполнит светом великой истины?

Сидят, морщат лбы. Кто-то равнодушен: совершенно мне не нужно все это, хотя послушать занятно – все же развлечение. Кто-то явно прикидывает на себя... Но каждый раз двое-трое из класса подойдут (не сразу, через пару дней) и скажут: «Вы тут говорили, что есть Булгаков... Дадите почитать?»

Когда начинаю говорить о пути в жизни, о твоём, именно твоём месте, о социальном статусе, то, чтобы не казалось заумным и оторванным от нашей реальной жизни, обязательно добавлю:

– Вот у меня одноклассник есть, автослесарь. Занимается только дверцами. Видели, как закрывают дверь «Москвича»? (Демонстрирую рукой и ногой: «Бах! Дрызь! Дзынь!» – хохочут, представили.) А вот у него любая дверь от движения пальца закрывается с легким чмоканием, так к нему буржуины в очередь встают за три месяца. Что, это не социальный статус? Лучший слесарь!»

Поняли, прикинули – годится.

По сути, я занимаюсь не столько литературой, сколько чем-то иным. Человековедением? Если я просто начну говорить о роли синонимов в лирике А. Блока, это будет никому не нужно, потому что мои ученики не встречали в своей жизни ни одного случая, когда им пригодился бы синоним, а тем более Блок. Большинство из них последний раз были в дневной школе три, а то и пять лет назад, при этом не самыми лучшими учениками. Но даже и они будут меня слушать, станут делать какие-то выводы, если я заговорю о том, что Катерина – традиционный «луч света в темном царстве» – попыталась построить свое счастье, оставив мужа. Может ли быть счастлив человек, губя другого? Может женщина бросить того, кому перед Богом в верности клялась? (Голоса с мест – «Сука она, да и все они такие» – я сразу пресеку, пообещав рассказать о великой любви Фета и Марии Лазич, и бунт увянет, сменившись ожиданием.) И появится возможность поразмышлять о верности и долге, о надежности мужа, мужчины и силе женской слабости. И никто в колонии с ними, моими учениками, об этом говорить не будет. Отряднику успеть бы составить десяток отчетов, рапортов, сопроводиловок... Есть в зоне церковь, построенная хлопотами начальника учреждения и силами заключенных, предмет гордости и первый объект демонстрации для любой проверки и комиссии. Несколько раз в месяц звенит колокол – зовет на службу, приезжает батюшка, даже исповедует желающих. Для абсолютного большинства церковь – это новая повинность. «Второй отряд – обеспечить пятьдесят человек на молебен! Что значит не хотят?! А в изолятор хотят? Выполнять! Сдуло!»

Я не заблуждаюсь относительно своего проповеднического дара – просто моим ученикам в свое время недодали чего-то очень важного, а душа болит вне зависимости от того, веришь ты в ее существование или нет, и требует она не только минимума («жрать, пить, морду бить»), но и еще чего-то... Нужен не эпизодически наезжающий священник, а батюшка, который всегда рядом, который умеет говорить и – самое главное – умеет слушать! Вот только где их взять, этих батюшек?

А душа-то болит...

1 декабря

А душа-то болит, и лечат ее порой самыми разными средствами и способами. В каждом классе учиться по-настоящему способны человек пять – шесть. Остальные и не могут – слишком велика запущенность, и не хотят, не видят смысла. Что я им скажу? Учись – инженером станешь, будешь получать две тысячи? Дневная доза наркотиков стоит семьсот-восемьсот рублей. Характерна реакция учеников на показан-

ную мной подборку прекрасно изданных энциклопедий по литературе и искусству: «Что? Каждая книга по пятьсот рублей? И таких книг про ваше искусство штук восемь? Да ведь это неделю ширяться можно!».

О наркотиках вспоминают с нежной грустью, как о близком друге, оставшемся где-то вдалеке. Объясняют: «Вам не понять. Это другая жизнь, не знаю, как сказать, но не зря говорят – улет!» Свято убеждены, что все писатели, поэты, музыканты – наркоманы: «Иначе такое не напишешь!». Передают друг другу невероятные истории «про Голландию и вообще ту Европу», где «дурь» выдают просто так, «без всяких бабок», и «ширяются» все. Общий вздох: вот бы туда попасть, да как! Практически все, кто тратил добытое трудами несправедливыми на наркотики, мечтают о воле как о возможности «ширнуться». Вынужденный перерыв воспринимается как дополнительная тяжесть, а не как возможность вырваться из-под власти наркотика. По-человечески это объяснимо: наркотик дает им, не знающим ни книг, ни музыки, ни театра, ни любви, ни сколько-нибудь сложных и ярких духовных переживаний, возможность вырваться из серой обыденности максимально быстро и просто. Отсюда постоянные попытки «перебросов», в которых участвуют мальчишки седьмых-восьмых классов. Быстро перекинув через стену пакеты, они убегают, счастливые: обдурили ментов, помогли своим! Даже в случае задержания им грозит в самом крайнем случае комиссия по делам несовершеннолетних, а это многим знакомо не по одному разу. А с угла, от перекрестка наблюдают за «перебросом» двое-трое из иностранки, и именно туда прибегут потом мальчишки за вознаграждением.

Теперь, пообщавшись с моими учениками, я понимаю, почему Россия пошла за большевиками: Толстой звал к духовному совершенствованию, Чехов убеждал выдавливать по капле из себя раба и обещал небо в алмазах... А Ленин сказал просто и понятно: отними землю и фабрику, и наступит счастливая жизнь! Так и наркотик дает простой и быстрый выход в иной, легкий и доступный мир. Мои школьники убеждают меня: «Вы думаете, там (жест вверх, туда, где власть) не могут справиться с наркотой? Поймают курьера с пятью презервативами в желудке и трубят по телевизору неделю. Вот хотите пример? По всему городу расклеены объявления, они и в газетах есть: куплю импортную аудио-видеоаппаратуру, можно без документов. Дураку понятно, это барыга, скупщик нас приглашает, его прихлопнуть – как два пальца обоссать, но если его не трогают, значит это кому-то нужно, выгодно? Возражать будете?»

Я что-то вякаю общевоспитывающее, что, мол, у милиции до всех барыг руки не доходят, но сколько веревочке не виться... но понимаю, что они правы, и это печально.

15 декабря

Да, это печально, но так же печально было слушать размышления школьного дневального, исполнительного, хитровато-простоватого парня, проводившего «кента», ушедшего по УДО: «А у меня конец срока в десятом году. Говорят, город здорово изменился... А уж за это время столько всего будет...» Он не договорил, но понятно было, что думает парень не о новых магазинах и улицах – сама жизнь за эти годы станет другая, как он впишется в нее? Что станет делать? У друзей на воле будут семьи, новая работа, новые интересы, кто позаботится о нем? Ведь мы убеждены: главное – посадить его, злодея, и словно по-прежнему висит над нами отчеканенный вождем всех времен и народов афоризм: «нет человека – нет проблемы». Вот выйдет этот злодей через три-пять-восемь лет в мир, который его не ждет, и что дальше? Электрик, ставивший в моем классе светильник, вдруг сказал по какому-то поводу: «Сейчас, говорят, у всех сотовые... мобильник у каждой сикилявки. А я даже не знаю, как он выглядит, мобильник. Садился, они были, как золотой браслет: дорого и не у нас. А теперь вроде часов. А я вот здесь – и ни часов, ни телефона!» Что ему сказать? Что все у него будет? А откуда будет, и кому он нужен, этот электрик со своими 46 годами и двумя ходками? И как он сюда попал, такой рассудительный, спокойный?

15 января

И как они, мои ученики, сюда попадают? Иногда становится жутко, когда слушаешь рассказы своих школьников, а порой им просто необходимо выговориться (батюшка, добрый, все понимающий батюшка, отец Иоанн с седой бородой и добрыми глазами, где ты?). Какая-то душевная невменяемость, затмение разума, полная остановка здравого смысла. Преступления настолько бездарно совершаются, так безнадежно нескладны... Сидел в баре, выпил, мало, вышел на улицу, содрал с проходящей женщины золотую цепочку, которую тут же продал за 150 рублей, начал пропивать – взяли прямо в баре... Цепочка оказалась с дорогим камнем, дали срок... Или еще глупее и страшнее: вышел с зоны, пришел домой, денег нет, поехал к тетке в деревню, увидел иконы, зарубил топором и тетку, и ее сожителя, продал иконы за 300 рублей... Долго и сладостно пинали пенсионера, который на требование закурить ответил: «Уж если курите, то сами и заработайте на табак». На вопрос, почему били, отвечал: «А чего он залупался?» Вечером встретил девушку, она испуганно просила взять сотовый, деньги... Ответил: «На хрена мне это нужно, мне тебя отхреначить охота». Пинал так, что лицо потом восстанавливали в хирургии. Когда на суде

спросили, зачем бил, отвечал: «А чего она шла, вся из себя такая...» Конечно, есть иные. Компьютер мне в кабинете литературы налаживал мой ученик, получивший свой срок за проникновение в здание фирмы, где ему заказали извлечь из компьютера жесткий диск, скачать информацию, но диск поставить на место, чтобы не возникло подозрений. Он все сделал, но во время процесса снятия информации пошел в туалет и машинально включил свет, было это в 3 часа ночи – заметили, охрана повязала. Хохоча, мой школьник прокомментировал: «Воспитанность подвела, надул бы в угол – ничего и не было бы, жил бы королем, деньги хорошие обещали». Но это скорее исключение, остальные сели так тупо, так бездумно... И почти всегда – из-за водки. Забежал недавно ученик с характерной восточной фамилией, рассказывает:

– Нашел меня дядька, брат матери, на свидание приезжал. Обещает добиться условно-досрочного освобождения, а там, говорит, выйдишь – мы тебя женим, на хорошее место устроим...

– В чем же дело, все здорово!

– Нет, – говорит. – Он требует, чтобы я непременно мусульманство принял, обрезание сделал.

– И что же, тебе так дорог этот кусочек кожи?

– Да при чем тут кожа! Но он говорит, сало есть нельзя и водку пить ни в коем случае! Что же, мне теперь всю жизнь не пить?! Я лучше посижу, время быстро идет, а там уж я оторвусь!

1 февраля

Посижу на уроках... Это желание очень многих, хотя учиться способны далеко не все. Лишь несколько человек из класса решили действительно использовать вынужденную паузу в жизни с толком. Кстати, есть очень характерный признак, что человек что-то для себя решил: начинает выводить татуировки. Начальство с «этими безобразиями на теле» борется, но специалисты и желающие всегда находятся. Один из специалистов долго уговаривал меня, чтобы я отлил ему из принтера чернил, и все мои объяснения, что нет там ничего такого, что можно было бы отлить, не действовали, человек был убежден, что я жадничаю. Кому хочется быть жадюгой? Пришлось показать устройство принтера. Ушел разочарованный – был искренне уверен, что уж в этой технике такие чернила, что он асом станет..

Татуировки выводят самым варварским и болезненным способом: кожу жгут щелочью, кислотой, содой с мылом, остаются страшные язвы, которые постепенно рубцуются, зато исчезают рисунки. Вот такие борцы за внешний вид – еще один слой учеников. Они стараются, чтобы

получить поощрение за регулярное посещение занятий и прилежание, и школа охотно идет им навстречу.

Кое-кто ходит в школу, чтобы сменить обстановку, получить хоть какие-то новые впечатления, перерыв в монотонной жизни, встретиться с новыми людьми. Посещаемость уроков резко возросла, когда прошел слух, что новая учительница английского языка молодая и ходит в обтягивающем кожаном брючном костюме. Очень любят мои ученики приезд студентов театрального института, с которыми школа давно дружит и использует их дарования в корыстных (взаимно) целях. Молодые, жизнерадостные, раскованные студенты легко идут на контакт, много показывают – и сценки из спектаклей, и фрагменты своих «капустников», да и вообще, как сказал один из зрителей, «девок хоть посмотреть – и то уже радость», а один из здравомыслящих добавил после эстрадного танца двух довольно смело одетых девушек: «Ну, сегодня у половины отряда шконки до полночи ходуном ходить будут». А от школы куратор курса берет списанные столы, стулья – этого в институте нет, и денег нет.

Один из моих учеников, посмеиваясь, объяснил, почему ходит в школу:

– Школа – это такое место, где я могу сказать все, что я думаю, и мне за это ничего не будет.

Потом подумал и, от души заржав, добавил:

– Да еще и пятерку поставят – за самостоятельность.

Остальные учиться не способны. Можно сколько угодно повторять слова Крупской о том, что нет плохих учеников, есть плохие учителя, но ничего не изменится. Большинство училось более или менее регулярно до шестого-седьмого класса, дальше – провал в свободу, которая понимается как возможность делать только то, что тебе хочется. А учеба – это труд, причем тяжелый, а вот работать-то мои ученики и не любят.

15 февраля

Да, работать не любят, но зато четко объясняют, что все, что с ними случилось – это не их вина. Один из учеников чуть не гордо заявил мне:

– Я ведь не у всех подряд ворую, только у богатых, у барыг разных!

– А кто богатый?

– А это тот, у кого видак есть, телевизор там японский...

Нет слов.

Основной довод: «Это не мы такие, это жизнь такая». И можно сколько угодно говорить, что человек – кузнец своего счастья, и я, ко-

нечно, буду повторять на уроках, что Господь даровал нам свободу воли для того, чтобы мы сами выбирали свой путь и сами отвечали за все, что свершим, но в душе мне нестерпимо жаль их, брошенных семьей и страной, озлобленных от безысходности и невозможности что-либо изменить, часто не имеющих своего дома, близких людей, а в этом есть и наша общая вина. Дай Бог нам сил не озлобиться, не проклясть их, не отбросить на обочину, подальше от себя! Это так трудно, но единственный путь – тот, который определен в Писании: «Грех ненавидь, грешника люби!»

P.S. Только закончил последнюю запись, бежит дневальный:

– После Вашего урока в классе лампочку вывентили!

А урок был на тему: «Тьма мира и свет в душе Ивана Денисовича!»
Вот уж лучшего завершения этой статьи и не придумать!

ВСЕ О ЖИЗНИ В ТЮРЬМЕ

Авторские материалы Виталия Лозовского
и не только ...

Сайт «Все о жизни в тюрьме» на www.tyurem.net был создан три месяца назад на основе интернет-рассылок Виталия Лозовского «Как выжить и провести время с пользой в тюрьме», «Жизнь и психология тюрьмы» и «Взгляд из тюрьмы». Первая состояла из воспоминаний самого автора о недавней трехлетней отсидке в тюрьмах и зонах России и Украины, во второй публиковались материалы о жизни в неволе других авторов (А. Кудин, А. Павлов, С. Параджанов, О. Уайльд, В. Майер, Э. Зейналов). Третья была составлена из писем автору и ответов на них. Сейчас появилась четвертая рубрика – «История пыток, тюрем, казней и наказаний». Общее количество подписчиков – 14 тысяч.

Сайт открыт для авторов, готовых рассказать о жизни в тюрьме.

Для правозащитных организаций, адвокатов, юристов мы можем создать отдельные субдомены. Наша цель – создать полноценный портал, который будет в состоянии помочь нашим гражданам, а также поднимать большие вопросы сегодняшней пенитенциарной и правоохранительной системы.

Численность заключенных и наполнение подразделений уголовно-исполнительной системы России по состоянию на 1 января 2005 года

СИЗО, тюрьмы и ПФРСИ¹

1. Общие данные

Показатель	СИЗО, тюрьмы, ПФРСИ							
	Всего		СИЗО		ПФРСИ		Тюрьмы	
Кол-во подраздел.	328		195		115		8 (10 – ПФРТ ²)	
Лимит наполнения	141 867		128 648		7276		5943 (тюрем – 5335, ПФРТ – 608)	
Численность контингента, % наполнения								
По состоянию на:	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
01.01.2004	149 173	105,6	140 995	114,8	4290	29,2	3888	102,1
01.01.2005	149 349	105,3	140 503	109,2	5992	82,4	2854	48,0
С начала года (+,-)	+ 176		-492		+1702		-1034	

2. Регионы с наибольшим и наименьшим уровнем наполнения СИЗО и тюрем

РЕГИОНЫ			
с наименьшим уровнем наполнения		с наибольшим уровнем наполнения	
Регион	% наполнения	Регион	% наполнения
Республика Адыгея	0	Читинская область	222,4
Сахалинская область	50,5	Республика Тыва	187,6

¹ Подразделения, функционирующие в режиме следственных изоляторов.

² Подразделения, функционирующие в режиме тюрем.

РЕГИОНЫ			
с наименьшим уровнем наполнения		с наибольшим уровнем наполнения	
Регион	% наполнения	Регион	% наполнения
Камчатская область	57,0	Нижегородская область	161,6
Республика Калмыкия	59,9	Калужская область	158,3
Липецкая область	62,1	Чувашская Республика	144,8
Республика Дагестан	63,5	Ярославская область	144,8
Белгородская область	63,9	Курганская область	143,9
Самарская область	69,3	Тульская область	135,1
Республика С. Осетия	69,4	К.-Балкарская Респ-ка	131,6
Республика Марий Эл	72,7	Ростовская область	131,4

Осужденные и исправительные учреждения

1. Численность осужденных и наполнение учреждений

Показатель	ИК				ВК	Всего					
	Всего	ИК особого режима	ИК-поселения	ИК для пожизненников							
Кол-во учреждений	760	51	156	5 (1 участок)	62	ИК, ВК, СИЗО, тюрьмы 1025					
Лимит наполнения	791 212	53 589	78 624	1688	26 987	960 066					
Численность контингента, % наполнения											
По состоянию на:	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	Численность всех заключенных
01.01.2004	681340	86,1	59553	102,3	37046	54,6	1482	80,6	16491	62,1	847004
01.01.2005	600298	75,9	21214	39,6	45899	58,4	1557	92,2	13407	49,7	763054
С начала года (+,-)	-81042		-38339		+8853		+75		-3084		-83950

По состоянию на 1 января 2005 года:

содержится осужденных:

- в 217 ИК общего режима - 184 011 (-19423);
- в 227 ИК строгого режима - 28 3525 (-17014);
- в лесных ИК - 39 445 (-5914);

содержится женщин:

- в 44 ИК – 34479 (–5067);
- в СИЗО – 10343 (–788);
- всего – 47043;

находится детей в 11 домах ребенка – 535 (–28);

во всех учреждениях УИС содержится:

- участников Великой отечественной войны – 46;
- тружеников тыла – 108;
- блокадников – 18;
- ветеранов боевых действий на территории СССР, РФ и других государств, награжденных боевыми наградами СССР и РФ – 2149.

2. Регионы с наибольшим и наименьшим уровнем наполнения ИК

РЕГИОНЫ			
с наименьшим уровнем наполнения		с наибольшим уровнем наполнения	
Регион	% наполнения	Регион	% наполнения
Калининградская обл.	47,5	Республика Тыва	106,4
Красноярский край	51,1	Респ-ка Башкортостан	105,2
Республика Адыгея	51,6	Челябинская область	104,6
Тамбовская область	53,7	Ханты-Мансийский АО	101,0
Респ-ка Саха (Якутия)	54,8	Чувашская Республика	101,0
Амурская область	56,2	Краснодарский край	100,8
Республика Калмыкия	57,0	Республика Татарстан	95,1
Московская область	59,1	Тверская область	93,5
Магаданская область	61,0	Оренбургская область	91,5
Республика Дагестан	62,4	Ивановская область	87,6

3. Регионы с наибольшим и наименьшим уровнем наполнения ВК

РЕГИОНЫ			
с наименьшим уровнем наполнения		с наибольшим уровнем наполнения	
Регион	% наполнения	Регион	% наполнения
Республика Калмыкия	5,3	Кировская область	86,8
Камчатская область	10,0	Рязанская область	83,7
Калининградская обл.	14,1	Красноярский край	78,1
Республика Дагестан	15,7	Краснодарский край	75,1
Удмуртская Республика	17,8	Нижегородская область	74,8

РЕГИОНЫ			
с наименьшим уровнем наполнения		с наибольшим уровнем наполнения	
Регион	% наполнения	Регион	% наполнения
К.-Балкарская Респ-ка	22,3	Иркутская область	74,5
Брянская область	23,9	Воронежская область	72,3
Ставропольский край	23,9	Свердловская область	72,1
Сахалинская область	26,3	Пермский край	71,3
Республика Адыгея	29,6	Вологодская область	66,2

Состояние правопорядка в учреждениях УИС

Показатель	Кол-во в 2004 году	+/- в % к АППГ ³
Всего зарегистрировано преступлений	741	+18,9
Убийство (ст. 105) и покушение на него	14	+75,0
Дезорганизация нормальной деятельности учреждений (ст. 321 ч. 3)	6	+50
Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 111)	28	+21,7
Захват заложника (ст. 206)	0	0
Побеги (ст. 313)	217	+88,7
Количество преступлений, раскрытых ОВД по информации из учреждений УИС	227 135	+13,8
Всего лиц, находящихся в розыске с учетом прошлых лет	421	+13,8
Предотвращено преступлений	77 860	+4,0

Производственно-финансовая деятельность

1. Некоторые показатели

Показатель	декабрь 2003 г.	декабрь 2004 г.
Кол-во осужденных, не занятых трудом (чел.)	49 370	29 808
Отношение количества не работающих, к общей численности (%)	7,04	4,83

Показатель	декабрь 2003 г.	декабрь 2004 г.
Заработок на 1 чел./день (руб.)	34,5	44,6 ⁴
Объем промышленной продукции в действующих ценах (млн руб.)	14 021,6	15 829,8
Объем промышленной продукции для государственных нужд (млн руб.)	5721,3	6876,0
Финансирование из федерального бюджета (млрд руб.)	по смете	46,0
	по факту	45,9
Кредиторская задолженность (млн руб.)	1010,5	1621,6

Доход от внебюджетной деятельности СИЗО составляет 350,45 руб. ежемесячно на 1 человека, содержащегося под стражей.

2. Регионы с наибольшим количеством осужденных, не занятых трудом, и регионы, не имеющие осужденных не занятых трудом

РЕГИОНЫ с наибольшим количеством осужденных, не занятых трудом	
Регион	% от общей численности
Республика Калмыкия	49,0
Республика Северная Осетия	43,6
Камчатская область	31,3
Республика Карелия	28,0
Республика Бурятия	23,4
Сахалинская область	20,5
Читинская область	19,3
Новосибирская область	17,2
Рязанская область	16,9

⁴ В ноябре 2004 г.

3. Регионы с наибольшим и наименьшим темпом роста объема промышленного производства (% АППГ)

РЕГИОНЫ			
с наибольшим темпом роста объема промышленного производства		со снижением объема промышленного производства	
Регион	%	Регион	%
Свердловская область	143,9	Астраханская область	76,8
Республика Тыва	139,0	Сахалинская область	80,6
Республика Татарстан	133,9	Оренбургская область	82,4
Воронежская область	133,1	Вологодская область	82,7
Тверская область	127,5	Ханты-Мансийский АО	84,5
Республика Алтай	127,3	Республика Хакасия	85,3
Еврейская АО	124,0	Курганская область	88,0
Псковская область	121,3	Республика Марий-Эл	88,6
Учреждение ЖХ-385	120,7	Камчатская область	89,1
Республика Адыгея	120,4	И-299 (Тавдинское)	89,2

Сотрудники уголовно-исполнительной системы

1. Общие показатели

По состоянию на 1.01.2005 г.	По штату	Укомплектовано	Некомплект (чел., %)	Принято в 2004 г. (чел.)	Уволено в 2004 г. (чел.)	В т.ч. по отрицательным мотивам
Численность персонала УИС, всего	350 719	334 862	15 857 (4,52)	48 319	45 387	773
Образовательные учреждения	10 123	9627	496(4,9)	2344	624	30

2. Количество нарушений законности и преступлений, допущенных сотрудниками УИС

Период	Количество	
	нарушений законности	преступлений
за 4 квартал 2004 года (+/- % к АППГ)	672	59
	+ 81,6	+ 51,3
за 2003 год (+/- % к АППГ)	370	39
	-45,0	-15,0

3. Регионы с наибольшим и наименьшим некомплектом рядового и начальствующего состава (в % от штатной численности)

РЕГИОНЫ			
с наибольшим некомплектом		с наименьшим некомплектом	
Регион	%	Регион	%
Московская область	11,5	К.-Черкесская Респ-ка	0,0
Москва	9,6	Республика Тыва	0,0
Рязанская область	7,8	К.-Балкарская Респ-ка	0,0
Камчатская область	6,7	Респ-ка С. Осетия	0,0
Ярославская область	4,9	Республика Дагестан	0,0
Хабаровский край	4,7	Республика Хакасия	0,0
Тульская область	4,6	Пермская область	0,1
Ханты-Мансийский АО	4,3	Тюменская область	0,4
Калужская область	4,4	Республика Адыгея	0,5
Чувашская Республика	4,2	Томская область	0,6

Уголовно-исполнительные инспекции

1. Общие показатели

Всего УИИ – 2088.

Состоит на учете осужденных – 588 289 (–43 280).

Снято с учета в связи с осуждением за новое преступление – 3437.

Снято с учета в связи с отменой/заменой наказания – 44 014.

2. Динамика численности осужденных, состоящих на учете в УИИ

По состоянию на:	Численность (тыс. чел.)
1 января 1999 г.	651,0
1 января 2000 г.	652,4
1 января 2001 г.	336,0
1 января 2002 г.	761,7
1 января 2003 г.	642,6
1 января 2004 г.	631,6
1 января 2005 г.	588,3

Здоровье заключенных

1. Общие показатели

Количество больных активным туберкулезом 1 и 2 ГДУ⁵, содержащихся в учреждениях УИС – 50915 (–19185), в том числе:

- в СИЗО и тюрьмах – 5431;
- в ИК – 6942;
- в ЛИУ⁶ и ЛПУ⁷ – 38 542.

Количество ВИЧ-инфицированных, содержащихся в учреждениях УИС – 31 004 (–4213), в том числе:

- в СИЗО и тюрьмах – 5286;
- в ИУ – 25 718.

2. Динамика численности больных активным туберкулезом и ВИЧ-инфицированных в учреждениях УИС (в тыс. чел.)

По состоянию на:	Численность больных			
	активным туберкулезом		ВИЧ-инфицированных	
	в ИК и больницах	в СИЗО и тюрьмах	в ИУ	в СИЗО и тюрьмах
1 января 1999 г.	80,5	10,6	808	673
1 января 2000 г.	74,9	12,2	2741	1338
1 января 2001 г.	71,8	12,1	7187	7915
1 января 2002 г.	87,9	11	21 633	12 081
1 января 2003 г.	73,1	6,3	30 097	6249
1 января 2004 г.	67,4	6,3	28 964	6253
1 января 2005 г.	45,5	5,4	25 718	5286

⁵ Группа диспансерного учета.

⁶ Лечебные исправительные учреждения.

⁷ Лечебно-профилактические учреждения.

Недетская комната милиции

Столкновение подростков с правоохранительной системой как модель социального порядка

Развитие российского общества в последние несколько лет отмечено неуклонным углублением внедрения разного рода контролирующих, а подчас и карающих, инстанций во все сферы социальной активности: от бизнеса до частной жизни и свобод граждан. В то же время и столь же последовательно происходит снижение требований к ответственности этих структур перед обществом, сокращаются возможности независимого контроля даже за формальным соблюдением действующих правовых норм. Атмосфера правового релятивизма, а подчас и нигилизма, пропитывает все структуры, облеченные хоть какой-то толикой государственной власти. Лозунг «диктатура закона» придает их деятельности верховную санкцию и мандат на полномочия, ограниченные лишь внутрикорпоративными инструкциями и «договоренностями», весьма слабо, если вообще соотносящимися с действующим законодательством. В деятельности правоохранительных органов в силу ее «полевой» специфики эти тенденции приобрели вполне институционализированное, оформившееся в ежедневной массовой практике выражение. Правоохранительная система в целом и милиция в частности стала одним из наиболее одиозных институтов в глазах современного российского общества. Речь идет не только о том, что структура, призванная гарантировать соблюдение правовых норм, не справляется со своей задачей. Массовое недоверие к ней, выражаемое 80% населения, является свидетельством крайней шаткости основ представлений о социальном порядке, возможностей защиты ключевых прав граждан, причем не только от посягательств «третьей стороны», но и самих правоохранителей. О масштабе проблемы свиде-

А. Леонова – научный сотрудник Левада-Центра, отдел социально-политических исследований.

тельствуют массовые представления о коррумпированности и криминализированности милиции, возможности ежечасно подвергнуться произволу и насилию со стороны ее служителей. Нечеткость контуров и правовых оснований нового социального порядка и девальвация старых норм ведет к дальнейшему ослаблению социального контроля, нарастанию форм отклоняющегося, преступного поведения, основанного на представлении о силе как единственном действенном механизме достижения целей. Сохранение этих тенденций в течение продолжительного времени формирует устойчивую культуру, в которой следование неправовым практикам становится нормой. Поколение, вступающее в социализацию в рамках этой культуры, усваивает ее, в отсутствие альтернатив, как единственно возможную или как вполне приемлемую. Данная проблема выходит далеко за рамки вопросов контроля за так называемыми «трудными подростками» или «группой риска». Соприкосновение с действующими не по праву правоохранительными органами ведет к утверждению, закреплению представлений о бесправи и беззаконии в широких слоях общества, в первую очередь – среди молодежи, имеющей минимальный жизненный опыт.

Постоянное расширение сферы контроля силовых, в частности милицейских, структур¹ выражается в том, что с ними сталкиваются не только «проблемные», но и вполне законопослушные подростки. Как показывают последние исследования², в среднем треть четырнадцатилетних ежегодно сталкивается с представителями милиции, а среди семнадцатилетних доля этих случаев еще выше, причем в это число не входят контакты, связанные с получением паспорта и других документов. Само по себе это еще не должно было бы вызывать особой тревоги, но с увеличением частоты контактов увеличивается и конфликтность между подростками и людьми в сером. Если с ребятами 14–15 лет милиционеры сравнительно чаще встречаются в ходе профилактических лекций в школе (каждый десятый), то со старшими взаимодействие все чаще переходит на улицу (треть всех опрошенных), на стадионы и дискотеки (каждый десятый) и собственно в отделение (также одна десятая всех семнадцатилетних). Чем старше

¹ Подробнее об этом см.: Гудков Л., Дубин Б., Леонова А. Милицейское насилие и проблема «полицейского государства» // Вестник общественного мнения, 2004. №4 (72)

² Все выводы, содержащиеся в настоящей статье, и приведенные цифры основаны на результатах серии социологических исследований, проведенных в разные годы Аналитической службой Юрия Левады (до 2004 г. – ВЦИОМ), в частности, на серии специальных опросов по проблеме роли милиции в обществе, проведенных Левада-Центром совместно с фондом «Общественный вердикт» в 2004 г.

подросток, тем чаще и напряженнее их встречи с милицией – большинство считает обращение с собой со стороны милиции некорректным: доля недовольных достигает двух третей всех, кто так или иначе имел дело с милицией. Каждый третий из тех семнадцатилетних³, кто имел контакты с милицией, столкнулся с необоснованным задержанием, каждый четвертый – с оскорблениями, на долю каждого пятого выпали угрозы и побои в милиции. Ничего подобного не случилось с менее чем половиной тех, кто общался с правоохранителями. Старшие чаще говорят, и, возможно, чувствительнее к таким нарушениям их прав, как необоснованное задержание (35% в сравнении с 15% среди четырнадцатилетних), оскорбление и унижение (23 и 6% соответственно), угрозы (17 и 9%), избиения (18 и 2%). Об отсутствии каких-либо претензий к милиции заявили 68% сталкивавшихся с ней четырнадцатилетних и лишь 42% семнадцатилетних.

Индикатором опасности, которую представляет милиция для подростков, является страх перед последствиями встречи с ней – независимо от того, сталкивались ли подростки с ней раньше, три четверти опасаются нарушения своих прав одним из вышеперечисленных образов и считают такое развитие событий весьма вероятным. Типичный статистически средний российский подросток сегодня заметно чаще, чем считают его родители, опасается милиции в целом, хотя родители явно чаще боятся конкретных проявлений агрессии со стороны милиционеров – унижения подростка, угроз в его адрес. Чаще, нежели милиционеров, современный российский подросток опасается лишь хулиганов, представителей агрессивных молодежных группировок и бандитов.

Проблемы, проявляющиеся во взаимодействии с милицией, не относятся исключительно лишь к этому институту. Скорее можно рассматривать их как одно из болезненных проявлений общественных проблем вообще, в частности слабости социальных связей, дефицита альтернативных социальных ресурсов. Собственно проблему милицейского произвола надо рассматривать как минимум в двух главных аспектах.

Одним из важнейших оснований милицейского беззакония является отсутствие эффективного контроля за правоохранительными органами со стороны других государственных структур, в частности, прокуратуры и суда, исполнительных органов, а также влиятельных общественных организаций. Причиной этого является, во-первых, теснейшая взаимосвязь и взаимозависимость всех, кто имеет хоть какое-то

³ Доля сообщивших о подобных инцидентах среди младших подростков незначительно ниже.

отношение ко власти. Во-вторых, с тем, что милиция, по сути, «легитимирует» реально существующие внеправовые практики, то есть она присвоила себе право произвольно определять как «законное» (или наоборот) любое действие и по своему усмотрению инициировать или прекращать преследования граждан. Это открывает широкие перспективы для коррупции и неизбежно влечет дальнейшую дискредитацию милиции в глазах общества.

В обществе отсутствуют альтернативные источники влияния, авторитета, которые могли бы уравновесить, сдерживать произвольную трактовку законов, регламентирующих права граждан или вовсе их игнорирование. Из-за крайней скудости собственных ресурсов защиты общества складывается парадоксальная ситуация: милиция, которая должна была бы всецело выполнять функцию по защите граждан, сама становится источником серьезной опасности. Она однозначно исключается из перечня тех инстанций, в которые можно обратиться в случае беды. В то же время недоверие всем официальным структурам часто автоматически распространяется и на негосударственные организации и инициативы (правозащитные организации, адвокатура и др.), поскольку, во-первых, деятельность их, как правило, почти неизвестна гражданам, а во-вторых, сомнительной представляется их способность справиться с коррупционной неправовой машиной. Поэтому каждый решает свои проблемы сам: кто-то обращается к влиятельным знакомым, кто-то оплачивает нужную услугу, и лишь тот, кому недоступны все остальные средства, вынужденно, от безысходности идет по официальному пути. Многие же, в первую очередь самые слабые и не способные постоять за себя (в том числе и в силу правовой неграмотности), вообще не предпринимают никаких действенных мер по защите своих нарушенных прав.

Подтверждение неподконтрольности милиции государственным и общественным структурам – сложившаяся практика отчетности врачей «скорой помощи» и травмпунктов о случаях обращения к ним людей, пострадавших от милицейского насилия. У медиков нет ни четких инструкций о том, куда обращаться в таких случаях, ни уверенности в том, что кто-то будет принимать меры. Очевидно, что первое побуждение сообщить о фактах насилия в милицию в подобной ситуации оказывается абсурдным. Поэтому все эти инциденты остаются лишь достоянием медицинской статистики да неприятным воспоминанием для тех, кто на своем опыте столкнулся с системой «правоохранения». Почти половина опрошенных сотрудников бригаад «скорой помощи» и сотрудников травматологических пунктов в городах России заявляют,

что наиболее часто жертвой милицейского рукоприкладства – наряду с пьяными – выступает, по их опыту, молодежь, подростки; в подгруппе работников травмпунктов такой ответ дали даже 62% опрошенных.

Второй большой круг проблем, делающих общество, особенно самых незащитных его членов, уязвимыми перед беззаконием, определяется широким распространением репрессивной культуры воспитания, воспроизводящей во всех доступных подростку контекстах социального взаимодействия культ силы, иерархичность отношений, невозможность слабого защитить себя, добиться уважительного отношения к своим законным правам.

В особенно тяжелом положении оказываются дети в семьях, где принят авторитарный стиль воспитания, где за провинности их жестоко наказывают, где они не имеют голоса в решении семейных дел и в отношении собственной судьбы. Такой подросток обсуждает с друзьями, а не с родителями, возникающие у него проблемы, в том числе и с правоохранительными органами. Даже когда родители могли бы заступиться за своего ребенка и, возможно, оказать давление на милицию и настоять на соблюдении его прав, они оказываются просто не осведомлены о необходимости такого вмешательства. Не менее 15% родителей не информированы о том, имели ли их сыновья в последнее время контакты с милицией, столько же родителей вообще не знают, если ли у их сына компания друзей, с которыми он проводит время.

Значительная часть подростков, подвергшихся насилию или иному нарушению своих прав со стороны милиции, ограничивается лишь обсуждением проблемы с друзьями и – реже – с родителями, если те склонны к такого рода диалогу и сами не являются источником опасности для подростка. Вызывает тревогу тенденция «привыкания к насилию» – с возрастом увеличивается доля подростков, воспринимающих милицейский произвол если не как законное, то, по крайней мере, вполне обычное и неизбежное зло и не считающих необходимым предпринимать какие-то меры в защиту своих нарушенных прав. Кстати, в рейтинге источников страха, родители стоят на одном уровне с милиционерами: в среднем каждый шестой из опрошенных 14–17-летних больше всего боится милиционеров; столько же испытывают подобные чувства по отношению к собственным родителям. Чем более ограничены имущественные и финансовые ресурсы семьи, тем больше подростки, по их признанию, боятся собственных родителей, так что «родители» как объект боязни выходят у них на первое место, опережая в этом смысле даже «милиционеров» и «хулиганов».

Старшие юноши чуть уверенней чувствуют себя, оценивая перспективу столкновения с милицией, они больше полагаются на свои социальные связи при решении возможных проблем, тогда как для четырнадцатилетних главная инстанция – собственные родители, и лишь треть готова обратиться в правозащитные инстанции. В то же время с возрастом растет толерантность молодежи к неправомерному поведению – каждый двенадцатый из семнадцатилетних готов махнуть рукой и ничего не предпринимать в случае нарушения своих прав милицией. На кого рассчитывают сегодня подросток и его родители, думая о возможных правонарушениях со стороны милиционеров? Подросток – на родителей, как бы он к ним ни относился (56%), на прокуратуру, суд, как бы он, опять-таки, ни расценивал их эффективность (40%), наконец, к друзьям и знакомым (23%). Родители – на прокуратуру, суд (50%), на начальство милиционеров-нарушителей (31%), правозащитные организации (24%), на собственного адвоката (11%), наконец, на СМИ (8%).

Недостаток доверия и теплоты в семье, переход роли авторитета для подростка с родителей на приятелей-сверстников может иметь и более серьезные последствия, если молодой человек попадет в сферу влияния криминальных или экстремистских организаций. Известно, что подростки из неблагополучных, неполных, бедных семей чаще других подпадают под влияние таких «авторитетов». Структура организации таких сообществ также строится на примате силы и жестокости, и образец неправомерного и неуважительного к личным правам социального устройства получает дальнейшее закрепление в сознании подростка. Такой тип отношений закладывает предрасположенность к силовому и максимальному жесткому решению всех конфликтных ситуаций, воспитывает культ силы, поскольку на своем опыте он убеждается, что только сила (или ее универсальный заменитель в социальном пространстве – деньги, которыми он, правда, не обладает) – единственная гарантия его личной безопасности и механизм решения проблем во взаимоотношениях с внешним миром.

Таким образом, значительная часть молодежи составляет группу риска с точки зрения незащитности перед милицейским произволом, с одной стороны, и готовности принять ее стиль общения как единственно знакомый и эффективный, с другой. Несмотря на то, что самими незащитными перед произволом разного рода оказываются подростки из «социально слабых» сред, неверно было бы считать, что проблема милицейского насилия существует лишь для детей из бедных, неполных, неблагополучных семей.

Более или менее обеспеченные взрослые несколько реже опасаются за своих детей, чем родители с ограниченным достатком. Но сре-

ди детей распределение оценок, скорее, обратное: милицейских правонарушений чаще боятся подростки из более зажиточных семей, хотя среди них отчетливее выражена и доля тех, кто твердо уверен, что некорректное поведение милиционеров по отношению к ним невозможно (10% подростков этого имущественного слоя). Неправовых действий со стороны милиции (необоснованно задержат; будут унижать и оскорблять; «пришьют» дело) чаще ожидают сегодня дети руководящих работников; избиения чаще опасаются дети из семей интеллигенции. Угрозу безопасности сына острее чувствуют родители с высшим образованием. Чаще ощущают себя уязвимыми перед милицейским произволом молодые люди, растущие в средних и особенно малых городах России (с населением от 10 до 100 тысяч человек).

Можно предположить, что статусно-имущественная дифференциация в массе россиян пока еще не настолько велика, а состояние социальной и правовой защищенности настолько далеко от реальности, что даже в благополучных семьях преобладают ожидания неминуемых правонарушений со стороны органов охраны права и порядка. Таким образом, чуть большая уверенность более успешных в социальном плане родителей имеет на нынешний день слишком мало шансов быть воспроизведенной в сознании их детей, которые, как видим, в случае относительных успехов родителей острее чувствуют свою уязвимость перед оскорблениями и унижениями со стороны милиции, а в ее лице – и всех остальных элементов государственной «вертикали».

Столкновение подростков с милицией формируют представления о роли этой структуры и строении власти, авторитета вообще, типе взаимоотношений, практикуемых ее членами, и неправовой, силовой характер взаимодействия закрепляется в качестве «нормативного», единственно эффективного.

Тревожным результатом этого опыта становится распространение общего чувства незащитности перед лицом произвола милиции значительной части общества – более двух третей взрослых жителей России считают весьма вероятными шансы подвергнуться ему, и лишь один из шести полагает, что это навряд ли произойдет. Очевидно, что страх, распространенный столь широко, не может не укорениться в наименее защищенных слоях и средах общества. Поскольку это относится в первую очередь к людям, только вступающим во взрослую жизнь, атмосфера страха и бесправия становится фундаментом мировоззрения и гражданской позиции молодого поколения, консервирует эту проблему и делает перспективы ее разрешения призрачными.

Преступность несовершеннолетних в России в 2004 году

Всего в России совершено преступлений – 2 893 810 (на 5% больше, чем в 2003 г.).

Преступления, совершенные несовершеннолетними или при их соучастии, – 154 414 (на 6,2% больше, чем в 2003 г.). Удельный вес от общего числа преступлений – 9,8%.

Выявлено лиц, совершивших преступления, – 1 222 504 человека (на 1,2% меньше, чем в 2003 г.), из них несовершеннолетних – 151 890 человек (на 4,3% больше, чем в 2003 году). Удельный вес несовершеннолетних в общем числе выявленных лиц – 12,4%.

Преступность несовершеннолетних в России за январь 2005 года

Всего в России совершено преступлений – 226 573 (на 6,9% больше, чем в январе 2003 г.).

Преступления, совершенные несовершеннолетними или при их соучастии, – 10 626 (на 5,5% меньше, чем в январе 2003 г.). Удельный вес от общего числа преступлений – 8,6%.

Выявлено лиц, совершивших преступления, – 91 237 человек (на 0,3% больше, чем в январе 2003 г.), из них несовершеннолетних – 11 152 человека (на 3,8 %меньше, чем в январе 2003 г.). Удельный вес несовершеннолетних в общем числе выявленных лиц – 12,2%.

ЗА СТЕНОЙ

МАЛОЛЕТКА

Яков Гилинский

Преступность несовершеннолетних в России

Трезвая оценка положения может привести к страшному подозрению – возможно,... что дети и молодежь не имеют важного значения.

Н. Кристи

Что происходит?

Начнем с обзора ситуации. При этом мы вынужденно будем анализировать официальные статистические данные, хотя, как хорошо известно, они учитывают лишь «надводную часть айсберга» преступности.

В 1987 г. (мы принимаем этот год за базисный, поскольку он характеризуется минимальными показателями – сказалась эйфория горбачевской перестройки) уровень преступности несовершеннолетних в расчете на 100 тыс. населения в возрасте 14–17 лет составил 1510,0¹. В результате последующего ежегодного прироста уровня преступности несовершеннолетних в 1993 г. он достиг 2636,6, то есть за 6 лет увеличился в 1,7 раза. При этом уровень общей преступности за те же годы вырос в 2,3 раза, то есть преступность несовершеннолетних возрастала значительно меньшими темпами, чем преступность в целом. Это необходимо учитывать для наших дальнейших выводов.

Начиная с 1994 г. (уровень 2563,1) происходит ежегодное снижение уровня преступности несовершеннолетних до 1877,5 в 2001 г.

¹ Здесь и далее, если не оговорено иное, в качестве источника информации используются ежегодники «Преступность и правонарушения», а за 2002–2003 гг. ежегодники «Состояние преступности в России».

К сожалению, я не располагаю на данный момент достоверными сведениями об этом показателе за 2002–2003 гг., но (судя по всем остальным показателям, о чем пойдет речь ниже) в эти годы, особенно в 2003 г., вновь начался рост уровня преступности несовершеннолетних.

Об относительном «благополучии» с подростковой преступностью, по сравнению со взрослой, свидетельствует и динамика удельного веса (доли) преступности несовершеннолетних в общем ее объеме. Если в 1987 г. доля преступности несовершеннолетних в общей преступности составляла 19,9%, то к 2000 г. она снизилась до 8,9% (то есть более чем в 2,2 раза) с небольшим возрастанием до 9,0% в 2001 г., 9,1% в 2002 г. и 9,6% в 2003 г.

Наконец, о том же говорит и абсолютное число зарегистрированных преступлений, совершенных несовершеннолетними или с их участием: 1987 г. – 116 149 преступлений, 1993 г. – 225 740 преступлений, 2002 г. – 139 681 преступление и в 2003 г. – 145368 преступлений.

Вышеприведенные данные свидетельствуют о том, что *официальная* статистика не дает оснований для популистских истерических высказываний о «небывалом росте преступности несовершеннолетних». Что же касается *реальной* преступности, как взрослой, так и подростковой, то сведения о ней просто отсутствуют.

Чем объясняется такая «непривычная» тенденция преступности несовершеннолетних? Есть, с нашей точки зрения, несколько возможных объяснений. Во-первых, «демографический» фактор. Доля несовершеннолетних и молодежи в населении относительно снижалась за анализируемый период времени. Во-вторых, «социально-экономический» фактор. Возможно, что подростки и молодежь быстрее и лучше адаптируются в быстро меняющемся мире, нежели взрослые. Другое дело, каковы пути этой адаптации: быстрое трудоустройство, занятие мелким частным бизнесом, уход в наркотики, в ряды организованной преступности (чья деятельность значительно более латентна, нежели «уличная преступность»)? В-третьих, «правоприменительные» факторы. Возможно, если преступления заведомо (по показаниям свидетелей, потерпевших) совершены подростками, правоохранительные органы менее склонны к регистрации и раскрытию таких преступлений. Вероятнее всего, действуют все эти факторы вместе и какие-то еще, не названные мною.

Но картина усложняется, когда мы переходим от общих показателей преступности несовершеннолетних к отдельным ее видам.

Бесспорно, наблюдается относительный *рост наиболее тяжелых насильственных* преступлений, совершаемых несовершеннолетними.

Так, если в 1987 г. удельный вес (доля) подростков 14–17 лет в общей массе убийств (с покушениями) составляла 2,9%, то, постепенно нарастая с каждым годом (1988 г. – 3,3%, 1994 г. – 5,4%, 2000 г. – 6,3%), этот показатель в 2003 г. достиг 7,9% (рост в 2,7%). Удельный вес несовершеннолетних среди лиц, совершивших умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, вырос с 3,3% в 1987 г. до 8,4% в 2001 г. Абсолютное число несовершеннолетних, выявленных в совершении убийств, составило в 1987 г. – 246, в 1991 г. – 550, в 1997 г. – 1350, в 2001 г. – 2126... *Очевидно, что тенденция значительного роста тяжких насильственных преступлений, совершаемых подростками, чрезвычайно тревожна. Это лишь одна, но очень значимая составляющая тотальной эскалации насилия в стране.*

Что же касается преступлений, характеризующихся более высокой латентностью (неучтенностью) – изнасилования, грабежи, кражи, преступления, связанные с наркотиками, – то фиксируется постоянное снижение удельного веса несовершеннолетних в общей массе этих преступлений. Например, доля несовершеннолетних среди лиц, совершивших изнасилование, в 1987 г. составляла 32,6%, в 1999 г. – 14,2% (в 2001 г. – 16,6%). По грабегам доля подростков снизилась с 40,6% в 1988 г. до 21,2% в 2001 г. (24,0% в 2003 г.).

Обратимся к характеристике состава несовершеннолетних, совершивших преступления. Доля девушек довольно стабильна и колеблется от 6,9% в 1992 г. до 9,0% в 1996 г. Существенно преобладают, что вполне понятно, 16–17-летние (по сравнению с 14–15-летними). Их доля превышает 67% с тенденцией к увеличению (свыше 70% начиная с 1997 г.). Так же, как в преступности в целом, постоянно сокращается доля рабочих (с 23,9% в 1991 г. до 4–5% в конце 1990-х – начале 2000-х годов), сельскохозяйственных работников (за те же годы с 2,1% до 0,4–0,5%). Относительно стабильен удельный вес учащихся (30–48% без заметной тенденции). Доля подростков без постоянного источника дохода возрастала с 23,0% в 1991 г. до 43,3% в 1999 г. с последующим сокращением до 32–33% в начале наступившего столетия. Неизменно высок и относительно постояен удельный вес групповой преступности несовершеннолетних: 61–66%. В состоянии алкогольного опьянения совершается 17–28% преступлений подростков, в состоянии наркотического опьянения – от 0,2% в 1991 г. до 0,8% в 1997–1998 гг. с последующим сокращением до 0,4% в 2001 г. Вот еще один из мифов: «Наркотики – главная причина преступности!».

Данные официальной статистики свидетельствуют о значительных региональных различиях в уровне преступности несовершеннолетних.

Так, в конце 90-х – начале 2000-х годов наиболее высокие показатели (уровень свыше 2800) зафиксированы в республиках Бурятия, Карелия, Коми, областях Вологодской, Ивановской, Новгородской, Пермской, Сахалинской, Свердловской, Ярославской, наиболее низкие (уровень ниже 600) – в республиках Дагестан, Ингушетия (ниже 70!), Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия.

Подростки и молодежь – основной контингент и резерв *организованной преступности*, латентность которой чрезвычайно высока. Молодежь составляет большую часть *наркопотребителей* и наркоманов. Подростки и молодежь совершают порядка 70% всех преступлений, связанных с наркотиками (при этом доля несовершеннолетних составляет 7–9%, молодежи в возрасте 18–29 лет – 59–66%). Выше среднемировых показатель *самоубийств* среди российской молодежи. Так, по данным Д. Богоявленского, уровень (на 100 тыс. жителей соответствующего возраста) самоубийств мужчин в возрасте 20 лет вырос с 30 в 1987 г. до 65 в 1994 г., а 25-летних – соответственно с 45 до 85².

Почему это происходит?

Одним из системообразующих факторов современного общества является его структуризация по критерию «включенность/исключенность» (*inclusive/exclusive*). Вообще, дифференциация *общества как следствие углубляющегося разделения труда* есть объективный и в целом прогрессивный процесс. Однако, как все в этом мире, она влечет и негативные последствия. Неодинаковое положение социальных классов, слоев (страт) и групп в системе общественных отношений, в социальной структуре общества обуславливает и *социально-экономическое неравенство, различия (и весьма существенные) в реальных возможностях удовлетворить свои потребности*. Это не может не породить *зависть, неудовлетворенность, социальные конфликты, протестные реакции, принимающие форму различных девиаций*. «Стратификация является главным, хотя отнюдь не единственным, средоточием структурного конфликта в социальных системах»³.

Понятие «исключение» появилось во французской социологии в середине 1960-х гг. как характеристика лиц, оказавшихся на обочине экономического прогресса. Отмечался нарастающий разрыв между

² Богоявленский Д. Российские самоубийства и российские реформы // Население и общество. Информационный бюллетень ЦДЭЧ. 2001. №52 (апрель 2001).

³ Парсонс Т. Общий обзор. В кн.: Американская социология: Перспективы, проблемы, методы. М.: Прогресс, 1972. С. 375.

растущим благосостоянием одних и «никому не нужными» другими⁴. Работа Рене Ленуара (1974) показала, что феномен «исключения» приобретает характер не индивидуальной неудачи, неприспособленности некоторых индивидов («исключенных»), а социального феномена, истоки которого лежат в принципах функционирования современного общества⁵. Исключение происходит постепенно, путем накопления трудностей, разрыва социальных связей, дисквалификации, кризиса идентичности.

Процесс «inclusion/exclusion» приобретает глобальный характер. Крупнейший социолог современности Никлас Луман пишет в конце минувшего XX века: «Наихудший из возможных сценариев в том, что общество следующего (то есть нынешнего. – Я. Г.) столетия примет метакод включения/исключения. А это значило бы, что некоторые люди будут личностями, а другие – только индивидами, что некоторые будут включены в функциональные системы, а другие исключены из них, оставаясь существами, которые пытаются дожить до завтра»⁶.

Аналогичные глобальные процессы применительно к государствам отмечает отечественный автор, академик Н. Моисеев: «Происходит все углубляющаяся стратификация государств... Теперь отсталые страны «отстали навсегда!»... Уже очевидно, что «всего на всех не хватит» – экологический кризис уже наступил. Начнется борьба за ресурсы – сверхжестокая и сверхбескомпромиссная... Будет непрерывно возрастать и различия в условиях жизни стран и народов с различной общественной производительностью труда... Это различие и будет источником той формы раздела планетарного общества, которое уже принято называть выделением «золотого миллиарда». «Культуры на всех» тоже не хватит. И так же, как и экологически чистый продукт, культура тоже станет прерогативой стран, принадлежащих «золотому миллиарду»⁷. Надо ли говорить, что Россия не входит в группу стран «золотого миллиарда»?...

Совершенно очевидны социальные следствия процесса «включения/исключения». Именно «исключенные» составляют социальную

⁴ Погам С. Исключение: социальная инструментализация и результаты исследования // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. II. Специальный выпуск: Современная французская социология, 1999. С. 140–156.

⁵ Lenoir R. Les exclus, un français sur dix. Paris: Seuil, 1974.

⁶ Луман Н. Глобализация мирового сообщества: как следует системно понимать современное общество. В кн.: Социология на пороге XXI века: Новые направления исследований. М.: Интеллект, 1998. С. 94–108.

⁷ Моисеев Н.Н. Расставание с простотой. М.: Аграф, 1998. С. 360, 447.

базу преступности и иных форм девиантности (алкоголизм, наркотизм, терроризм, проституция и др.). Так, «отчаяние молодых перед будущим, которое им кажется безысходным, лежит в основе делинквентного поведения, нарушений общественного порядка, столкновений с полицией»⁸. Неудивительно, что мировая криминология активно обсуждает тему «inclusive/exclusive» как один из источников криминального и вообще девиантного поведения⁹.

Подростки и молодежь современной России также делятся на две неравные части: «включенное» (*included*) меньшинство, успешно вписавшееся в российский «дикий» капитализм в силу принадлежности к современной правящей элите (властной, экономической, криминальной) или же исключительных личных качеств (образованность, сила, находчивость, умения и др.), и «исключенное» (*excluded*) большинство. Первые (*included*) учатся в Кембридже или Бостоне, отдыхают на средиземноморских курортах, катаются на «Мерседесах», делают карьеру в сферах политики, бизнеса, финансов, менеджмента. Вторые (*excluded*) не имеют возможности для нормального существования. Есть и третья группа, находящаяся между первой и второй. Но средний класс в России не сформирован, и «третьи» со временем переходят либо в «первые» (редко), либо во «вторые» (часто).

Вообще, нет каких-то особых, специфических «причин» преступности и девиантности подростков и молодежи. Но *социально-экономическое неравенство, неравенство возможностей, доступных людям, принадлежащим к различным группам (стратам), особенно остро проявляется применительно к подросткам и молодежи.*

Во-первых, во всех обществах понятия «старший» и «младший» означают не только возрастные, но и статусные различия. «Понятие «старшинства» имеет не только описательное, но и ценностное, социально-статусное значение, обозначая некоторое неравенство или, по меньшей мере, асимметрию прав и обязанностей. Во всех языках понятие «младший» указывает не только на возраст, но и на зависимый, подчиненный статус»¹⁰. Различия возрастные оборачиваются соци-

⁸ Погам С. Указ. соч. С. 150.

⁹ Finer C., Nellis M. (eds.) *Crime and Social Exclusion*. Blackwell Publishers Ltd., 1998; Young J. *The Exclusive Society: Social Exclusion, Crime and Difference in Late Modernity*. SAGE Publications, 1999; Гилинский Я. *Криминология: Теория, история, эмпирическая база, социальный контроль*. СПб.: Питер, 2002.

¹⁰ Кон И. *Ребенок и общество: (историко-этнографическая перспектива)*. М.: Наука, 1988. С. 85.

альным неравенством. И в российском обществе дети, подростки, молодежь страдают не только от непонятости, заброшенности, репрессивных мер «воспитания», но и от неравенства положения, неравенства шансов – по сравнению со взрослыми – получить жилье, работу, вознаграждение за нее, защитить свои интересы. Подростки отличаются не только высокой девиантностью, но и повышенной *виктимностью* (способностью стать жертвой)¹¹.

Во-вторых, противоречия между наличными (и постоянно растущими) потребностями людей и неравными возможностями их удовлетворения приобретают *особенно острый характер* применительно к подросткам и молодежи. Бурное развитие их физических, интеллектуальных, эмоциональных сил, желание самоутвердиться в мире взрослых вступает в противоречие с недостаточной социальной зрелостью, отсутствием профессионального и жизненного опыта, невысокой квалификацией (или отсутствием таковой), а, следовательно, и невысоким (неопределенным, *маргинальным*) статусом. Многочисленными исследованиями выявлена неудовлетворенность подростков и молодежи условиями обучения и труда, жилищными условиями, возможностями проявить себя в творческой деятельности. Эта неудовлетворенность объясняется объективными обстоятельствами, а не «капризами» молодых.

В-третьих, применительно к подросткам остро стоит проблема «каналирования» энергии, социальной активности в общественно одобряемом или допустимом направлении, ибо молодость особенно нуждается в социальном признании, самоутверждении опять же при недостаточных возможностях. Неудовлетворенная потребность в *самоутверждении* приводит к попыткам реализовать себя не только в творчестве (что достаточно сложно), но и в негативных формах активности («комплекс Герострата») – насилии, преступлениях (это «проще»), или же приводит к ретроизму («уходу» – в алкоголь, наркотики, из жизни). Фундаментальное противоречие между потребностями и возможностями может быть конкретизировано применительно к несовершеннолетним в современном российском обществе, как, например, это делает Г. Забрянский¹²:

– противоречие между целями, к которым общество призывает стремиться подростков, и теми легальными возможностями, которые оно им предоставляет для их достижения;

¹¹ Социальное сиротство в современной России: Аналитический доклад / ред. А. Реан. М.: ENSCW, 2002.

¹² Забрянский Г.И. Социология преступности несовершеннолетних. Минск: Минсктип-проект, 1997. С. 77.

- противоречие между расширением возможностей выбора в различных сферах жизнедеятельности и сужением легальных средств реализации этих возможностей;
- противоречие между расширением потребностей в квалифицированном, престижном и высокооплачиваемом труде и ограниченными возможностями их удовлетворения;
- противоречие между стремлением к богатству и ощущением невозможности его достижения легальными способами;
- противоречие между необходимостью усиления социальной и правовой защиты несовершеннолетних и ограниченными материальными возможностями общества.

Определенное значение в генезисе подростковой преступности имеют и биологические факторы. Так, в период полового созревания (от 11–13 лет до 15–17 лет) «у подростков сразу появляется сильное стремление к самостоятельности, ... проявляются негативизм и упрямство. Подросток чувствует неуклонную тенденцию суверенной самостоятельности и беспощадного отрицания всего, до сих пор существовавшего»¹³. Ясно, что это может способствовать совершению девиантных поступков, включая преступления.

Чем сердце успокоится?

Боюсь, что ничем. Пока сохраняются и все более усиливаются факторы, обуславливающие наличие и возрастание преступности несовершеннолетних, она будет расти, несмотря на какие бы то ни было заклинания властей. Не видно также, чтобы какие-либо тенденции способствовали «оптимизации» (или, по выражению В. В. Лунеева, «гуманизации») структуры подростковой преступности – относительному сокращению доли насильственных преступлений при соответствующем росте имущественных, корыстных. Явная милитаризация страны, участие молодежи в локальных конфликтах, повышение victimности (возможности стать жертвой) подростков, безумные планы поголовного набора в армию с ее дедовщиной, продолжающийся разрыв доходов и возможностей сверхбогатого меньшинства и полуничего большинства – очевидные предпосылки дальнейшей криминализации и повышения агрессивности подростков и молодежи.

¹³ Узнадзе Д. Н. Психологические исследования. М.: Наука, 1966. С. 423–424.

Что же делать?

Превенция с советских времен *провозглашается* главным направлением уголовной политики. Президент России за последние годы призывал к развитию физкультурно-спортивной работы среди молодежи, к решению проблемы бездомных, безнадзорных подростков. Однако *фактически* превентивная работа на государственном – федеральном и региональном – уровне *почти не ведется*. Вся превентивная деятельность (помощь бездомным, жертвам сексуального и иного криминального насилия, наркоманам, лицам, освобождающимся из пенитенциарных учреждений, и др.) осуществляется негосударственными организациями (НГО) и частными лицами.

При этом, с моей точки зрения, приоритетным является обеспечение наиболее существенных, базовых направлений первичной (общесоциальной) превенции (фактическое соблюдение основных прав человека; обеспечение его безопасности; предоставление каждому реальных возможностей удовлетворять потребность в творчестве, самоутверждении; сокращение чрезмерного разрыва между материальной обеспеченностью сверхбогатого меньшинства и полунищего большинства и т.п.). Без этого трудно рассчитывать на успех других хотя и очень важных, но воистину вторичных (специальная профилактика – установление решеток на окнах, металлических дверей, охранной сигнализации и т.п.) и третичных (индивидуальная профилактика) мер. Ибо состояние преступности, наркотизма, пьянства, самоубийств существенно зависит от степени *респонсивности* общества (А. Этциони), то есть его *способности обеспечивать* витальные, социальные, духовные *потребности человека*.

Уголовное и уголовно-процессуальное право России предусматривает особый порядок уголовной ответственности (гл. 14, ст. ст. 87–96 УК РФ) несовершеннолетних (14–17 лет) и процессуального расследования и рассмотрения дел по обвинению несовершеннолетних (гл. 50, ст. ст. 420–432 УПК РФ). Основные особенности: относительно меньшая строгость мер наказания (неприменение смертной казни, лишение свободы на срок до 10, а не до 20 лет, и др.); вместо наказания к несовершеннолетним могут быть применены принудительные меры воспитательного воздействия (предупреждение, передача под надзор родителям, ограничение досуга и др.); наличие оснований освобождения от уголовной ответственности; обязательность участия защитника, а в ряде случаев педагога при допросе несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого, и др.

Требования уголовного и уголовно-процессуального закона обычно выполняются. Но при этом *фактическая* тяжесть уголовной ответ-

ственности несовершеннолетних остается (в 1997–2003 гг. к *реальному* лишению свободы приговаривались 32–35% всех осужденных, из числа несовершеннолетних – 23–26%).

Действующий Уголовный кодекс Российской Федерации (1996 г.) по своим санкциям является *самым тяжким (репрессивным)* за весь советский и постсоветский периоды, включая годы сталинского тоталитарного режима. В частности, был исключен ранее существовавший институт отсрочки исполнения приговора, что автоматически усилило реальную репрессивность наказания, особенно в отношении несовершеннолетних, которым ранее такая отсрочка предоставлялась судами (в 90-е годы минувшего столетия отсрочка была предоставлена всего 17–19% осужденных и 40–49% из числа несовершеннолетних). Фактическое неприменение таких видов наказания, как арест и ограничение свободы, приводит к тому, что суды вынуждены выбирать между реальным (23–26%) и условным (73–76%) лишением свободы несовершеннолетних. Лишь 0,3–0,7% подростков осуждаются к исправительным работам и 0,7–1,8% к штрафу. Между тем условия отбывания наказания несовершеннолетних в пенитенциарных учреждениях крайне неблагоприятны¹⁴.

Идеи ювенальной юстиции и восстановительной юстиции (*restorative justice*) обсуждаются, но почти не реализуются (за редчайшим исключением)¹⁵.

Проблема реинтеграции молодых правонарушителей – одна из важнейших и сложнейших. Некоторые шаги в этом направлении делаются (психологи в колониях для несовершеннолетних и центрах временной изоляции несовершеннолетних правонарушителей, образовательные и реадaptационные программы¹⁶). Но то, что делается, – «капля в море», и эффективность очень низка. И в этой деятельности приоритет принадлежит НГО, а не государственной системе. Высок рецидив среди тех, кто в молодые годы оказался объектом уголовной юстиции.

¹⁴ Дети в тюрьме. М., 2001. Вып. 1; М., 2003. Вып. 2. Подросток в местах заключения. М.: Центр содействия реформе уголовного правосудия, 1997.

¹⁵ Вестник восстановительной юстиции. М., 2000. Вып. 1; М., 2001. Вып. 2; Восстановительное правосудие в России: Технология взаимодействия общества и государства. М.: Судебно-правовая реформа, 2001; Восстановительное правосудие, ресоциализация и городская политика. М.: Судебно-правовая реформа, 2002.

¹⁶ К вопросу о социальной реабилитации наиболее уязвимых групп тюремного населения (подростки, женщины). М.: Центр содействия реформе уголовного правосудия, 2001; Несовершеннолетние в уголовно-исполнительной системе России: проблемы исполнения наказаний, социальной адаптации и их совершенствования. М.: Центр содействия правосудию, 2002.

Таблица 1

Основные показатели преступности несовершеннолетних в России (1991–2003)

	Количество зарегистрированных	Уровень (на 100 000 преступлений жителей в возрасте 14–17 лет)	Доля (%) в общей преступности
1991	173 375	2079,6	17,0
1992	199 291	2404,6	16,4
1993	225 740	2636,6	16,2
1994	221 649	2563,1	14,0
1995	209 777	2402,2	12,0
1996	202 935	2295,5	11,0
1997	182 798	2030,2	10,9
1998	189 293	2029,4	10,3
1999	208 313	2183,2	9,6
2000	195 426	2012,1	8,9
2001	185 379	1877,5	9,0
2002	139 681	нет сведений	9,1
2003	145 368	нет сведений	9,6

Таблица 2

Доля несовершеннолетних, совершивших различные преступления в России, в общем количестве расследуемых преступлений (1991–2003)

	Умышленные убийства с покушениями	Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью	Изнасилование (с покушениями)	Разбой	Грабеж	Кража	Взятничество (с 1995 г. не учитывается)	Преступления, связанные с наркотиками
1991	4,1	3,8	25,4	19,4	33,6	30,9	0,2	9,3
1992	4,0	3,8	23,7	20,0	32,2	26,8	0,2	8,7
1993	4,8	4,8	22,5	21,7	31,4	24,0	0,3	8,0
1994	5,4	5,4	22,4	21,0	29,8	21,0	0,1	7,1
1995	5,9	5,4	20,8	19,7	28,2	19,5	–	7,3
1996	5,6	5,7	20,1	18,3	26,7	18,5	–	7,6
1997	5,7	5,7	16,0	16,5	24,3	18,1	–	8,6
1998	5,2	5,7	15,1	15,3	23,6	17,4	–	7,2
1999	5,5	6,1	14,2	14,7	21,9	16,2	–	5,7
2000	6,3	6,9	15,1	16,5	21,7	16,2	–	5,0
2001	7,5	8,4	16,6	17,2	21,2	17,4	–	4,2
2003	7,9	нет сведений	нет сведений	18,5	24,0	нет сведений	–	нет сведений

Таблица 3

**Характеристика несовершеннолетних, совершивших
преступления в России (1991–2001)**

	1991	1992	1993	1994	1995
Всего (абсол. количество)	159 461	188 186	203 826	200 954	208 096
В том числе (%):					
муж.	92,7	93,1	92,8	91,9	91,4
жен.	7,3	6,9	7,2	8,1	8,6
14–15 лет	32,8	31,5	32,8	32,4	33,2
16–17 лет	67,2	68,5	67,2	67,6	66,8
рабочие	23,9	20,0	13,3	11,8	10,8
работники с. хоз-ва	2,1	1,9	1,6		
учащиеся	46,5	43,5	39,9	30,6	42,0
студенты	2,9	2,6	2,1	2,3	2,2
лица без постоянного источника доходов	23,0	30,0	29,4	33,3	40,4
безработные	–	–	2,0	2,3	2,9
совершившие преступления в группе	68,4	68,0	64,9	65,0	62,0
в состоянии алкогольного опьянения	17,1	17,6	25,9	28,4	27,8
в состоянии наркотического опьянения	0,2	0,3	0,5	0,4	0,4

	1996	1997	1998	1999	2000	2001
Всего (абсол. количество)	192 199	161 978	164 787	183 447	177 851	172 811
В том числе (%):						
муж.	91,0	92,0	92,2	91,8	91,4	91,8
жен.	9,0	8,0	7,8	8,2	8,6	8,2
14–15 лет	32,6	28,3	28,4	27,9	27,7	30,0
16–17 лет	67,4	71,7	71,6	72,1	72,3	70,0
рабочие	8,8	6,9	5,5	4,5	5,0	5,3
работники с. хоз-ва	0,4	0,8	0,6	0,4	0,5	0,4
учащиеся	44,7	46,3	48,6	48,1	47,1	46,0
студенты	–	2,5	2,7	3,0	3,0	3,1
лица без постоянного источника доходов	41,1	41,1	42,9	43,3	32,4	33,3
безработные	2,7	3,2	3,2	2,1	2,3	2,5
совершившие преступления в группе	60,9	64,0	64,3	65,8	64,2	63,5
в состоянии алкогольного опьянения	26,2	23,3	19,6	16,9	16,9	18,0
в состоянии наркотического опьянения	0,6	0,8	0,8	0,6	0,5	0,4

Примечание: Доля служащих ниже 0,1–0,2% ежегодно.

Источники: Ежегодники «Преступность и правонарушения». М.: МВД РФ, МЮ РФ.

Преступность несовершеннолетних в г. Москве в 2004 году

Всего совершено преступлений несовершеннолетними или при соучастии – 3193 (в 2003 г. – 2905).

Привлечено к уголовной ответственности – 3557 человек (в 2003 г. – 3419).

По сравнению с 2003 г. увеличился удельный вес корыстно-насильственных преступлений: краж – на 27,9 %, грабежей – на 18,4 %, разбоев – на 2,3 %, а также убийств – 25 и 31 соответственно, причинение тяжкого вреда здоровью – 42 и 55.

Количество подростков, совершивших преступления повторно, увеличилось с 225 в 2003 г. до 289 в 2004-м, что составляет 8% от общего числа привлеченных к ответственности несовершеннолетних, в том числе условно осужденных – 65 в 2003 г. против 109 в 2004-м.

Число преступлений, совершенных иногородними несовершеннолетними, увеличилось и составил 24,9%.

В 2004 г. 36 678 несовершеннолетних привлечено к административной ответственности, из них жителей Москвы – 5069.

Из числа несовершеннолетних, совершивших преступления в 2004 году, каждый второй подросток не учится и не работает, на 12,3% выросло число правонарушений, совершаемых учащимися (1549 в 2003 г. и 1741 в 2004).

Растет «феминизация» подростковой преступности в Москве: 20,3% от общего числа несовершеннолетних, привлеченных в 2004 к ответственности за совершение преступлений, составляют девушки.

Сохранилась тенденция к повышению криминальной активности подростков младшего возраста. В 2004 г. к уголовной ответственности привлечен 821 подросток от 14 до 15 лет (в 2003-м – 775).

Преступность несовершеннолетних в г. Москве в январе-феврале 2005 года

Всего совершено преступлений несовершеннолетними или при их соучастии – 544 (за аналогичный период 2004 г. – 610), из них:

- убийств – 4;
- причинение тяжкого вреда здоровью – 4;
- кражи – 170 (за аналогичный период 2004 г. – 208)
- грабежи – 147
- разбои – 37
- преступления на сексуальной почве – 0

Привлечено к уголовной ответственности – 565 несовершеннолетних.

Совершено преступлений вместе со взрослыми – 82 (за аналогичный период 2004 г. – 117).

Из числа привлеченных к уголовной ответственности ранее уже привлекались – 53 человека.

По состоянию на 1 января на учете в подразделениях по делам несовершеннолетних состояло 12 688 человек, из них из неполных семей – 5309 человек; не имеют родителей – 248 человек.

Александр Сичков**Дело номер «ноль»**

В феврале 2003 года из гаражно-строительного кооператива «Пионер» в Советском районе города Казани украли автомагнитолу из машины П. Жданова. Милиция находилась в растерянности – никаких «зацепок» у нее не было. Но следователи знали, что надо делать...

В марте 2003 года в правозащитный центр города Казани обратились две женщины – Марина Петрова и Эльмира Нуриева. Они рассказали, что их сыновей до полусмерти избили сотрудники милиции. Мамы находились в растерянности – они не знали, что надо делать...

Гражданин Жданов заявил о краже магнитолы. Оперативники отдела уголовного розыска Советского РУВД г. Казани стали ее искать, вернее, стали искать тех, кто ее украл. Подозрение пало на двух мальчишек из поселка Дербышки – Дениса Петрова и Артура Нуриева. Почему именно на них – неизвестно до сих пор. Но версию стали «прорабатывать».

Ребят вызвали в отделение. Пришли они туда со своими мамами 26 февраля 2003 года. Нуриев с матерью явились в ОМ «Дербышки» около 19 часов. Артура завели в кабинет оперуполномоченного, а мать осталась ждать в коридоре и ждала полтора часа. Артура пытались «расколоть», заставить признаться в краже автомагнитолы. Задавали вопросы – Артур не признавался. Через некоторое время в кабинет вошел сотрудник по имени Ильяс. Спросил: «Ты же украл эту магнитолу?» Подросток ответил, что не крал. Тогда оперативник замахнулся на него правой рукой, пытаясь ударить в грудь, но его остановил коллега: «Тихо, он с матерью». Ильяс со злобой сказал: «Что, мамочка у тебя здесь сидит, поэтому ты такой крутой. Ничего, ты еще убийство Листьева на себя возьмешь. Все вы крутые, пока мамочки здесь...» Мамочку решили отправить домой, сказав, чтобы приходила завтра. Эльмира Нуриева ушла из отделения. Проходя мимо кабинета № 19,

она услышала крики Дениса Петрова: «Я этого не делал!», затем глухие звуки ударов. Маму Петрова уже успели выпроводить...

Из отчета о результатах общественного расследования по делу Петрова и Нуриева:

«... После ухода матери в кабинет вошел начальник ОМ «Дербышки» Ю. Хуткубия и, обвинив Нуриева в краже автомагнитолы, нанес три удара ребром ладони по затылку и в область лопатки. Затем Нуриева отвели в дежурную часть... Около 23–24 часов Нуриева вновь завели в кабинет, где находились сотрудники ОУР Гарифуллин Т. А. и Абдуллин И. Последние били Нуриева по груди и ногам. После отказа признаться в краже Абдуллин надел на Нуриева противогаз, а Гарифуллин в это время держал Нуриеву руки, периодически на несколько минут перекрывая шланг, по которому поступает воздух, – подростка пытали. Потом Нуриева пристегнули к наручникам, вделанным в стену кабинета, при этом пережав кисть руки. Рука у Нуриева стала отекать, он испытывал сильную боль. Гарифуллин стал бить руками Нуриева по этой кисти. Последний, не выдержав боли, согласился дать показания, необходимые сотрудникам ОВД. После этого Нуриев просидел два часа в кабинете, пристегнутый к стене наручниками, в то время как сотрудники спали в кабинете. Позже сотрудники милиции написали объяснение от имени Нуриева, и последний подписал его, не читая. 28 февраля 2003 года около 21.30 Нуриева отпустили....»

Петров с матерью 26 февраля 2003 года примерно около 19 часов пришли в ОМ «Дербышки»... В кабинете Абдуллин И., Бурганов И., и Гарифуллин Т. стали избивать Петрова. Ему наносили удары ногами по голове, били затылком об стену. Затем Абдуллин велел встать Петрову лицом к стене, широко расставив ноги. В такой позе Петров простоял два часа. Затем его снова стали избивать. Потом Петрова отвели в камеру. На следующий день в 16 часов избияния продолжились. В это время в кабинет заходил начальник Ю. Хуткубия. Оперативники сказали ему, что Петров отказывается давать признательные показания и сейчас они ему будут «делать слоника»... Петров потерял сознание. Через три часа его вновь стали избивать. Петрову стало плохо, к нему вызвали бригаду «скорой помощи»...»

Под руководством начальника отдела мальчишек избивали четверо милиционеров. Результат допроса: у Петрова – ушиб грудной клетки, перелом двух ребер. У Нуриева – множественные ушибы грудной клетки, закрытый перелом одного ребра, ушиб коленного сустава. Петров и Нуриев подписали признание в краже автомагнитолы.

Матери Петрова и Нуриева обратились в Правозащитный центр города Казани.

Именно с этого дела началась история Казанского правозащитного центра. На нем была отработана схема ведения дел о насилии в правоохранительных органах. В дальнейшем делу Петрова–Нуриева был присвоен порядковый номер «ноль». Дело «Петров–Нуриев» стало точкой отсчета профессиональной деятельности казанских правозащитников.

«Когда к нам с заявлением обратились мамы ребят, мы думали, как поступить. То ли бежать сломя голову в прокуратуру, то ли поступить мудрее. К тому моменту мы только-только начали работать в проекте общественного расследования, – рассказал программный директор Правозащитного центра Павел Чиков. – У нас уж было несколько неудач: избитых в милиции граждан потом осудили либо за сопротивление властям, либо за дачу заведомо ложных показаний. Это был очень неудачный старт. И в тот раз мы опасались навредить мальчишкам, поэтому от заявления матерей до отправки дела в прокуратуру прошло время...»

Дело в том, что если в прокуратуру приходит человек, у которого вместо лица – месиво, а на написанном им заявлении о возбуждении уголовного дела – капли крови, то он скорее всего получит отказ. Вот если к своему заявлению приложить некий набор официальных документов, то отказать прокуратуре уже гораздо сложнее.

Правозащитники начали с проверки. Собрали все документы: медицинские справки, показания свидетелей. И только потом, вместе с адвокатом и материалами дела отправились в прокуратуру. Прокуратуре ничего не оставалось делать, как возбудить уголовное дело. Это случилось в мае 2003 года.

В мае 2003 года было возбуждено еще одно уголовное дело – по следам истории потерпевших Петрова и Нуриева. 8 мая 2003 года адвокат, который «неофициально представлял интересы работников милиции», встретился с адвокатом Правозащитного центра Ириной Хруновой. По его словам, один из милиционеров, который должен был быть привлечен к ответственности, является родственником «влиятельного человека». «Защитник интересов» милиционеров предлагал пойти на компромисс: нет дела в прокуратуре – нет дела по краже. Также он указывал на очень влиятельных лиц, которые могут замять это дело. Дело действительно «замяли» за неустановлением личности. Сначала дело в отношении оперуполномоченного Ильяса Бурганова, племянника влиятельного человека, выделили в отдельное производство, а

затем и закрыли за неустановлением личности. Оперативник Ильяс из уголовного дела исчез. Слишком сложно было установить личность человека с таким распространенным именем в отделении, где работают 10 оперов... В то же самое время капитан милиции Ильяс Бурганов, оперуполномоченный, перевелся на работу в управление собственной безопасности Республики Татарстан. Человеку, фактически руководившему избиванием двух мальчишек, доверили выявлять нарушения закона, допускаемые другими сотрудниками милиции. Его должность в УСБ – старший уполномоченный по особо важным делам. Парадокс?

Павел Чиков полагает, что дело Петрова–Нуриева – это классический случай: «Там произошло буквально все, что могло произойти с пострадавшим во время столкновения с правоохранительными органами. Все действия, все попытки, все инициативы, которые могут использовать сотрудники милиции в свою защиту, были использованы в этом деле».

Летом из органов внутренних дел уволился начальник ОМ «Дербышки» Хуткубия. Связано ли это было с февральским допросом – неизвестно. Пресс-служба УВД Татарстана не смогла ответить на этот вопрос. В июле Артур Нуриев опознал двух избивавших его сотрудников милиции – Гарифуллина и стажера Абдуллина. В отношении милиционеров прокуратура возбудила уголовное дело. В январе 2004 года следствие в отношении Абдуллина прекратили. Причина – отсутствие состава должностного преступления. В марте Денис Петров из-за последствий травм перенес клиническую смерть с остановкой сердца. В апреле Артура избили на улице. Нападавшие требовали «не ходить на суд».

Суд состоялся в мае 2004 года. Гарифуллин был приговорен к двум годам лишения свободы. Двое сотрудников милиции уволились по собственному желанию. Артуру Нуриеву возместили моральный вред – 30 тысяч рублей.

31 мая Дениса Петрова вновь доставили в отделение «Дербышки». Обещали отпустить, если он даст им 500 рублей. Петров на милиционеров не жаловался – боялся расправы. 1 июня Дениса Петрова и Артура Нуриева опять забрали в милицию. Артуру удалось бежать, а Дениса продержали там всю ночь. 2 июня Дениса привлекли к административной ответственности за мелкое хулиганство. Постановление Петров не обжаловал – боялся. В августе Правозащитный центр прекратил общественное расследование дела Петрова и Нуриева. Артура восстановили в правах. Денис Петров, несмотря на усилия адвокатов и правозащитников, отказался от дальнейшей работы по делу.

В сентябре 2004 года, в ходе прокурорской проверки, было найдено когда-то прекращенное дело в отношении Ильяс Бурганова. Прокуратура Татарстана приняла политическое решение – возобновить расследование. Недавно за применение к задержанным насилия и спецсредств осужден к трем годам лишения свободы условно бывший старший уполномоченный отдела «Дербышки» Советского РУВД Казани Ильяс Бурганов. Тот, который бил по голове, груди и животу и душил противогазом задержанного Дениса Петрова в присутствии стажера Абдуллина. Где сейчас проходит практику стажер Абдуллин, выяснить не удалось.

Денис Петров и Артур Нуриев работают в Казани. Не учатся. У Дениса заметны серьезные нарушения психики и физического здоровья. И Денис Петров, и Артур Нуриев отказываются общаться с журналистами.

Сейчас казанский Правозащитный центр пытается добиться возмещения морального и материального вреда Денису Петрову. Другие участники избиения ребят продолжают нести службу на страже закона. Закон пока на их стороне.

Фонд «Общественный вердикт»:
Россия, 101000, Москва,
Колпачный переулок, 3/2.
Тел.: (7 095) 540-68-51
Факс: (7 095) 540-68-52
E-mail: info@publicverdict.org
www.publicverdict.org

Основные принципы деятельности Фонда «Общественный вердикт»:

- сотрудничество с региональными партнерскими организациями в сфере защиты прав человека от нарушений со стороны правоохранительных органов и иных государственных структур;
- содействие деятельности правозащитных организаций;
- проведение исследований по проблемам прав человека в России;
- информирование общественности о ситуации с правами человека в России.

Иван Петров

Я – малолетка

Как выглядит со стороны московская тюрьма для малолеток, я не видел. Я ехал в «автозаке». На улице было холодно. При подъезде к тюрьме мы остановились. К нам в машину закинули примерно еще человек семь. Было ощущение, как будто мы рыба в бочке. Заехав на территорию тюрьмы, мы остановились напротив центрального входа. По одному нас под конвоем отводили на центральный корпус. Внутри была сильная влажность. С потолка капала вода и сыпалась штукатурка, все было закапано, как в старой бане. Нас повели по длинному коридору – я смотрел на ржавые, сальные двери камер.

Пришли на шмон. Нас заставили раздеваться наголо, приседать. При этом пиздили по почкам от скуки. Угрожали, что в камере, в которую приведут, тебя сделают пидорасом. Заставили учить правила поведения заключенного. Все это время не переставали бить. После окончания проверки нас повели на каптерку. Поставили на «растяжку» (стоя у стены, ноги на всю возможную ширину, руки вверх с ладонями, вывернутыми наружу) на два-три часа. По одному вызывали к каптеру. От каптера ужасно пахло перегаром, хотя он тоже был заключенным. Заставили снимать «вольную» одежду, выдавали вместо нее грязную, рваную, иногда с бельевыми вшами робу-спецовку. Из моей одежды остались трусы, футболка, носки и ботинки. Дошло дело до спальных принадлежностей. Подушку было невозможно отличить от кирпича, такая она была грязная и жесткая. Матрасы были такими тонкими, что даже не чувствовал их, когда спал. Одеяло было просто как марля, тонкое и

Иван Петров два месяца отсидел в ИЗ – 77/5 города Москвы (см. примеч. – *Ред.*) по обвинению, которого ему по закону предъявить не могли до достижения 16 лет (Ивану всего 15). Он проходил по делу о захвате приемной администрации президента РФ членами Национал-большевистской партии 14 декабря 2005 года.

дырявое. Нас начали таскать по холодным, мрачным коридорам. Привели на седьмой этаж, там, в отличие от всей тюрьмы, было почище. Подвели к камере, в двери было несколько дырок, прогрызенных супинаторами, – там сразу же замелькали тени. Подошел конвоир, вставил два ключа в хлипкие замки, после нескольких оборотов ключа дверь открылась. Я зашел в камеру, в ней горел тусклый свет. Была ночь. В камере, на первый взгляд, все спали, но когда закрыли дверь, все оказалось не так. Ко мне подошли двое заключенных. Остальные же двенадцать человек спали и не двигались. После того, как мне объяснили, где моя кровать, что можно, что нельзя примерно делать, я лег спать.

В шесть часов – подъем. Все проснулись, умылись, сели за стол. Позвали меня и начали расспрашивать, как я сюда попал и за что. После того как я назвал все свои статьи (278-я – захват власти от 12 до 20 лет, 214-я – хулиганство, 167-я – порча госимущества), все заключенные долго молчали в шоке. Ни у кого из них не было таких статей. После этого они начали долго объяснять, кем ты будешь первое время. «Зелеными» называли тех, кто только попал на тюрьму впервые. За несколько дней я освоился. За эти несколько дней посмотрелся всякого. Одного «опущенного» за то, что он дотронулся до чужой наволочки, отметили так, что он не мог ни ходить, ни разговаривать целый день. Если ты не хочешь его бить, то могут избить и тебя. «Отстраненные» (или опущенные) там были даже не люди. Попал он в тюрьму за то, что захотел побороться за чистоту нации. Неудачно. Толпой в 30 человек ворвались в вагон метро и нанесли тяжкие телесные повреждения кавказцам. В камере он не смог объяснить, зачем это сделал.

Как себя поставишь, так и будешь жить. Все жили, стараясь подражать «ворам». Отказ от такой жизни делал тебя отщепенцем. В камере было братство, если менты начинали кого-то бить, издеваться, камера, этаж и весь корпус поднимали бунт: голодовка, перерезают вены, вышибают «кормушки» на дверях, не выходят на проверки... Так все время и жили. Как говорил смотрящий за камерой, тюрьма – это школа, а зона – экзамен. Только из-за этого малолетку и боялись, потому что она была беспредельной. Ментам приходилось считаться с понятиями заключенных.

Заботились не только о сокамерниках, но и о тех, кто сидит в карцерах. Каждый день перед проверкой делали «грузы». В «грузах» были сладости и сигареты, так как в карцерах это запрещалось. Даже если приходили письма – до сидящего в карцере они не доходили. Вечером водили на прогулку, на крышу, там были сделаны боксы с решеткой вместо потолка. На прогулку выводили в робе, выдавали фуфайки: грязные, порой без рукавов, мокрые. При всем при этом только на

наш этаж поступило 200 новых фуфаяк. Неизвестно, где они были. На прогулке мы прятали во всевозможные места «грузы» для других заключенных, тех, кто находится в карцерах. Их уважали. Там они находились не просто так, а за то, что ломали режим. Гуляли мы минут 15–30, не больше. Хотя по закону положено два часа. Все время прогулки шло запрещенное общение между камерами. После прогулки, примерно часов в восемь, мы без конвоя спускались в свои камеры, нам не хватало только ключей, чтобы совершить побег. В камеру мы с собой пронесли даже проволоку, оторванную на прогулке, длиной метров шесть, нас даже не обыскивали. Дожидались ужина. Кормили нас, конечно, «хорошо». Утром кашу – перловку или сечку, в обед – суп неизвестно из чего, а на ужин тухлую пересоленную капусту. Большим спросом пользовался хлеб, но его выдавали полбуханки на человека. После ужина перед отбоем заваривали чифир, садились за стол и обсуждали, как прошел денек и кто где накосячил. После выяснения всех проступков перед «воровским кодексом» виновные вставали у стенки, и им «пробивали в душу». Сколько бить ударов, говорил смотрящий. После отбоя все идут умываться и спать. Спали не все. Камера делилась на две категории: дневные и ночные. Ночными называли более понимающих «ход воровской жизни» – второходов, долгосидящих. Ночные занимались, тем, что гоняли «дороги» через решетки. Тогда охрана с запретной территории звонила на корпус дежурному, после чего начинали шмонать все камеры. Об этом предупреждал человек, который стоял на шухере у дверей, его называли «шлинфтовой» – «спина и уши хаты». В дневной «массе» тоже были шлинфтовые. Их было пятеро, в том числе и я. Каждый «зеленый» вначале становился шлинфтовым. Обо всех движениях на проходе он должен предупреждать камеру. Если же он этого не делал, его могли скинуть со шлинфтов или «пробить в душу» всей камерой.

Еще там была школа. Периодически нас выводили на уроки. Урок заключался в том, что вся камера сидит за партами, приваренными к полу, и просто смотрит телевизор. Был там священник. Он учил нас истории мироздания, раздавал иконки, крестики, дарил всякие подарки. Как-то раз он хотел принести нам в камеру радио. Но это радио не пропустили даже на территорию, так как по нему можно было слушать переговоры ментов. Чего они очень боялись. Как-то раз нам в камеру попал телевизор с радио. В течении всего дня мы слушали их переговоры, узнали, что в такой-то день будет шмон с участием ОМОНа. Так и произошло. Прессовали три камеры – это были «учения». После чего произошел небольшой бунт под Новый год. В карцеры попало пять че-

люлек зачинщиков. Они пускали по камерам предупреждения о беспорядках, за что заплатились. Потом телевизор ушел в другую камеру.

Новый год. До одиннадцати часов камера жила как обычно. Когда Путин начал толкать речь, смотрящий за камерой обозвал его кзэгбэшником. Когда начали бить куранты, мы достали сделанную из украденных и тайно принесенных баландером дрожжей брагу. Разлили по алюминиевым кружкам, выпив, начали буянить, орать в решку и дверь «с Новым годом, малолетка!». Охранник решил просто убраться подалее, чтобы не слушать. Кричали до часу ночи. После чего, устав, смотрели телевизор, кто-то звонил на последние деньги домой по мобильнику (они водились в некоторых камерах). У нас его кто-то умудрился утопить в унитазе. Перед подъемом, чтобы его не убили, он выломился из хаты. А потом подался в баландеры.

Первого января узнали, что почтальон, разносящий письма, решил уволиться. До 11 января невозможно было ни получить, ни отправить письма. Письма разносил «кабанщик», то есть тот, кто разносит передачи. Когда я в первый раз услышал фразу «Кабаны побежали», ничего не понял. И удивился объяснению, что это значит: разносят передачи. Передачи у нас были хорошие, только сигареты из магазина было нельзя малолеткам. Можно было только в передачах. В передачах их ломали, резали и т. д. Приходилось закручивать самокрутки. После 11-го числа начали разносить «объёбоны» – предъявленные обвинения. В этот день мне принесли извещение о подаче жалобы по изменению меры пресечения, потому что мне до 16 лет не могли предъявить статью 278-ю о захвате власти. 18-го числа меня до отбоя должны были предупредить о выезде в суд, но этого не произошло. Меня даже не повезли в суд. Суд прошел без моего присутствия, без присутствия адвоката и законного представителя (моей мамы). После обеда меня «выдернули» из камеры, сообщили, что сегодня меня выпускают. Дали подписать два листочка. Я написал заявление о получении денег, чтобы доехать до места жительства. После меня опять отправили в камеру до прогулки. Никаких известий об освобождении больше не было. Всю камеру вывели на прогулку, а меня оставили. Вывели в каптерку, отдали все вещи и отпустили из тюрьмы. Первым моим желанием было перемочить всех ментов. На улице я увидел свою мать, которая дождалась меня с десяти утра. С собой из тюрьмы я вынес свое письмо, которое не успел отправить в этот день. Все вещи я оставил в камере, так как забирать их считается плохой приметой. И в тот же день я приехал домой в Тверь. Показав справку об освобождении при проезде в метро, я привел в ужас работников метрополитена и железной дороги.

Примечание¹

Следственный изолятор № 5 расположен на северной окраине Москвы. Это один из самых новых изоляторов столицы. Первоначально в корпусах СИЗО размещался лечебно-трудовой профилакторий № 3. С ликвидацией ЛТП здание было передано Главному управлению исполнения наказаний. Приказом Минюста России № 85 от 15.03.2001 года учреждению ИЗ-48/5 присвоено наименование ИЗ-77/5 УИН Минюста России по г. Москве.

В 1998 году в СИЗО поступили первые несовершеннолетние правонарушители. В ноябре 1999 года несовершеннолетние лица, заключенные под стражу, переведены в отдельное режимное здание, где для них оборудованы спортивный зал, три учебных класса для занятий и просмотра видеофильмов, библиотека.

В 1999 году заработала хлебопекарня. В октябре 2000 года запущена линия по производству макарон, в марте 2001 года открыта столовая для личного состава.

В мае 2003 года в отряд хозяйственного обслуживания приняты первые женщины-осужденные (переведены из СИЗО-6).

С марта 2000 года СИЗО-5 принял активное участие в российско-британском проекте. Работа проекта была рассчитана на 3 года. СИЗО-5 сотрудничал в рамках Проекта с тюрьмой «Магилиген», расположенной в Северной Ирландии. Представители «Магилиген» во время своего пребывания отметили, что условия содержания подследственных изолятора приближаются к европейским стандартам.

В апреле 2001 года на территории СИЗО-5 открыта начальная школа для несовершеннолетних, а в октябре 2003 года приняла первых учеников общеобразовательная школа для несовершеннолетних.

На территории изолятора открыт Храм Святого Николая Чудотворца, возведенный осенью 1995 года по совместной инициативе руководства СИЗО-5 и Московской епархии.

В 2002–2003 годах проведен капитальный ремонт 2-го режимного корпуса, где содержатся несовершеннолетние, переоборудованы прогулочные дворы, обустроен навес над дворами. Оборудованы кабинеты воспитателей, психолога. В общей сложности для проведения капитального ремонта ГУИН Минюста России и московской мэрией было выделено 20 миллионов рублей.

На сегодняшний день оперативная обстановка в учреждении удовлетворительная, в камерах изолятора содержится 1712 подозреваемых, обвиняемых и осужденных, из которых несовершеннолетние составляют около 350 человек. В изоляторе несет службу опытный, сплоченный коллектив сотрудников из 360 человек.

Начальник – подполковник Полтавский Сергей Иванович.

Валерий Абрамкин

Малолетний криминал

За последние десять лет мне пришлось прочитать немало статей, просмотреть водопады сюжетов из криминальной хроники по ТВ, в которых настойчиво проводится мысль о взрыве детской преступности, об особой жестокости и криминальности наших подростков, о том, что с ними не справиться, пока наше правосудие будет проявлять феноменальную (и опасную для общества) мягкость к таким злодеям. Эта точка зрения кажется чрезвычайно убедительной, особенно после просмотра телехроники, где ежедневно смакуются сюжеты о подростках, ни с того ни с сего забивающих насмерть бомжей, стариков и старушек, после навязчивых утверждений политиков, правоохранителей, журналистов об особой опасности для всех нас «разбушлатившихся» детей и подростков – нашего страшного будущего.

Но развернемся от эмоций к реальности.

Вначале – к официальной статистике, которая хотя и вряд ли дает полную картину реальности, но все-таки позволяет составить об этой реальности более адекватное представление, чем, скажем, криминальная хроника.

Официальная статистика последних двадцати лет и результаты исследований криминологов мифа об особой жестокости и криминальности наших подростков не подтверждают. Доля подростковых правонарушений в общем массиве регистрируемой преступности постоянно снижалась, и в 2001 году она была втрое ниже, чем в советские времена (1980–1990 гг.): 1987 г. – 19,9%, 2001-й – 6,2%.

Преступность подростков действительно росла в 1990–1995 гг., но несравнимо меньшими темпами, чем преступность взрослых. С 1993 г. наблюдается совершенно явная тенденция снижения уровня преступности подростков¹ (в пересчете на ту же возрастную группу населения 14–17 лет). Много пишут о каком-то феноменальном росте коли-

чества насильственных преступлений против личности. Однако доля таких преступлений (убийство, причинение тяжкого вреда здоровью, изнасилования, разбой), совершенных подростками, в последние пять лет была в 1,5–2 раза ниже, чем 20 лет назад.

Наиболее криминальной (и жестокой) группой населения продолжают оставаться мужчины молодежного возраста. Но это общемировая тенденция.

В целом же уровень насилия и преступности в отношении подростков и детей со стороны взрослых гораздо выше, чем подростковое насилие в отношении взрослых. В результате преступных посягательств ежегодно гибнет 3,5–4,5 тыс. подростков, 6,5–7,5 тыс. подросткам причиняется тяжкий вред здоровью. Это в 4–6 раз больше, чем количество аналогичных преступлений подростков в отношении взрослых. Темпы роста убийств младенцев в 1993–1999 гг. были гораздо выше темпов роста общего количества убийств. Масштабы сексуальных преступлений взрослых в отношении детей не поддаются оценке из-за их высокой латентности.

Для серьезных криминологов проблемы роста подростковой преступности в России не существует. Для них более загадочным фактом является феноменально низкий уровень детской преступности. Гораздо более низкий, чем, скажем, в Германии и ряде других, более благополучных стран, чем наша.

На этом фоне, как полагает один из авторов Концепции судебной реформы, принятой российским парламентом в 1991 г., известный юрист Сергей Пашин, «современное российское правосудие сохраняет следы средневекового правосудия, которое считало ребенка уменьшенной копией взрослого»¹. По мнению правозащитников, следователи, прокуроры и судьи считают подростков самой криминальной частью общества, исчадиями ада, и полагают, что для блага общества детей, попавших в сети уголовного правосудия, лучше всего отправить в тюрьму.

Еще более жесткую (чем правозащитники и юристы) оценку уголовной политики в отношении подростков дают сами сотрудники пенитенциарных учреждений для детей. Как считает бывший начальник Кировоградской (Свердловская область) ВК Серго Геворгян: «Поппадают за решетку, в основном, дети бедняков. Это опасный путь, когда

¹ Заметный (на 10%) рост преступлений, совершенных несовершеннолетними, был отмечен только в 1999 г. Общее количество преступлений в том же году выросло на 16%. Это рост был связан с ограблением населения государством в 1998.

² Восстановительное правосудие для несовершеннолетних и социальная работа. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2001. С. 14–15.

судьи знают: кого за одно и то же преступление можно посадить, а кого нельзя. Это ГУЛАГ – не 37-го года, а начала XXI века».

Про ГУЛАГ начальник Кировоградской ВК вспомнил не случайно. В его колонии на момент взятия интервью (октябрь 2001 г.) содержался мальчик, выкопавший 37 кг картофеля на колхозном (именно на колхозном) поле, что невольно заставляет вспомнить сталинский Указ о колосках 1934 года. Вот еще отрывок из интервью с Серго Геворгяном:

«Осужденному Д. 14 лет – метр с кепкой. Неделю ничего не ел и снял с крыши четыре листа алюминиевого шифера. Это суд счел покушением (продать алюминий не посчастливилось) на кражу размером в 312 руб. 50 коп (13 долларов США. – В. А.). У Д. это первая судимость, он никогда не состоял на учете в милиции. Суд ему дал два года лишения свободы.

Еще один воспитанник Кировоградской ВК, судя по приговору суда, похитил и съел 72 кг меда. Я его спрашиваю: «Ты сколько меда съел?». Он говорит: «Три килограмма, остальное на меня списали». Врачи утверждают, что невозможно съесть три килограмма меда и взрослому человеку. А у него вес 36 килограмм. Посадили.

Выходит, никакие другие меры, кроме тюрьмы, не спасут наше государство от таких «преступников?»»

Добиться радикальных изменений в политике контроля над «проблемными» подростками, в улучшении условий содержания и соблюдения прав несовершеннолетних заключенных невозможно, занимаясь только тюремными проблемами и изменениями законодательства.

Некоторые изменения законодательства начиная с 1997 года были направлены на введение в правовую систему элементов ювенальной юстиции. В УК РФ, вступившем в силу с 1.01.97, были введены нормы о возрастной вменяемости (ч. 3 ст. 20 УК РФ) и ограниченной вменяемости (ст. 22 УК РФ), которые основывались на принципе субъективного вменения, появилась глава 14: «Особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних». Эти новации предполагали необходимость учета следователями и судьями психологических особенностей возраста подростка, его социального положения (сиротство, неполная семья, воспитание в детском доме), особенности развития (отставание в психическом развитии, ограниченную вменяемость в отношении конкретного преступления³), сведений о личности ребенка, мотивов совершения правонарушения.

³ Например, то, что у детдомовца, совершившего кражу, не сформировано понятие собственности, «своего» и «чужого».

Однако исследования судебной практики, проведенные сотрудниками НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ⁴, показали, что большинство сотрудников правоохранительных органов и судов общей юрисдикции эти инновации не воспринимают. Они рассматривают детей как наиболее криминогенную часть общества. «Существующая система уголовной юстиции не способна воспринимать личность несовершеннолетнего правонарушителя. Вместо лица ребенка она воспроизводит то ли серое пятно, то ли черный квадрат – в любом случае, нечто крайне далекое от реальности.... Судьи судят деяние, а не ребенка»⁵. Известны случаи, когда судьи и прокуроры не видят даже того, что подросток не достиг возраста уголовной ответственности.

Воспитанницу детского дома 15-летнюю Наташу Д. Кисловодский городской суд Ставропольского края приговорил к трем годам лишения свободы. Ее (вместе с подругой) признали виновной в совершении квалифицированной кражи⁶: одежды с бельевой веревки на сумму 300 рублей, спортивной куртки стоимостью 300 рублей и зажигалки стоимостью 15 рублей⁷.

В ходе предварительного и судебного следствия никто не выяснял⁸, почему Наташа Д.⁹ оказалась в детском доме, как девочки попали в дом потерпевшего К. и что там делали. Поэтому следователь, прокурор, судья и адвокат так и не узнали, что маму Наташи зверски убили чеченские боевики, когда девочке было 5 лет, отец пропал без вести, что потерпевший К. спаивал трех¹⁰ несовершеннолетних девочек самогоном (это и послужило одной из причин совершения девочками правонарушения). О целях и мотивах совершения преступления в приговоре вообще ничего не говорится.

⁴ См., например, статью: Цымбал Е.И. Предпосылки внедрения восстановительного правосудия для несовершеннолетних в России В кн.: «Восстановительное правосудие / Под общ. ред. И.Л. Петрухина. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2003. 196 с.

⁵ Там же. С. 90.

⁶ Совершение кражи группой лиц по предварительному сговору с причинением значительного ущерба гражданину.

⁷ Одежду девочки вернули на следующий день, кражу куртки и зажигалки отрицали.

⁸ В соответствии с УПК РФ, в ходе следствия должны быть установлены обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, его мотивы, характер вины и последствия (ст. 73), условия жизни и воспитания несовершеннолетнего (ст. 421).

⁹ Дергунова Наталья Викторовна, дата рождения 19.06.1986.

¹⁰ Одна из девочек не достигла 14 лет (возраста уголовной ответственности).

Следует отметить, что о мотивах преступления в приговорах, которые выносятся несовершеннолетним, либо ничего не говорится, либо приводятся мало что говорящие выражения: с целью совершения кражи (хищения), с целью обогащения и т.п. Между тем большинство имущественных преступлений совершается подростками из-за голода, с целью накормить младших братьев и сестер, в результате спаивания взрослыми (нередко – самими потерпевшими) и т.п.

Татьяна Ш.¹¹ из Оренбургской области получила год лишения свободы за похищение семи рельсов с территории склада при железнодорожном депо. Кража тоже считается квалифицированной, поскольку совершена «группой лиц по предварительному сговору». За каждый похищенный рельс «группа лиц» выручала 120 рублей. Таня получала ровно треть от полученных денег. На эти деньги она покупала еду для трех младших братьев и сестер, которым было нечего есть, поскольку их родители находились в двухмесячном запое.

О том, что дети идут на преступления из-за крайнего голода, можно судить по списку похищенного. Например, детдомовка Люба М.¹² вместе с двумя подругами похитила у соседки батон хлеба, бутылку подсолнечного масла, 1 кг гороха, кетчуп, фарш, кастрюлю сваренной гречневой каши и т.п. Все похищенное было съедено в тот же вечер девочками и мамой Любы. Приговор – три года лишения свободы.

Олесе Б.¹³ из Тульской области повезло меньше. Она вместе с подельницей похитила из сарая двух кур, мешок картошки (36 кг) и 3 молочных бидона. Одну курицу успели сварить, но тут пришла милиция, и украденное, включая недоварившуюся курицу, было изъято. Из похищенного не досчитались 4 кг картофеля и бидонов, которые девочки успели продать. Олесе назначили наказание в виде 2 лет лишения свободы¹⁴.

Для представления о судебной практике обратимся к судебной статистике за 2001 год. Это будет справедливо: за четыре года, прошедшие со вступления в силу нового уголовного кодекса, судьи вроде бы должны были усвоить некоторые «ювенальности» (элементы ювенальной юстиции), введенные в уголовное законодательство в 1997 г.

¹¹ Шелпакова Татьяна Валерьевна, дата рождения 1.03.1988.

¹² Михрякова Л., уроженка города Гремяченска Пермской области, 1988 года рождения.

¹³ Борисова Олеся Игоревна, дата рождения 06.05. 1986.

¹⁴ Наказание было условным, но затем его заменили на реальное из-за того, что Олеся не явилась несколько раз на регистрацию.

Вначале просто цифры. Всего к реальному лишению свободы в 2001 г. было приговорено 29,6 тыс. несовершеннолетних. Из них за насильственные преступления (включая «хулиганство» и сексуальное насилие) – примерно 6 тыс. чел. (то есть около 20%). Средний срок наказания – 3,5 года. Впечатляет, однако, средний срок наказания (к реальному лишению свободы) осужденных (несовершеннолетних!) за ненасильственные преступления – 3 года и 3 месяца. За кражу средний срок наказания к реальному лишению свободы – 2 года и 8 месяцев. А за кражу на срок свыше 8 лет было осуждено 24 подростка, вместе с грабежом¹⁵ – 58.

Человеку, не сведущему в нашей судебной практике и законах, такие цифры могут показаться невероятными. Ведь правда, как можно за кражу назначить срок такой же или даже выше, чем за убийство? У людей, бывающих в учреждениях для несовершеннолетних, никакого удивления эти цифры не вызовут.

Летом 2001 года в Архангельской ВК сотрудники Центра содействия реформе уголовного правосудия встретили 16-летнего Ивана Шаляпина, которому суд назначил за три хищения личного имущества срок в половину его жизни: 8 лет лишения свободы. Мальчик со знаменитой в России фамилией украл довольно много для среднего воришки (около 10 тыс. рублей), но такой срок наказания к лишению свободы ему бы не назначили, если бы не милосердие первого и особенно второго судьи, назначивших Шаляпину условное наказание, третий судья уже вынужден был прибавить к образовавшемуся ранее (по совокупности приговоров) сроку хотя бы два года.

К сожалению, у нас нет сведений о средних сроках наказания к лишению свободы несовершеннолетних правонарушителей в других странах. Но, поскольку в России подросткам назначают примерно такие же наказания, что и взрослым, логично будет воспользоваться данными по средним срокам заключения для всех групп тюремного населения.

Если вы заглянете в таблицы международных сравнений в области тюремной практики, то увидите, что единицей для измерения средней продолжительности заключения там является месяц. В большинстве стран Европейского Союза средний срок наказания для всех групп заключенных, и для взрослых, и для детей, находится в пределах от 2 до 8 месяцев. Только в Испании этот срок чуть более года – 13 месяцев.

¹⁵ Это мало чем отличающийся от кражи вид преступления: открытое (на глазах людей) хищение имущества.

Средний срок (для всех групп заключенных) заключения в странах Западной и Центральной Европы не превышает шести месяцев. В российском УК РФ, действовавшем с 1997 г., минимальный срок наказания с 6 месяцев начинается¹⁶ ...

Анализ данных тюремной и судебной статистики, исследования, проведенные Центром (при поддержке Комиссии по правам человека¹⁷), позволяют определенно утверждать, что численность несовершеннолетних заключенных почти не зависит от состояния подростковой преступности, законодательных изменений или судебной практики. Заметное снижение численности несовершеннолетних заключенных происходит только в годы проведения амнистий.

Эту точку зрения подтверждают данные статистики по практике избрания меры пресечения в отношении несовершеннолетних. В Третьем периодическом докладе¹⁸, правда, утверждается, что такая мера пресечения, как взятие под стражу, применяется в отношении подростков крайне редко, особенно в отношении подростков, подозреваемых в совершении преступлений небольшой и средней тяжести. Однако непонятно, какими источниками пользовались авторы доклада. По данным официальной тюремной статистики (МВД, Минюст и Госкомстат), переписи заключенных, в 1998–2002 гг. относительное количество несовершеннолетних в СИЗО было от 6 до 8% (вместе с уже осужденными – от 9 до 12%). Среди осужденных, отбывающих наказание в ИУ, несовершеннолетние составляли от 2% (конец 2002 г.) до 3,5% (начало 2000 г.). Это говорит о том, что следователи и прокуроры используют такую меру пресечения, как взятие под стражу, с очевидной избыточностью: относительное количество подростков, заключенных в СИЗО, было по крайней мере в 2,5 раза¹⁹ больше, чем осужденных к лишению свободы в ВК.

Авторы доклада утверждают, что после вступления в силу нового УПК РФ (июль 2002 г.): «применительно к лицам, не достигшими 18 лет, в законе существенно сужено основание применения заключения под стражу как меры пресечения. Если к взрослым эта мера может быть

¹⁶ После внесенных в УК РФ изменений (ФЗ № 162 от 11.12.2003) – с 2-х месяцев.

¹⁷ Ныне Совет при Президенте Российской Федерации по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека.

¹⁸ Имеется в виду Третий периодический доклад РФ о правах детей, который будет рассматриваться в этом году в Комиссии по правам ребенка ООН.

¹⁹ С учетом несовершеннолетних, подозреваемых в совершении преступления, которые содержались в ИВС и ЦВИНП, в 2,8 раза чаще.

применена уже при совершении преступления средней тяжести, то в отношении несовершеннолетнего предварительное заключение под стражу может быть применено лишь в случае совершения только тяжких и особо тяжких преступлений (ст. 108 УПК РФ)». Однако по имеющимся у нас сведениям, полученным от Министерства юстиции РФ, именно в первые полгода действия нового УПК РФ относительное (по сравнению со взрослыми) количество несовершеннолетних заключенных, подозреваемых в совершении преступлений небольшой и средней тяжести, отправленных в тюрьму, было максимальным. Этот показатель в 2000–2003 гг. примерно в полтора раза превышал аналогичный показатель за 1993–1997 гг. На том же уровне (3,7–4,6% от общего количества арестованных) оставалось количество несовершеннолетних заключенных, подозреваемых в совершении преступлений небольшой и средней тяжести, поступивших в СИЗО в первые шесть месяцев 2004 г. И это несмотря на внесение в УК РФ (декабрь 2003 г.) поправок, запрещающих назначать наказание в виде лишения свободы несовершеннолетним, совершившим преступления небольшой и средней тяжести²⁰.

Результаты исследований позволяют нам более точно определить те группы несовершеннолетних, в отношении которых выносятся несправедливые, неоправданно жестокие приговоры. В целом же, как показывают исследования судебной практики по приговорам, вынесенным в 2004 г., судьи так и не восприняли и тех нововведений (предполагающих еще больше элементов ювенальной юстиции), которые были внесены в УК РФ в декабре 2003 г.

В этих условиях мы считаем, что продолжение судебной реформы в Российской Федерации требует более широкого привлечения ресурсов гражданского общества, поскольку преобразования, проводимые исключительно государством, как свидетельствует отечественный и мировой опыт, оказываются неэффективными.

²⁰ В настоящее время по инициативе Центра начата работа по подготовке проекта Постановления об амнистии, которая, как ожидается, будет объявлена в мае 2005 года.

Центр содействия реформе уголовного правосудия

ТЮРЬМА И ВОЛЯ

Новости по делу Зои Муравьевой

14 февраля 2005 г. Президиум Саратовского областного суда вынес решение о сокращении срока наказания Зое Муравьевой с 6 лет до 3 лет и 11 месяцев. На свободе Зоя Муравьева оказалась 22 февраля.

Вот некоторые детали дела Муравьевой.

В августе 2003 г. Центр содействия (с помощью администрации Новооскольской колонии для несовершеннолетних арестанток) обнаружил трех девочек, осужденных по статьям УК РФ, которые предполагают уголовную ответственность с 16 лет. В момент же совершения правонарушений все три девочки не достигли возраста уголовной ответственности по предъявленным им статьям. То есть уголовные дела против них и не должны были возбуждаться. К сожалению, десятки юристов (среди них были и судьи судов субъектов РФ), участвующих в этих делах, то ли не проверили возраст девушек, то ли поленились заглянуть в соответствующую статью УК РФ (ст. 20)¹.

Двух девочек (из Пермской и Новгородской областей) нам удалось освободить (при максимальной активности и поддержке, в том числе Э. А. Памфиловой) с большими сложностями и проволочками осенью 2002 года (при этом их до сих пор так и не реабилитировали, и никакой компенсации они не получили).

Последняя из девочек, Зоя Муравьева, весной 2001 года признана виновной в совершении убийства по неосторожности (ст. 109 ч. 1 УК РФ, предусматривающая уголовную ответственность с 16 лет) и приговорена к 2 годам лишения свободы. Даже к моменту вынесения приговора она еще не достигла 16 лет.

Грубейшую судебную ошибку обнаружили в Новооскольской воспитательной колонии, куда прибыла Муравьева осенью 2001 г. По ини-

¹ Как пишут в учебниках для будущих юристов: «*по общему правилу* уголовной ответственности подлежит лицо, достигшее ко времени совершения преступления 16-летнего возраста». Лишь по 20-ти из 260 статей Особенной части кодекса уголовная ответственность наступает с 14 лет. Не обязательно даже все 20 статей помнить наизусть, важно знать об «общем правиле» и на всякий случай заглядывать в кодекс, когда имеешь дело с подростком.

циативе администрации колонии и Белгородской прокуратуры приговор был опротестован.

Для девочки закончилось это печально. Новый суд изменил квалификацию деяния Муравьевой с неосторожного убийства на умышленное (а оно предусматривает ответственность с 14 лет) и приговорена к 6 годам лишения свободы².

Длительное время судьи, рассматривавшие надзорные жалобы матери З. Муравьевой и адвоката, даже не считали нужным отвечать на доводы об очевидном нарушении Конституции РФ в случае вынесения второго приговора. Лишь Президиум Верховного суда (последняя надзорная инстанция по УПК РФ 2002 г.) отреагировал должным образом: было затребовано и изучено уголовное дело Зои, после чего ВС РФ возбудил надзорное производство, направив соответствующее распоряжение в Президиум Саратовского областного суда.

Единственным правовым решением в этом случае было отменить все судебные решения по делу Зои Муравьевой, прекратить уголовное преследование, принять все меры к реабилитации и восстановлению грубейших нарушений законности в отношении девочки. Однако саратовские судьи приняли лукавое решение: своих ошибок не признали, а проявили «милосердие»...

По случаю этой неправовой победы Центр содействия приносит свою искреннюю признательность всем людям, принявшим участие в освобождении Зои Муравьевой.

Центр содействия реформе уголовного правосудия

ТЮРЬМА И ВОЛЯ

Центр содействия реформе уголовного правосудия – старейшая правозащитная организация, которая занимается проблемами заключенных, уголовного правосудия и исполнения наказания.

Центр был создан в 1988 году бывшими политзаключенными при поддержке академика Андрея Сахарова.

Директор центра – Валерий Абрамкин – бывший политзаключенный, сегодня – член Совета при Президенте Российской Федерации по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека.

Центр осуществляет разработку законодательных и других предложений, направленных на гуманизацию условий содержания заключенных, на проведение тюремной и судебной реформ, внедрение в пенитенциарную практику альтернативных методов наказания, на сокращение численности тюремного населения России.

В последние годы Центр ведет большой **проект по социальному сопровождению** несовершеннолетних правонарушителей.

Ведется **пропагандистская и информационно-просветительская работа**, призванная обеспечить общественную поддержку реформаторским силам.

Центр выпустил сотни книг, брошюр (в том числе серии «Знай свои права!»), буклетов, листовок и плакатов, подготовил более тысячи публикаций, аудио- и видеосюжетов для СМИ.

Нашу **еженедельную радиопередачу «Облака»** о проблемах заключенных (выходит на волнах «Радио России» с 1992 года) слушает 25% взрослого населения России, не считая заключенных.

Работу Центра всесторонне отражает **сайт** <http://www.prison.org>

Здесь вы найдете информацию: о тюремных нравах и обычаях, о сегодняшнем положении в местах заключения, о своих правах на защиту, о важнейших текущих изменениях в законодательстве и многое другое.

Внимание! На сайте опубликованы подробные разъяснения в связи с вступившими в силу в декабре 2003 года новыми поправками в УК, УПК и другие законодательные акты, направленными на смягчение уголовного законодательства.

Геннадий Жаворонков

Секреты Глухого

Педагогическая проза

После года работы в колонии для несовершеннолетних правонарушителей мне казалось, что я уже знаю все, что должен знать не заезжий турист, а человек, пожелавший разобраться в истоках и причинах преступлений, открыть для себя тайны изменения человеческой души в процессе перевоспитания, чаще именуемого наказанием. Как удастся сделать это людям, не носящим громких педагогических титулов, а порой не окончивших даже высших учебных заведений? В чем секрет их побед, о которых так много говорят на педагогических конференциях и с высоких трибун? Разве может исправить человека заведение, скорее похожее на концентрационный лагерь, чем на учреждение воспитательного назначения?

Разгадка была проста: здесь слова не имели ничего общего с делом. Зона жила двойной жизнью – и это нетрудно было разглядеть невооруженным глазом, – жизнью показушной и настоящей.

Внешне она соблюдала эвдешиные требования (распорядок, дисциплина, публичное и вроде бы искреннее раскаяние в совершенных преступлениях, стремление в будущем жить по совести), но внутренне по-прежнему исповедовала свои законы и, не очень-то таясь, как и в былые вольные времена (то есть до ареста и определения срока наказания), существовала в собственном государстве с собственными правами и обязанностями.

Я и раньше подозревал, что «Педагогическая поэма» Антона Макаренко – всего лишь поэма, этакая сказочка, в которой желаемое принимается за действительное.

Г. Жаворонков – журналист, с 1963-го по 1965 год работал воспитателем в Можайской колонии для несовершеннолетних преступников.

Ну посудите сами: как это воспитанникам, то бишь вчерашним налетчикам и бандитам, взамен их темного и угрюмого прошлого вдруг предлагалась некая перспектива радости... Это какая же, простите, перспектива, да еще вчерашним преступникам, когда у всего народа не было никакой перспективы выбраться из нищеты и мрази, в которые его затащили большевики?

Вранье!?! А вот и нетушки! Предлагал Антон Семенович своим подопечным опять стать бандитами, но только уже вполне официальными – вооруженным отрядом партии, бойцами ВЧК! Оттого-то и получал от государства, в отличие от других перевоспитательных учреждений, немислимую материальную поддержку, и опекал его первейший чекист страны Феликс Эдмундович Дзержинский. Уж он-то, как никто другой, понимал, что именно из таких ребят можно выковать «людей с холодным разумом, чистыми руками и горячим сердцем»! Не из гнилых же интеллигентов, не из раболепного рабочего класса и хитрющего, всегда готового к предательству мировой революции крестьянства!

Вот они и ковали, ибо, используя терминологию кузнецов, материал был идеально ковкий для этого дела.

Три основных постулата той новой перевоспитательной системы – труд делает из недочеловека человека, учеба облагораживает и гармонизирует личность, а соблюдение дисциплины гарантирует, что правонарушитель встал на путь исправления – были, видимо, и тогда полной чепухой, а теперь чепухой в квадрате. Зато удобной для туфтовой отчетности о сверхскоростном движении «педагогического локомотива», который неизбежно стоял на месте, а отнюдь не летел к новой жизни.

Мое непосредственное начальство прилежно делало вид, что с утра до вечера занимается педагогикой, а пацанье поголовно притворялось активно перевоспитываемым. Показатели трудовых успехов на производстве в вертикальных и горизонтальных векторах на схемах в кабинете Хозяина (начальника колонии) всегда находились в поступательном движении, учебный процесс приближался к поголовному хорошизму и даже отличничеству, а внешний вид и подтянутость колонистов, если бы не их убогая форма, вполне позволяли провести их колонны по Красной площади.

На самом деле колония исповедовала «педагогику кулака» – зверского избияния подчиненных и садистского унижения их личности...

Главным «педагогом», руководящим всем воспитательным процессом, был «Рог зоны», председатель совета отрядов колонии Заборьев, по кличке Забор, со своей злобной и подловатой кодлой, которая власть тешила свои властные потребности и выслуживала досрочное

освобождение по двум третям или трети срока. Ну и конечно же «бугры» – председатели советов отрядов. Все эти должности были выборными. Но кто выбирал? Обязательно «кум» (оперуполномоченный зоны) и воспитатели. Все остальные покорно поднимали руки, понимая, что всяческое сопротивление не только бесполезно, но и предельно опасно для их дальнейшей жизни.

Колония занимала почетное место во всероссийском соревновании исправительных учреждений, что гарантировало начальству премии и повышение в званиях. Для этого необходимо было выполнение (а еще лучше перевыполнение) производственного плана, высокие показатели в учебе и минимальные нарушения дисциплины. Всего этого колония добивалась... **НО КАКИМИ СРЕДСТВАМИ!**

На производстве работать должны были все – сколачивать тарные ящики или штамповать алюминиевые ложки, которые уходили в такие же места заключений или, как это ни парадоксально, на экспорт, ибо пользовались огромной популярностью на диком Западе. Ларчик, впрочем, открывался очень просто – там их опять превращали в дефицитный алюминий. Так что каторжный, предельно вредный труд заключенных на самом деле был мартышкиным трудом, в чем колонисты никогда и не сомневались.

Правда, настоящими каторжниками были только «придурки», из которых бугры выколачивали план, являясь беспощадными надсмотрщиками. За невыполнение плана, конечно же, наказывали не душещипательными беседами – ай-яй-яй, а били чем попало и даже калечили.

Придурками или придурочными считались те, кто отбывал срок за изнасилование, фарцовку или за мелкое хулиганство, слабаки по жизни и не имеющие реальной поддержки с воли.

Хотя таковых в колонии и было большинство, они не имели не только никаких прав, но и жили на положении рабов-доходяг. Стирала белье бывшим грабителям и налетчикам, беспрекословно отдавали блатарям большую часть своих передач от родителей, а по утрам завязывали шнурки на ботинках своих рабовладельцев.

Но не все...

Исключения составляли те, о ком из-за зоны приходили «положительные характеристики», или случайные насильники, как, например, сын профессора МГУ Генка Беленов.

История Беленова идиотична, как все наше правосудие.

С двумя своими приятелями они решили выпить сухого вина по случаю окончания десятилетки. Зашли в какой-то подъезд, но пить из гор-

лышка всем было непривычно. Генка позвонил в первую приглянувшуюся квартиру и у открывшей ему дверь девушки попросил стакан. Та пригласила всех к себе, так как родители были на работе. Выпили, девчонка зазвала Беленова в соседнюю комнату и, заявив, что он ей очень нравится, сама затащила его в постель. Потом еще выпили, и все повторилось с его друзьями.

Кто-то из них потом протрепался об этом в школе. Это вынудило «потерпевшую» написать заявление, и все трое оказались за решеткой по обвинению в коллективном изнасиловании.

Колония Беленова в придурки не записала. Он повторно ходил в десятый класс и вкалывал в ложечном цеху не по принуждению, а для того, чтобы забыться и скоротать вяло текущее время.

Не зачислила зона в придурки и приятеля Беленова – Генку Наумова, хотя у него была хилая статья за мелкое хулиганство. Все каким-то образом узнали, что Наума надо было судить за дерзкий разбой, но на суде его отмазали и адвокат, и дружки-подельники. Как ни бился кум «дove-сить» Науму должное наказание в виде дополнительной пятерочки лет, ничего из этого не получилось. Наум, конечно же, не кололся, а следователи, давно уже закрывшие уголовное дело, на отчаянные запросы оперативного уполномоченного отделялись формальными отписками.

Были свои исключения и среди «именитых» арестантов.

Однажды на зону привезли пацана по кличке Тунгус. На нем висело двадцать пять квартирных краж, что подтверждали сопроводительные документы. О своих подвигах Тунгус рассказывал красочно и с упоением. Его немедленно приняли в блатарскую кодлу бездельников, и он расхаживал по зоне самовлюбленным павлином. Обирал задолбанных, не пахал на производстве, направо и налево раздавал оплеухи недостаточно усердно перевыполняющим план.

Через месяц в колонию прибыл его земля и сообщил, что «тунгусик» всего-навсего «паровозик», то есть взросляки (настоящие грабители) каким-то образом уговорили его взять всю вину на себя, обещая в дальнейшей жизни всякие блага и авторитет среди сверстников.

Когда обман раскрылся, Тунгуса чуть не убили, и администрация в срочном порядке перевела его в другую зону. Не думаю, что и там ему светила легкая жизнь. Тюремная почта работала безукоризненно и сбоев не давала. В зоне можно было загибать о чем угодно, травить немислимые байки, но не изображать из себя «сухарика» – человека, присвоившего себе чужую биографию, – перекрашивать себя из одной блатной «масти» в другую считалось самым тяжким преступлением. И никакой кум со всей администрацией не мог уберечь такого колониста от самого сурового наказания.

Показателей в учебе тоже добивались битьем (учись за себя и за меня – умнее будешь!), и по негласному уговору с преподавателями все «кодлатые» были хорошистами и отличниками, хотя на уроках безмятежно спали, досматривая свои сны, пахнущие волей и женским потом. Зато учителям было незачем драть глотки, наводя дисциплину в классе, – послушание придурков было идеальным.

По методическому распоряжению сверху самой святой и читаемой книгой в колонии была «Честь» Медынского. В отрядах ее чуть ли не ежедневно зачитывали вслух и заставляли заучивать как Евангелие. Заучивали, но втихаря издевались над ее блаженным содержанием (нехороший мальчик становится в колонии очень хорошим и, досрочно выйдя на волю, уезжает с любимой девушкой покорять целинные земли). Только идиот не понимал, что от этого чтения нет никакого толка, и мало кого волновало, что тайком колония читает затрепанные листочки с рассказами о том, как брат соблазнил свою родную сестру, и прочую эротическую ерунду с сочными подробностями. Сей нелегальной литературе было не менее века, так как в ней фигурировали гимназисты и гимназисточки и всяческие бытовые атрибуты дореволюционной жизни. Поразительно, что за рядами колючей проволоки и в условиях постоянных шмонов она, не запылившись, прошла через десятилетия и не исчезла, как иные дидактические книжонки. Вероятнее всего, в условиях жесточайшего подавления она переходила из письменного в устный жанр и вновь возвращалась в письменный. При обнаружении этих листов при обысках их просто сжигали, не вынося никаких наказаний.

Рог зоны Забор бродил по колонии с группой сотоварищей и зорко следил за чистотой и порядком, облекая и без того нетрудную жизнь охранников и воспитателей. Было мало желающих нарваться на его кулак за несвежий подворотничок (а попробуй содержать его свежим после половины рабочего дня в невыносимых условиях) или за незастегнутую пуговицу.

Порядок в колонии был идеальным, поэтому московское начальство любило заезжать к нам. Во-первых, почему бы лишний раз не порадоваться торжеству современной отечественной педагогики, во-вторых, тебя здесь недурно встретят и накроют в лесочке стол (из продуктов, отнятых у колонистов во время передач, а то и просто заказанных их родителям для блага их дитяти). И такой стол, что проверяющие вполне могли себя чувствовать, как в ресторане «Арагви» и даже вольготнее.

А уж для полнейшего сервиса из женской колонии заказывались и «девочки», обычно переодетые в школьниц с пышными бантами и

отглаженными передничками. Они с удовольствием играли роли невинных подростков, так как в основном вербовались из фармазонш, для которых эти роли были знакомы не понаслышке.

Правда, однажды такой банкет закончился полным конфузом, как для проверяющей, так и для принимающей стороны.

Московский полковник, уже разгоряченный экзотическим пикником, увел доставшую ему «школьницу» в стороночку, уложил на свой парадный мундир, снял трусики, и тут она попросилась оправить естественную нужду – конечно же, не на глазах у кавалера. Полковнику даже понравилась застенчивость партнерши, и он покорно ожидал ее возвращения в предчувствии блаженства, ничем не схожего с поднадоевшим и приевшимся семейным.

Но наступление блаженства непозволительно затянулось, и он, подзревая уже наихудшее, поднял тревогу. Сначала «школьницу» пытались найти своими силами, потом, скорехонько свернув пикник, подняли общую тревогу, вызвав проводника с собакой. Напрасно прапорщик тыкал в нос своей опытной псине трусики исчезнувшей «школьницы» – собака лишь с отвращением чихала, а потом и вовсе завyla по-волчьи. Видимо, юная зэчка, отбывающая срок за мошенничество, хорошо подготовилась к любовному приключению и заранее простирнула бельишко в табачном отваре.

Вздрыбилось все: отдаленные сторожевые посты-секретки, опера на железной дороге и даже областное ГАИ. «Школьница» явно долго готовилась к этому пикнику и удирала из неволи не ножками, а при помощи автотранспорта и друзей с воли, которые досконально изучили пути отхода по проселочным дорогам.

Скандал как-то удалось замазать, что не отменило последующих веселий с проверяющими, но уже без дам, а в холостяцком составе.

Была для колонии, казалось бы, не знающей непреодолимых трудностей в перевоспитании, одна неразрешимая загадка. С наступлением весны некоторые колонисты, несмотря на угрозы и побои, нет-нет, да и усаживались возле запретной полосы и тупо глядели вдаль. Их лупили, прогоняли прочь, сажали в ШИЗО (штрафной изолятор), а они стойко переносили все и возвращались к запретке. Это был какой-то генетический инстинкт, как у рыб, стремящихся сквозь опасности к местам привычного нереста...

Но в какую даль они могли смотреть, каким горизонтом любоваться, если от желаемой свободы их отделяла не только колючая проволока, но и высоченный забор?!

Вот эти-то, задумчивые (не все, конечно), были наиболее склонны к побегам или к суицидам. Бежали они, как правило, без всякой подготовки и вылавливались у близлежащих деревень с товарищами по несчастью группами захвата, формирующимися из преданных начальству волчар. Для последних это была веселая развлекаловка, наподобие пресловутой военной игры «Зарница».

Так же неумело они пытались вешаться и совершать членовредительство. Они не могли жить без воли, но и на воле не были способны жить как все.

Нельзя сказать, что они не оказывали никакого сопротивления своим воспитателям, окончательно покорившись судьбе.

Офицерский состав обедал в общей столовой, правда, не из одного с эсками котла и не в общем зале, а в отдельной комнате. Обслуживали их в качестве официантов самые затруханные шестерки.

Так вот, сначала пожелавшему пообедать приносили компот, потом второе, потом чайную ложку и вилку и уж в последнюю очередь несли первое и столовую ложку. Сколько ни делали им замечаний, сколько ни наказывали, ни обзывали придурками – эта очередность в подаче блюд и прокорма офицерского состава соблюдалась свято.

Были на зоне и особенно устойчивые группировки (человек из пяти-шести), которые были головной болью и для кума и для Рога. Входили в них пацаны, которым по срокам своих наказаний никак не светило освободиться из малолеток. Всех их ждал взросляк, а значит, и полный отчет за достойное поведение по своей первой ходке: неучастие в работе актива, никаких контактов с кумом и дополнительные подвиги в зоне.

Такая устойчивая группировка была и в моем отряде, и перечисление ее состава звучало, как строка еще не написанной песни: Гагарин, Трунин, Дураков, Тишин и Ермишин. Уголовными статьями они были обвешаны, как елки новогодними игрушками. Из всех колониетских требований они соблюдали (да и то с неохотой) только три: отбой, подъем и построение. Все остальное их как бы не касалось. Зачем?

Они давно уже мысленно жили на взросляке и мечтали устроить себе подобную полувольную жизнь и там, влившись в лагерную «семью» отказников, а потом и в орденоносную плеяду воров-законников.

И хотя страна гигантскими, а порой и зверскими усилиями разогнала лагерь «мужиков» (заклученных, желающих трудиться) и «воров» (отказников от всякой общественно-полезной деятельности), столкнув их в кровавой бойне, и перемешала в единых зонах, легенды об их существовании еще устойчиво жили среди малолеток.

В этой доблестной пятерке, оказавшейся в моем отряде, главенствовали Тишин и Ермишин. Это были и по виду, и по своему содержанию законченные громилы, обладающие всеми качествами вожаков: силой, жестокостью, хитростью и способностями вести за собой полки закононепослушных подростков.

Именно эти качества помогли моей пятерке так поздно оказаться на скамье подсудимых, хотя за свою недлинную жизнь они отправили на эту скамью не один десяток пацанов, взявших на себя и свою и чужую вину.

Ерему так вообще арестовали во время пышной свадьбы в ресторане, наконец-то выбив у его подельников показания о его руководящей роли в деле криминализации всей страны.

А был Ермишин, можно сказать, пацаном, как все, но с каким-то врожденным чувством достоинства. Еще в детском саду лупанул воспитательницу корягой за то, что она наорала на его мать: она, видите ли, поздно пришла за ребенком. И в школе колобродил, как в собственной вотчине, а назначь его старостой класса, похвалили за еще не раскрытые способности в учебе – еще не известно, где бы оказался Ерема: в зоне или в активе школы.

Держались они отчужденно от всех (если самим приходилось быть вместе, а не в ШИЗО, куда их упекали по очереди с удивительной регулярностью), и сблизиться мне с ними удалось случайно.

Библиотека в колонии была скуднее скуднейшей, а часы для внеклассного чтения вводились почти ежедневно. Я читал отряду что-либо из внешкольной классики, либо просто «травил» (пересказывал книги, почти наизусть заученные с детства). А еще мы сами стали сочинять романы, заимствуя сюжеты у известных авторов, но дополняя их приключения примерами из собственной жизни. Оказалось, что гораздо веселее перед сном или во время какой-то работы думать не о печальном прошедшем и неясном будущем, а воображать себя в роли какого-нибудь героя – народного мстителя.

Буйную компашку я даже не пытался вовлечь в эти не совсем педагогические мероприятия. Но каково же было мое удивление, когда она вовлеклась сама... Эти пацаны стали самыми активными и благодарными слушателями и сочинителями. И попробовал бы кто в такие часы выкинуть какую-нибудь подлянку! В такие минуты нашего общения даже кашляли глухо, в рукав.

В какой-то степени поменялись и ролевые отношения. Особо талантливые сочинители обрели неожиданное уважение, и в наш кружок стали завлекать особо говорливых пацанов, которые доселе ничем не могли заработать себе авторитет.

Понимая, что я совершаю нечто противоправное, Ерема и Тишка даже стали выставлять возле входной двери в казарму людей на атас, что становилось каким-то особым наказанием для тех, кто в чем-то провинился перед обществом, а для остальных – увлекательной запретной игрой. А ведь запретный плод всегда слаще.

Жилье мне колония не предоставила за неимением такового, и я обитал в километрах трех от зоны, снимая угол у лесника Семена – безудержного пьяницы и балабола.

Каждое мое возвращение «домой» он считал началом открытия дискуссии о стране, мире и о себе:

– Понимаешь, Геннадий, – витийствовал он с интонациями профессионального оратора, – вот ты человек с двумя верхними образованиями... Тебе по жизни не меньше, чем начальником райпотребсоюза быть! Так вот объясни мне, почему у нас колхозы и церковь отделены от государства? Я работаю от гимна до гимна (часов в доме не было, поэтому и отбой и подъем «назначал» никогда не выключавшийся старенький приемник), а получаю хрен без молока...

В таких условиях немыслимо было читать или заниматься еще чем-то. Кроме этого неудобства, особенно муторно было переться туда после дежурства во вторую смену – в темень через лес и немецкое кладбище...

Поэтому я стал позволять себе ночевать в отрядной воспитательской, находившейся в самом конце казармы, что строго-настрого запрещалось уставом колонии и, в отличие от множества других запретов, дурью не было. И вот почему. Воспитатель строит отряд, проводит вечернюю поверку с разбором всего случившегося за день и уходит на доклад к высшему начальству. Контролер запирает казарму, а его уже, в тамбуре, замыкает разводящий, чтобы сменить через два часа. Следовательно, казарма изолирована, и, в случае каких-то беспорядков, легко изолируется от остальной зоны. А если в ней остается воспитатель, то он потенциальный заложник, и вышедший из повиновения отряд не столь легко «привести в чувство», ибо в у него на руках козырная карта – жизнь работника колонии, за которую можно что-то требовать для себя, грозя расправиться с ним по своему усмотрению.

Но, несмотря на все эти опасности, я частенько нарушал режим и по договоренности с контролером оставался ночевать в казарме. Контролеры охотно шли на эти нарушения, ибо присутствие воспитателя гарантировало тишину в казарме и спокойный сон до прихода смены.

И вот тогда-то увеличивались еще часа на два-три «внеклассные» чтения и просто треп по душам за жизнь. Все это бывало, конечно же, не для всех, а для отрядных начальников, авторитетов и боевой пятерки Тишина и Ермишина и, повторяю, для особо выдающихся говорунов и фантазеров.

Вот тогда-то и открылась мне еще одна тайная сторона жизни колонии, о которой, разумеется, не разглажывали на педагогических конференциях, – кто из начальства от чего и чем «кормится», ибо жить только на одну свою зарплату здесь (впрочем, как и во всей стране) никто не желал. Несмотря на высокие заборы, колючую проволоку и сигнализацию, зона была открыта и для наркотиков, и для тайных свиданок, и даже для отъезда домой на каникулы.

Вся эта рыночная система – ты мне, а я тебе – за все годы многочисленных проверок (причем действительно внезапных) не знала ни единого сбоя, потому что была отработана с конспиративной тщательностью.

Конечно, особыми правами пользовались лишь немногие колонисты, которые имели на воле влиятельных родителей и друзей, умевших и имеющих чем поделиться с командным составом карающего учреждения. И выездной суд, пересматривающий сроки заключенных (за хорошее поведение и учебу можно было скостить от трети до двух третей срока вынесенного когда-то приговора), тоже имел свой доход с неподкупного исправительного лагеря.

Все эти тонкости бытия зоны поверялись мне не в виде фискальства, а лишь для доказательства простейшей истины, что жить на этом белом свете честно и праведно ну просто невозможно. И совершенно бесполезно планировать свою дальнейшую жизнь как-то иначе.

Когда же я, уже в отчаянии из-за отсутствия аргументов, пафосно восклицал: «А как же я и Вера Ивановна!» (была в колонии старушка, преподавательница русского языка и литературы, проработавшая здесь более тридцати лет), в ответ мне раздавалось неизменное:

– Что с вас возьмешь! Вы же блаженные!

Для пацанов мы с Верой Ивановной были непонятны, даже загадочны в своем поведении, и эта загадочность создавала к нам особое отношение. Ни меня, ни литераторшу нельзя было отнести к образцам истинных педагогов. Я до сих пор не уверен, что нам удалось хоть кого-то сделать лучше, но хуже – мы никого не сделали...

Блатных воспитанников или тех, кто из-за мам и пап имел влияние на начальство, в зоне, конечно же, недолюбливали, в открытую называя «хорьками». Определенную дань блатарям они платили доброволь-

но, что, впрочем, не уберегало их от наказаний за нарушение внутренних законов колонии.

Особо тяжкими провинностями считалось воровство у своих и стукачество. Если последнее было ненаказуемой привилегией актива, то за несанкционированное воровство могли обломать «рога» и Рогу зоны.

Легенды (а как без них в долгой неволе?) хранили в памяти подобный эпизод, случившийся с председателем совета отрядов. За кражу у одного из бугров он был «забит» в тумбочку и сброшен со второго этажа. Живым он каким-то чудом остался, но был вчистую активирован по инвалидности, «приобретенной в результате производственной травмы».

При мне подобная же кара постигла колониста-шестерку, тырившего по ночам деньги из заначек товарищей.

Деньги в зоне не имели права на хождение, но они, конечно же, были в значительном количестве и имели повышенную знаковую ценность, включающую надбавку за риск хранения.

Было бы наивно представить себе зону как этакий дружеский лагерь с повышенными требованиями к поведению и ограниченной свободой. Скорее всего это был вечно враждующий разбойничий стан, готовый в любую минуту к кровавому мятежу или смертельным разборкам.

В первую очередь созданию такой атмосферы (кроме неволи) способствовали, казалось бы, невинные социалистические соревнования, являющиеся обязательной атрибутикой всяческого перевоспитательного процесса.

Итоги соцсоревнования подводились еженедельно, ежемесячно и ежеквартально. Собственно, это были не итоги реального труда и учебы, а показатели степени изворотливости, хитрости и наглой подтасовки начальников отрядов. Как ни мудри, а в колонии всего четыре отряда, и все первыми быть не могут, хоть расшибись. Особенно дикими были бои за квартальные показатели. Конечно, по уму, можно было бы договориться о разумной очередности победителей. Четыре квартала в году – каждый отряд по одному разу побеждает, и все довольны!

Ан нет, когда это на Руси все по уму делалось?

Разругивались вдрызг начальники отрядов, бугры, авторитеты зоны. Все с азартом кидали друг другу подлянки, подлавливали на приписках, ночами воровали у соседей готовую продукцию, «лепили туфту» с чело-вековыхходами на работу. Гнали в цеха числящихся в ШИЗО и санчасти, в ящики с готовыми ложками для веса впендюривали нерасштапованные болванки. К хренам отбрасывалась элементарная техника безопасности (и до этого немалый травматизм чудовищно возрастал).

Более того, чуть ли не вслух начальники давали установки исподтишка калечить соперников по соревнованию. Почти ежедневно на производстве вспыхивали жесточайшие драки, и очумевшие контролеры еле-еле успевали разводить враждующие стороны, чтобы конфликты не переросли в смертоубийство.

Все естественно и закономерно. Первое место в соцсоревновании – это не только строка на Доске почета, это – премии начальникам и какое-то число досрочно освобожденных колонистов.

Вот в такие дни мне пригодились уроки Еремы – сторожко держать спину. (Этот термин еще один раз в жизни я услышал на репетиции цирковой династии Запашных – укротителей тигров. Старший из династии мог своих помощников крепко огреть хлыстом, если, забывшись, они чуть поворачивались к зверям спиной.) Не знаю почему, но в один из вечеров в воспитательской Ерема рассказал мне, как лишь раз в жизни чуть было не оказался убийцей.

Его, тогда еще совсем пацана, взял к себе в подручные какой-то ханыга, сбывавший в его районе ворованные алмазы-стеклорезы. Собственно, Ерема понадобился ему лишь для добычи осколков стекла и керамических плиток, на которых залетный барыга демонстрировал покупателям качество своей украденной где-то продукции. Ну, продали с десятков, ну, купили водки и устроили себе банкет на чердаке какого-то дома.

Мужика от выпитого развезло, хиловат он был даже по сравнению с юным Еремой, и выложил он из карманов еще с полсотни своей дефицитной тогда продукции. Выложил и любовался ей, повернувшись к уже приблатненному пацану спиной.

– И тут, – рассказывал Ерема, словно выдавливая из себя слова, на много лет застрявшие в горле, – меня словно кто-то подменил... Сам себя спросил: и чего это я с ним делюсь добычей, как шавка какая легавая? Один удар заточкой – и все мое! Так, наверное, и случилось бы, но он повернулся, увидел что-то во мне новое, все понял и побежал. А мне еще и догнать его хотелось, чтоб уже точно все было мое. Но он бежал, оглядываясь, словно оберегая спину. Это почему-то и сдержало, а так убить уже был готов... Так что, начальник, в жизни всегда надо «держаться» спину. А тут особенно...

И он был прав. Потом я не раз и не два спиной ощущал грозящую мне опасность и, встречаясь с гаснущей зловещей улыбкой при повороте, понимал, что не почудилось.

Ни психологов, ни психиатров в колонии, конечно же, не было. И не кому было объяснить внезапные вспышки агрессии у воспитанников, даже не склонных к психопатии.

Никто никому не объяснял, с чего это вдруг затруханный шестерочник по кличке Зайчонок среди белого дня всадил заточку в спину верзиле Лаптю. Лаптев был не самым большим мучителем в зоне и к Зайцеву вообще никогда никакого отношения не имел.

Никто никому не объяснял, почему время от времени тишайшие до этого колонисты вдруг выбивали стекла в казармах, вцеплялись в металлические решетки и бешено трясли их, словно надеясь выломать и вырваться на волю. На какую волю? На бетонный плац для построения и строевой подготовки?

Свидетелем вроде бы немотивированной озверелости как-то стал и я, ночуя очередной раз в воспитательской. Я проснулся от гула, необъяснимого и тревожного. Глянул на часы. Пять утра. Время самого сладкого и глубокого сна для вымотанных работой пацанов. А казарма угрюмо гудела и перестукивалась. Пять ударов в стену. Четыре удара – квадрат и один в середину. Это был условный тюремный сигнал, обозначающий войну. Какую войну, войну с кем?

Вышел в казарму. Никто не спал. Все лежали с открытыми глазами и выли в потолок, словно готовя себя к какому-то страшному ритуалу. У меня хватило ума и трусости не начинать какой-либо разборки, а не спеша твердым, словно печатающим, шагом пройти казарму насквозь, достучаться до встревоженного контролера и выйти на улицу.

Вохровцы на вышках настороженно всматривались в освещенную дополнительными прожекторами зону, вслушивались в ее гул, конечно же не предвещавший ничего хорошего.

Попехал домой через тихий лес, через немецкое безымянное кладбище, где на могилах вместо крестов торчали металлические таблички с номерами и только на подходе к деревне вновь услышал вой. Но другой, совсем не похожий на казарменный. Выли со всхлипами бабы, мычали чем-то перепуганные коровы, исступленно и бесновато гавкали собаки, рвались с цепей и поводков. Вся деревня не ко времени была на ногах.

Сквозь бессмысленность причитаний удалось выяснить, что ночью военные устроили учебную мобилизацию. Впопыхах и неразберихе в один из грузовиков колонны засунули даже восьмидесятилетнего деда Силантия.

К обеду все утряслось. Мобилизованных вернули к местам жительства, а я, хоть и было время не моего дежурства, потопал в колонию выяснять обстановку.

Все было мирно и тихо, все шло своим привычным чередом. Вот только никто не мог мне объяснить, как тревога, случившаяся за три километра от зоны, долетела сюда и всех взбаламутила до критической точки бунта.

В казарме мне доброжелательно и весело улыбались те, кто еще недавно готов был броситься на меня со звериной злобой.

– Как вы узнали про деревню? – спросил я Ерему.

Он лишь загадочно усмехнулся и тоже спросил:

– Сильно перепугались?

– Не успел, – честно признался я. – Но спину, как ты меня учил, держал, может, только это и выручило.

– Может быть, – не отрицая, но и не подтверждая, сказал он.

По выражению глаз Еремы, по интонации его голоса я понял, что случись что, он бы был на стороне своих и пальцем бы не шевельнул для моего спасения.

А собственно, на что другое я мог бы рассчитывать? Я был не свой, я был в чужом лагере. Да, в чем-то интересней, необычный, но из той же плеяды дрессировщиков. Разве кому известен случай, чтобы тигр заступился за своего хозяина, пусть чем-то тигру и симпатичного, пусть даже ощущая некую привязанность?

Возраст преступности равен возрасту человечества. Мы еще не разгадали себя, готовых к разгадыванию. Так что же сетовать на непознаваемость зоны?

Одной из самых ярких личностей в колонии был Славик Кузнецов – Кузнечик.

Маленький, шустрый, шепотливый, он, без сомнения, был любимчиком всех. Не примыкая ни к активу, ни к блатарям, он сам мог постоять за себя в любом конфликте, ибо, не будучи силачом, дрался неистово, до беспамьятства, поэтому мало кому приходило в голову задевать его.

Начальство любило демонстрировать Кузнечика приезжим дамам из РОНО и ОБЛОНО и потому, что он был достаточно интеллектуально развит, и потому, что от него не веяло, как от многих других колонистов, тупостью, угрюмостью и обреченностью.

– Какой хороший мальчик, – умилялись пышнотельные тетки от начальной педагогики. – И зачем его держат здесь, среди закоренелых преступников, от которых он может набраться всякого нехорошего?

Они были предельно тупы в своих педагогических оценках. (Вот кому, а не мне, надо было бы заведовать райпотребсоюзом, быть, по мнению хозяина моего деревенского приюта Семена, на самой вершине власти.)

Умилялись они и румяному, очень стеснительному Игоряше, который всегда правильно отвечал на их стандартные вопросы и прямо-таки влюблял их в себя всем своим видом добропорядочности.

То ли по лени, то ли по святым заветам Антона Семеновича Макаренко, они никогда при этом не заглядывали в личные дела ни Кузнечика, ни Игоряши. Представляю себе, как бы вздыбились их парики, прочитай они эти дела.

Игорь Ниточкин в свои шестнадцать лет пытался зарезать свою бабушку за то, что она отказалась дать ему деньги на выпивку. Он нанес ей заточенным напильником тридцать две раны и вдобавок изнасиловал.

Бабуля регулярно (как только позволял устав колонии) навещала внуочка и привозила ему кучу сладостей, которые он поедал во время свиданки. Не думаю, что с огромным удовольствием – в таком-то огромном количестве. Скорее от жадности и уверенности, что оставшееся отберут.

Жадность в колонии, как и на вольной жизни, презиралась предельно. Поэтому Игоряшу, в отличие от Кузнечика, не только не любили, а ненавидели до крайности даже затруханнные вконец шестерки.

А он и был самым последним шестеркой, с подобострастием прислуживая блатарям и даже с каким-то удовольствием делая то, что другие делали если не с отвращением, то с каким-то внутренним сопротивлением.

Кузнечик передачи получал редко, а свиданок вообще не имел. У него была больная мать, работавшая где-то уборщицей, и отец, успешно скрывавшийся в бегах от алиментов. Но он был добытчиком и бесконечно широк в своей щедрости. Никогда не ел под одеялом и даже делился с первым попавшимся куском сахара, заныканным в столовой.

Был он по жизни классным карманником с большим стажем, но своими способностями в неволе не пользовался. Так, время от времени, по просьбам «трудящихся» демонстрировал ловкость своих пальчиков – для забавы, как фокусы.

Его не раз и не два отправляли в ШИЗО, но он там подолгу не задерживался, потому что был лихим запевалой и без его звонкого голоса отряд терял свою привлекательность, идя в строю.

И вот грянул выездной суд, который должен был решить вопрос об его досрочном освобождении. В положительном исходе были уверены все: если уж кого освобождать, так Кузнечика, тем более что в зону пришли медицинские документы о плохом состоянии здоровья его матери.

За освобождение Кузнечика был даже кум, вечно твердящий, что все должны сидеть от звонка до звонка, иначе в стране никогда никакого порядка не будет.

Не знаю, что в тот день случилось с судом, не с той ноги с утра, что ли, все встали или недополучили причитающуюся им мзду, но Кузнечика, как говорили в зоне, «бортанули по-черному». Отказали единодушно да еще выразили руководству колонии порицание за преждевременное ходатайство об освобождении воспитанника, не полностью осознавшего свою вину.

Интересно, чем мерили они уровень этого осознания?

Так или иначе, Кузнечику в освобождении отказали...

К моему удивлению, он не психанул, не хлопнул дверью, а вышел из комнаты даже как бы равнодушно.

Еле дождавшись окончания суда (он рассматривал дела еще трех колонистов и, кстати, всем отказал в досрочном освобождении), я заторопился в казарму, чтобы хоть как-то успокоить Кузнецова.

В казарме было тихо. Я спросил дежурного по отряду: здесь ли Кузнечик?

– Здесь, лег спать.

Я прошел в дальний угол комнаты, которую любили занимать авторитеты и блатары. Кузнецов действительно спал, накрывшись с головой одеялом, что было строго-настрого запрещено уставом колонии. Но не это обеспокоило меня, а поза пацана с откинутой к полу рукой. Кузнечик перерезал себе на левой руке вены и обмотал порез мокрым полотенцем, чтобы кровь вытекала не сворачиваясь.

Попытки суицида в зоне, естественно, не поощряются, а строжайшим образом наказываются, как попытки избежать заслуженного наказания, но по какой-то негласной договоренности наказания не последовало, и случившееся было зафиксировано как производственная травма.

Через два месяца суд, уже в другом составе, досрочно освободил Кузнечика от дальнейшего пребывания в неволе.

Собирали его всей колонией, как солдатика на дембель. Где-то достали новые сапоги, горячим утюгом сделали на них модную «гармошку», перешили форму, чтобы на ней не было ни единой морщинки.

Проводили.

Через два дня вернулся сопровождавший (как это и положено) его домой контролер. Парень был молодой вохровец, еще не успевший осособачиться в зоне, поэтому, ничего не сказав начальству, он отвел меня в сторону и поведал о первых днях Кузнечиковой воли.

Вернувшись, он в первую же очередь начал избивать мать, да так зверски, что контролер был вынужден сдать его в ближайшее отделение милиции на пять суток, упросив мусоров ничего не сообщать в зону...

Неотъемлемым ритуалом жизни зоны была переписка с заочницами. Пацан без фотки неведомой ему дотоле девчонки считался, как бы неполноценным. Поэтому таковые были у всех. Правда, некоторые привозили их сюда еще с воли и рассказывали о своих подругах необыкновенно романтические истории.

Другие выпрашивали у сотоварищей адреса каких-либо знакомых, и начинался эпистолярный заочный роман, который мог длиться годами.

А мог и не длиться. Когда кто-то прямо-таки достал Тишина просьбой о чем-либо адресе, и он, наконец, дал какой-то. Каково же было приставале получить ответ: «Не пишете, бабушка умерла...». На законное возмущение Тишин флегматично ответил:

– Да-да, кажись, она действительно была немолода...

Но это, как говорить, издержки производства. В основном девчонки отвечали и высылали в колонию свои фотки, на которых они смотрелись не хуже знаменитых киноактрис.

Особо расторопные имели по две, а то и по пять заочниц, в которых были «влюблены» одновременно. И вот что любопытно: если о своих любовных похождениях на воле принято было рассказывать не иначе как с отборной похабщиной, то о заочницах говорилось сверхцеломудренно.

Эпистолярный жанр ценился в зоне очень высоко, так как владели им далеко не многие, и эти немногие были прямо-таки нарасхват.

Были, конечно, трафаретки любовных посланий, «отточенные» годами, если не десятилетиями. Но ими пользовались совсем уж лишенные всякого воображения, не смевшие претендовать на высокие и хрупкие чувства.

Уважительное отношение ко мне в зоне складывалось еще из-за того, что за трехлетнюю службу в армии, да еще вдали от Родины, я достиг в этом жанре необыкновенных высот. Сам не находя никакой прелести в заочном общении, был, однако, вынужден совершенствоваться в нем, постоянно оказывая эти услуги очень близким друзьям и даже холостякам-офицерам.

Ну, чем, скажите, в нашей жизни зона отличается от армии? Вся наша жизнь сплошная зона.

Час, отведенный в колонии для писем домой, был святым часом. Лица колонистов преображались, и на них появлялось не свойственное обыденному выражению вдохновение, граничащее с экстазом. Бедные воспитатели, которым по долгу службы приходилось цензурировать эти письма, чтобы вовремя уловить в них просьбы о присылке наркотиков или еще чего запретного! Их порой трясло от сюсюкающих нежностей, которыми обменивались корреспонденты:

« В эти августовские дни, пахнущие ветром переспелых яблок, решил я, Тая, потревожить ваше время, переполненное девичьими мечтаниями, своими заботами... Очень надеюсь, что эти строки не вызовут ненужную суету в череде ваших повседневных раздумий. Дело все в том, что неизбежно и стремительно приближается срок моего освобождения...»

Я-то думал, что такое послание ничего, кроме кошмара и паники, у заочницы вызвать не могло. Но, видимо, я слишком далек был от реальной жизни, ибо в ответ автор получал не менее пылкое послание с радостным повизгиванием.

Мало того, подобная переписка доставляла обеим сторонам истинное удовольствие. Она была важна и для процесса досрочного освобождения, и порой цитаты из нее зачитывались на выездных судах.

Как это ни странно, но подобная заочная любовь иногда получала реальное воплощение. Зато сущей заморочкой переписка была для кума. Каким-то песьим чутьем он вылавливал из кучи незапечатанных конвертов те, в которых были заложены «бомбы».

В посланиях из колонии на волю хитроумно зашифровывались не только запрещенные просьбы о «дури» (наркотиках), но и весьма опасные для системы наказания сведения. Например, фамилии и клички стукачей, наводки на спланированные, но несостоявшиеся кражи и способы связи с другими зонами для координации каких-то противоправных действий.

Будь воля кума, он бы к чертовой матери запретил всю эту писанину, но воли ему такой не давалось, и он усердно, как разведчик в глубоком тылу врага, занимался этой не столь уж простой работенкой, в душе матеря либерализм властей.

Как, мол, раньше хорошо было: без права переписки, и все!

Спокон веков зоной назначено два особо нелюбимых ею человека – кум и замполит. И назначали их таковыми, не сговариваясь, как сами зэки, так и офицеры с прапорами.

Оба эти назначенца в нелюбимые поневоле были самыми что ни на есть рабочими лошадками колонии. У них ведь двойной догляд – и за наказуемыми, и за наказателями. А ну как те споятся и начнут дудеть в одну дуду?

В одну дуду все равно дудели и спевались тоже, без этого зона не проживет и дня. А вот где край дозволенного – определяли замполит и кум. Потому-то не ожидали они к себе любви и от своих товарищей. Только друг с другом и дружились, и то с оглядкой.

Кум, Ким Иванович Тетеркин, был еще известен зоне под кличкой Козлодой. Возможно, кликуха сложилась из его пристрастия к многочасовым

«доениям» (доверительных бесед с колонистами, из которых он «выдаивал» полезную для себя информацию). Конечно же, у него была устойчивая сеть, как бы уже «штатных» стукачей-осведомителей, постоянно докладывающих ему обо всех и обо всем, что творится в зоне. Но, будучи работником опытным и добросовестным, он «профилактировал» почти каждого колониста, чем предельно затруднял выявление истинных стукачей.

Методы его работы были столь изощренными, что приглашенные к нему «попить чаек» иной раз и не подозревали, сколько полезных сведений «выдоил» из них кум, задавая, казалось бы, самые невинные вопросы.

Лет Козлодою уже было порядочно, и должность была подполковничья, а он все еще ходил в майорах. Он не шастал по зоне, как иные кумовья, не вынюхивал по закоулкам, что не мешало ему быть самым осведомленным человеком. Выпивал? Это – да, но не какой-то отборный коньяк, хотя вполне мог позволить себе это, а самую что ни на есть поганую самогонку из буряка.

Пристрастие он свое не скрывал и запросто вытаскивал при профилактируемом алюминиевую фляжку объемом 0,75, изготовленную по его чертежу в производственном цехе зоны.

– Я, с позволения твоего, чуток позволю себе, а то день впереди еще трудный...

День его мог заканчиваться черт-те когда. Частенько, уходя из зоны за полночь, я видел его светящееся окно в бараке штаба. Вполне возможно, что он порой оставался там и ночевать, так как в его холостом и бездетном доме никто не ждал.

Не избегали и не имели права избегать его профилактических бесед как гражданские воспитатели, так и офицерский состав.

Естественно, не минула чаша сия и меня под добрую чарочку вонючей буряковки. При всей своей грозной должности он даже располагал к себе, как умелый и небезынтересный собеседник.

– Нарушаете, нарушаете, – неизменно приветствовал он меня, выходя из-за огромного стола, видать, еще сталинских времен. – Либеральничаете с воспитанниками, а с ними надо быть по-отцовски постороже, потому что требовательность и строгость – родные матери истинного воспитания.

Я тоже неизменно подхватывал его ворчливый полужурящий тон и отвечал, что плохо, если у воспитания имеются сразу две родные матери.

Он посмеивался одними, всегда словно сжеванными, губами, театрально разводил в стороны свои коротенькие ручки и сетовал:

– Вас, образованных, не переговоришь, вон вы сколько умных книг прочитали, да еще столько же запрещенных к пользованию!

На какие-то секунды терялся и я. Конечно, в колонии и Семеновой избе я запрещенной литературы не держал, но в Москве ею была доверху забита моя временно покинутая обитель.

А вдруг он попросил своих старых дружков по Лубянке проверить мою благонадежность? Наверяд ли такое могло случиться – уж слиш-ком маленьким винтиком я был в этой системе. Но его тон, его выражение лица заставляли вспомнить, что надо сторожко держать не только спину, но и лоб, в который он мог пухнуть еще каким-нибудь провокационным вопросом.

А он и пуляет, хотя мысль его уже виляет в другую сторону:

– КВН в отряде к празднику готовите?

– Готовим, ребята «завелись», у некоторых аж таланты открылись. А первое место на конкурсе нам бы не помешало.

– Отряд, конечно, сложный... А про КВН наслышан, наслышан... Рассказывали мне, что номерочек там есть забавный – три колониста в пачках танцуют танец маленьких лебедей. Забавно, забавно... Тюль для юбочек со склада увели?

– Ким Иванович...

– Со склада, со склада. Да, бог с ним, если не на баловство, а на дело. Но я вот что подумал, его еще смешнее сделать можно. Номерочек этот. Нанести на лебедей этих фломастером наколочку: голубков целующихся, колокола «звонящие». Знаете, они танцуют, а на теле все движется. Сценки веселые, знаете, не грубые, а чуть-чуть эротичные. Вот у меня и рисуночки есть! Гляньте-ка, какая красота!

– Да, это бы добавило эффекта, но кто ж такую сложную работу выполнит?

– А у вас в отряде таких не найдется?

Э-э-э, хитер ты, Ким Иванович, но я тоже не институт благородных девиц кончал.... Давно уже кто-то «красит» колонию (делает экам распричудливые наколочки). Умеючи «красит», у некоторых воспитанников не тела, а прямо-таки картинные галереи. На такое только большой и опытный мастер способен. А кто он? Это для Козлодея загадочка пока неразрешимая.

Уйти из зоны без наколочки – это что школу кончить без аттестата зрелости.

За наколки в зоне наказывали серьезно, потому что, если они сделаны на воле, то зафиксированы в деле, а новые приказано опять в это дело заносить для будущей ориентировки. Это, конечно, колонии минус.

За наколки сажали в ШИЗО, лишали передач, свиданок, даже били, чтобы выявить живописца. Все, естественно, впустую. Зэки валили вину

на себя: мол, сам исстарался. А поди-ка сам изобрази на спине изящную русалочку или турецкие бани.

Я и сам эту головоломку долго распутывал, хотя и изначально знал, что художник таится в моей боевой пятерке: Гагарин, Трунин, Дураков, Тишин и Ермишин. Долго грешил на Гагарина. Он хоть в пятерке и не самым бойким был, но за скрытностью и сообразительностью ему на базар не ходить. Но живописцем зоны был Трунин. Вычислил я его случайно. Подменял как-то заболевшую литераторшу и вел урок по Евгению Онегину. По дурной своей привычке, рассказывая, ходил по классу и вдруг, вечно зыркающими глазами, углядел, как Тишка быстрыми тыканьями изображает на промокашке Татьяну с Евгением в весьма фривольной позе. Как не таился я, но зырк мой Тишка просек, промокашку в пыль истер, но еще долго ожидал от меня вопросов. Не дождался. Я не считал наколки криминалом...

Замполит был человеком прямо противоположным куму. В карьерном движении этого подполковника чувствовались напор, тщеславие и какие-то нужные связи в главке. И даже кликуха у него была не обидная – Комиссар.

Андрей Андреевич Тягунов, хоть и тянул свою лямку второго по не любви в зоне человека методично и добросовестно, но умел отсекал лишнее, мелочное, малозначительное. Не гундосил за неголосистую песню в строю, не вглядывался в плохо начищенные сапоги своих подчиненных и не требовал от них на политзанятиях евангельских знаний сути марксизма-ленинизма.

И если кум был скуп на посулы за оказываемые ему услуги, то комиссар раздавал их щедро, не опасаясь нарушить букву какого-нибудь закона. Он виртуозно умел вытягивать из заключенных что-то полезное для себя и колонии.

Стоило цыганенку по кличке Чавелло оказаться в зоне, как в колонии безвозмездно выступила группа из театра «Ромэн», а на пальце комиссара заблестел золотой перстень. Попался на фарцовке сыночек какого-то крупного строительного треста, и в колонии появился ожидаемый годами тяжелый подъемный кран, а дачка Тягунова приобрела вид, соответствующий мировым стандартам. И дочку свою он устроил в МГУ на престижный факультет при помощи отца Беленова.

Сущей заморочкой для него являлись воспитатели-офицеры и сторожевой контингент зоны.

По-черному от своей черной жизни пили все, и бороться с этим было просто бесполезно. У комиссара было не очень-то много рычагов воз-

действия на своих подчиненных. Понизить в звании? Вали, понижай, тебе же для отчетности хуже, и запросы из главка, что и почему? По кочану. Замучаешься объясняться и все равно останешься виноватым. Плохо ведешь воспитательную работу, неразборчив в подборе кадров. Выгнать к чертовой матери? А кого взять? Очередь к тебе на работу не стоит.

Комиссар старался подбирать кадры из людей не менее тщеславных, чем он сам, завирально рисуя перспективы служебного роста аж до главка и министерства. Вот этим он многих крепко брал за горло и заставлял волчариться в охотку.

По зоне гуляла инфекция садизма. Некоторых офицеров тянуло в зону даже в выходные дни, но никак не от повышенной добросовестности, а от жажды и нехватки насилия, от дефицита возможности насладиться своим садизмом, получить от этого прямо-таки эротическое наслаждение.

И гоняли по строевому плацу свои отряды до изнеможения в неурочное время, и шмонали, не брезгуя, постели воспитанников. А еще, раздев догола, при всем отряде ставили в позорные позы, якобы для поиска наркотиков и других запрещенных вещей. Было и такое, что на свиданках при воспитанниках трахали их девчонок и сестер. Поди, пожалуйся, – сгною!

Теперь я запросто узнаю в толпе таких людей по глазам, я столько раз видел их в экстазе при издевательствах над малолетками, при доведении их до скотского состояния, превращения в ничто. И чем это ничто было ничтожнее, тем горделивее делалась стать мучителей, тем «орлинее» полыхали их взгляды.

Мне повезло, командиром моего отряда был редкостный раздолбай по жизни капитан Юрий Иванович Колесников. Ему были до глубокой фени и работа, и карьера. Поэтому на свое высокое начальство он смотрел без всякого подобострастия. Единственной его страстью в жизни была рыбалка, в которую он был влюблен до фанатизма.

– Как дела? – спрашивал он меня ненадолго по утряночке, заглядывая на службу.

– Ермишина в ШИЗО посадили, Юрий Иванович.

– Ах, мать твою так! – возмущался Колесиков. – Ну, я забегу к комиссару... Так ты пригляди тут за меня, а я пошел рыбу ловить. Если тревога, или чепэ серьезное, ты знаешь, где меня найти!

К вечеру он опять заглядывал в зону с полным садком окуньков.

– Что нового в отряде, стахановец?

– Ермишина выпустили!

– Вот так-то, будет знать Тягунов, как наших трогать. Ты уж Ереме выдай по полной, в субботу ему от меня добавится... Ну, я пошел рыбу жарить!

В субботу у него обязательно выдавался полный рабочий день. Отряд в полном составе выстраивался не на плацу, а в казарме, и начинался разбор полетов. Цензурное слово было невозможно уловить в этой пламенной и долгой речи. Все до единого, даже бугры именовались им только на букву «м», их поведение на букву «б», а работа именовалась не иначе как раздолбайской. Отряд стоял, вытянувшись в струнку, не дыша, и влюбленными глазами пожирал своего обожаемого командира отряда, которому все ПО..., а все ДО..., и он ждет не дождется когда они свалят от него НА...

Я искренне считал и считаю его единственным педагогом от бога, который встретился мне в жизни.

Естественно, для меня было и остается загадкой его прямо-таки магическое воздействие на отряд таким оригинальным способом. Он никогда не поднял ни на кого руку, не позволял издеваться до крайности над шестерками, никого никогда не сажал в ШИЗО, легко писал представления о досрочном освобождении, и одно лишь упоминание в качестве легкой угрозы его имени приводило в трепет даже мою опофигевшую пятерку. Для своего отряда он был бог, царь, восточный владыка!

Я не знаю, почему Юрию Ивановичу Колесникову все сходило с рук. Может, на него просто махнули рукой, как на неисправимого сачка и придурка, а может быть, у него были какие-то серьезные связи в Москве, но при мне он дослуживал, не меняя своего стиля руководства отрядом.

Кроме Колестникова был в зоне еще один оригинальный воспитатель несадистской ориентации – Сан Саныч Никольский.

Эстет, меломан, в его воспитательской комнате стояла дорогая радиолка с огромным набором пластинок разного жанра – от классики до битлов. Там же праздновались и развеселые дни рождения колонистов, со столами, накрытыми почти не хуже, чем для поверяющих хлебников. Дело в том, что к этому дню обирались «дотла» все шестерки колонии.

Такие праздники Никольский устраивал далеко не всем, а лишь бла-тарям и особо ему приглянувшимся, с которыми он умел и любил возиться. На затюканных изгоев он вообще не обращал внимания и позволял своим командирам делать с ними, что угодно, хоть забить до полусмерти, но только не при нем.

С Комиссаром они вполне уживались на почве своей великой любви к театру и кино.

Именно они были инициаторами создания в колонии хоть и хиленького, но своего театра, заманив в него очумевших от безделья и скуки офицерских и прапорских жен. Режиссером его (невероятно бездарным) была жена Комиссара по презрительной кличке Подстилка. Блудили от ничегоделанья почти все жены офицеров, но Подстилка была просто сексуальной энтузиасткой, вступая в преступную связь и с некоторыми полюбившимися ей колонистами.

Никольский был человеком почти с высшим образованием, окончил три курса Воронежского биофака, а потом бросил его и почему-то подался сюда, без уговоров нацепив погоны старшего лейтенанта. Конечно же, был он намного интеллектуальнее своих сослуживцев, которых презирал не менее шестерок зоны и всякой там шушеры легавой.

Зато с блатарями он был почти запанибрата, позволял себя звать не по званию, а по имени-отчеству, а то и просто по имени, и был им как бы дружбаном навек. Навек потому, что после их освобождения не терял с ними связи, наезжал к ним в гости, а они частенько навевывались к нему.

Не был он зависим от Комиссара и жильем, потому что какая-то безнадежно влюбленная в него дамочка отписала ему свой дачный домик под Можайском. Отписала и умерла, может, от не достигнутой взаимности чувств, а может, по естественной потребности.

В этом полудомике-полудачке с добротным отоплением, позволяющим пребывать там и лютыми зимами, вечно ошивалась можайская шпана. И вовсе не для пьянок и застолий (Никольский не пил вообще и не терпел подобного пристрастия в других), а скорее от одиночества, стремлением к общению, хоть какому-то очагу.

К ужасу Хозяина и Кума, он мог уговорить замполита дать разрешение на выезд своих любимчиков на экскурсию в Ново-Иерусалимский монастырь, на купание и по грибы.

А ведь не было ни одного случая, чтобы кто-то от него сбежал!

Макаренковский принцип проверки доверием? Да ничего подобного. Его вообще не интересовала теория педагогики, как нечто схоластическое и далекое от действительности. Он во всем шел на авось, легко впадал в транс, даже в какую-то прострацию, и погружался в бездеятельность.

И это Комиссар ему прощал, потому что для его карьеры нужны были и такие люди. Во-первых, он мог ими управлять, а во-вторых, они выделяли его колонию среди других какими-то необыкновенными делами, какой-то новизной, которую всегда можно выдать наверху за

творческий поиск, за стремление идти не позади всего уже апробированного и затвержденного, а впереди него.

Играя на этой слабиночке Комиссара, мне удалось затащить в Можайку в качестве психолога моего замечательного друга, большого умницу в вопросах человековеденья Бориса Кравцова.

Замполита даже не смутила его демоническая внешность и чересчур наукообразная речь, которая могла звучать примерно так:

– Из предыдущих рассуждений следует заключить, что мы рассматриваем потребности, как силы, модифицирующие трансформирующие поведение... Однако следует заметить, что потребности человека и животного отнюдь не адекватны. Поэтому я, как и Зигмунд Фрейд, а так же Ломброзо и Шопенгауэр, считаю....

Комиссар заворуженно смотрел Борьке Кравцову в рот, словно оттуда вылетали не слова, а золотые червонцы.

Он не только принял в колонию Кравцова, но где-то изыскал ему полставки воспитателя. Правда, он несколько смутился и насторожился после коллективного сеанса гипноза, когда в транс впали не только почти все воспитанники, но и многие педагоги. В этот момент колонией управляли не они, опытнейшие офицеры-воспитатели, а какой-то маленький человечек, шаманивший на сцене клуба.

Если для меня колония с детства была чем-то знакома по моему жутко криминальному двору в центре Москвы, то для Бориса этот мир со своими превратностями человеческих отношений был сущим открытием.

В колонии было огромное количество дебилов и просто умственно отсталых, которые требовали скорее медицинской коррекции, чем перевоспитания и наказания. Короче, их давно лечить было надо, а не дожидаться, когда их затаянут в криминальную компанию и вовлекут по их дурости в противоправные действия. И держать их здесь было бесполезно, как выращивать апельсины в нечерноземной полосе России.

Кравцов написал об этом обширную и убедительную записку.

Комиссар только равнодушно пожал плечами – это были не его трудности и не его заботы. Это была проблема системы, с которой он не собирался ссориться. Она его устраивала по всем параметрам и сулила прекрасное будущее и безбедную старость.

А дебилы и умственно отсталые, попавшие сюда не по назначению, так и оставались для него вообще лишними людьми на этом белом свете. Разве они ему помогут получить звание полковника, генерала?

Фашизм – это не визгливые речи Гитлера, это в первую очередь твердое убеждение в своем превосходстве над другими...

Естественно, что больше других заинтересовала Кравцова моя боевая пятерка: Гагарин, Трунин, Дураков, Тишин и Ермишин.

Поначалу он всем своим ученым и действительно демоническим видом насторожил их – это что за интеллигентик задолбанный? Но к моему изумлению, Борис чуть ли не сходу ворвался в их замкнутый мир, не допуская к себе чужаков.

Он как-то попросил меня собрать пятерку на «тайную вечерю». Заинтригованные просьбой, они пришли.

– У меня ребята, большое горе, – начал свою речь Кравцов, на секунды разочаровав меня в своих психологических познаниях, ибо не вызвал на лицах моих ребят и тени сочувствия. – Мой близкий друг ехал на мотоцикле и сбил пешехода. Скоро мне предстоит выступить в суде в качестве его общественного защитника. А что сказать, как убедить суд в его невиновности, я не знаю. Если вы не научите меня – он пропал, угодит в тюрьму как «неосторожник».

Первым заговорил Коля Дураков, как шоферюга по жизни.

– Рисуи! – потребовал он от Кравцова, сразу же переходя с ним на «ты». – Рисуи подробную схему, как все было.

Пятерка целый час пререкалась сама с собой, рассматривая все варианты, дорисовывая схему, требуя от Кравцова все новых и новых подробностей происшедшего: какая была погода, каков зафиксированный ментами тормозной путь, пересечение улиц и наличие на дороге пешеходной «зебры». Окончательное заключение вынес Дураков.

– Ты, Борька, не бойсь, все козыри в наших руках, мы этого терпим еще сами «неосторожником» сделаем. Или за решетку упечем за создание аварийной ситуации, или он всю жизнь будет работать на лекарства на лечение твоего друга от страха. Это же травма!

– Судья кто? – уточнил Ерема. – Не знаешь? Как же так? Напрасно! У меня была Танька, по прозвищу Десятка – она всем меньше десяти лет не лепила. Так мы с адвокатом у нее шестерик выманили. То-то потом она от злости маялась!

Постарайся попасть к мужику, они ленивее и всегда куда-то спешат. И про заседателей узнай все.

На суд Борьку провожали, как в разведку, давали последние напутствия, учили, где упираться рогом, а где и слезу не запахло пустить. И, боже мой, какой же у пятерки был праздник, когда Кравцов вернулся из Москвы победителем, нагруженный батонами дефицитной сырокопченой колбасы и всяческой снедью от благодарного подсудимого.

Никто не пошел в кино, хотя крутили «Анжелику – маркизу ангелов». Какая там к черту маркиза, когда они одержали победу над вла-

стью! Борька в сотый раз пересказывал сюжет суда, а от него все требовали и требовали новых деталей. То кричали от досады из-за промахов, то восхищались его изворотливостью.

Совсем обнаглев от удачного внедрения Бориса в зону, я подкатил к Комиссару с новой идеей: пригласить на производственную практику студентов педагогического института.

– Там же одни девицы, – удивился Тягунов.

– Ну и что?

– Так к ним охрану дополнительную приставлять надо, а где я ее возьму? Случись что, такой скандал заполучим, годами за совещаниях поминать будут!

– А не надо охраны.

– Как это?

– Да мои активисты с них глаз не спустят.

– Как бы они им чего другого не спустили, твои активисты. Голова моя, а не ваша полетит, если что...

– Да не будет никакого «что». И театр оживим, книг задарма получим, а то из Москвы давно в нашу библиотеку не заглядывали, а заглянут, так найдут там одну «Куручку-рябу». А потом, товарищ подполковник, у них же родители все в Москве большие шишки, через них ого чего для колонии выпросить можно!

Думаю, решающим оказался последний аргумент, и Комиссар, хоть и сильно сомневаясь, дал разрешение.

Педагогические институты издавна славились как ярмарки самых красивых невест. Но когда я привез в колонию первую партию стажеров, зона прибалдела. Офицерские жены сначала вздыбились, опасаясь за своих мужей, а потом, поняв, что последним и издали ничего не светит, извлекли из нового явления пользу – стали обезьянничать в одежде и манерах. Учителя тоже было расквакались, опасаясь за свои высокооплачиваемые часы в школе, но, узнав, что за «подмену» денежки все равно к ним в карман потекут да еще с добавкой за наставничество, стали загружать стажеров по горло.

По правде сказать, я хоть и хорохорился перед Комиссаром, но и сам побаивался, как бы мои протезы не оконфузились в этом разбойничьем стане. На что уж я был уже тертым-перетертым, но и то не раз попадал впросак. Вот тогда-то я и собрал совещание из своей боевой пятерки и еще из кое-каких авторитетов.

– Пацаны, если мы хотим жить здесь мало-мальски по-человечески, слушать здесь настоящих бардов, а не деревенских петухов, на-

учиться играть не на губах, а на гитарах, надо сделать так, чтобы приехавших девчонок не обидели, чтобы с ними ничего не случилось. А случись что, начальство только обрадуется и совсем озвереет.

– Придурочных в зоне хватает, – понял Беланов, – так что всех предупредить после отбоя надо: если что – кастрируем, никакие бабы им больше не понадобятся. И самим присматривать по мере возможности, чтобы они никогда одни не оставались. Кто против?

Против никого не было.

Боже ты мой, лучшей и более бдительной охраны я в жизни не видел. Девчонки всегда находились под перекрестным надзором.

А в колонию зачастили барды, на концерты которых в Москве и не попадешь. Появились книги, каждому отряду подарили по гитаре и самоучителю. По воскресеньям приезжали со своими блистательными капустниками актеры ТЮЗа.

Комиссар же, не забывая зазывать к нам министерских гостей, порой даже с женами, хитроумно выклянчивал через родителей практиканток всяческие блага для колонии и для себя.

Ни один учебник педагогики и психологии не разъяснит мне этот эффект предельной и даже стыдливой скромности у людей, переполненных пороками. А я наблюдал это, и не единожды...

Для меня существовала и еще одна неразгаданная тайна, которая так и осталась тайной до момента, когда я покинул зону, – Толик по кличке «Глухой».

Был он и вправду глуховат – еще в детстве сорвался с подножки трамвая и повредил барабанные перепонки. К ворам его трудно было причислить: тих, беззлобен, молчалив. Да и работал Толик на позорной для колонии должности – «катался на метле», был уборщиком в штабном бараке.

Но что ведь странно: даже злобный Забор ни разу не повысил на него голос, не говоря уж, чтобы как-то унижить или ударить.

Сидел он за соучастие в крупном ограблении квартиры – сам там не был, но стоял на шухере. Всех взяли почти случайно, установив каким-то образом и сопричастность к этому делу Глухого. Но что-то мне подсказывало, что не шестеркой в этом деле был Толик. Не по его ли наводке так быстро и умело распотрошили эту шикарную квартиру, оснащенную премудрой сигнализацией, которая не сработала в нужный момент. По своим повадкам, характеру и осведомленности в бомбежке хат Глухой никак не тянул на пассивного соучастника матерых рецидивистов...

Писем он никому из зоны не писал (официальных писем, но мог использовать и неподконтрольные малявы) и не отвечал на чуть ли не ежедневные послания родителей, за что не раз получал выговорешники от Комиссара (в его обязанности входило следить и за положительным влиянием семьи на воспитанника). Приезжавших на свидание родственников встречал равнодушно, как бы стесняясь их. Больше молчал, отбывая эти – для других сладостные – часы как тяжелую и нудную, необходимую повинность.

Грязь под ногтями для колониста почти что маникюр. А он, шнырь, всегда был в идеально чистой форме (в штаб уходил в подменке) и с идеально ухоженной головой и руками. В штабе был душ для офицеров, но поздними часами он, видимо, обслуживал и Толика.

Любопытно было наблюдать за ним, когда он работал. Мыл он пол и стены так тщательно, что Комиссар, порой проверяя его добросовестность своим носовым платочком, ни разу его не запачкал. В минуты отдыха не сидел на подоконнике, а стоял, прижавшись к стене, словно пытаясь впечататься в нее.

Не признавал никаких наколок, отказался «нарисовать» даже перстенок на пальце – как от ордена отказался: чем же на воле будет доказывать свою судимость? Никогда ничего не отбирал у шестерок, даже брезговал отнятой у кого-то халявой.

Активно не любил его только Никольский, и то за сущий пустяк. Сан Саныч попросил Толика подменить свою стершуюся корундовую иглу от радиолы на иглу от такого же музыкального комбайна, стоявшего в кабинете Хозяина. Мол, тот все равно музыку никогда не слушает. Толик отказался наотрез, чем, конечно же, смертельно обидел Сан Саныча.

Все, понятно, знали, что Глухого чаще других тягает к себе кум, и Толику, как никому другому, находясь постоянно в штабном бараке, было удобно стучать бесконтрольно. Мало ли зачем позвал его Козлодой? Толян явно стучал. Не мог не стучать, занимая при штабе такую халявскую должность. Не могли этого не знать и его товарищи по несчастью. Но ни от кого я не слышал и слова упрека в адрес позорной деятельности Глухого, за которую, как я уже рассказывал, запросто могли «упаковать» в тумбочку.

Это была полная непонятка. Толян прямо-таки нарывался на расправу, но по-прежнему жил неприкасаемым, не опасаясь проснуться с «пером» в бок или избитым почти до смерти.

Я тщательно и подолгу изучал его личное дело. Может, оберегают его хлопоты родителей, каким-то боком связанным с системой МВД? Да нет, из семьи железнодорожников. Отец – помощник машиниста, мать – сцепщица вагонов, сестра – дежурная по станции.

И Комиссару он был побоку – какая прибыль от увечного и почти что негого?

Однажды Кум ловко накрыл троицу колонистов, готовящих побег. Поймали так, словно давно уже поджидали у запретки. Издевались над ними, мол, кого перехитрить захотели, за самых умных себя держите?

Я спросил у Толяна, как бы между прочим, не рассчитывая на правдивый ответ:

– Твоя работа?

Он неопределенно пожал плечами и равнодушно сказал:

– Их бы все равно бы поймали. Они собирались бежать в сторону железной дороги, а там секретки (секретные посты), там каждый колхозник в охотку если сам не сцапал бы, то быстренько просигналил кому надо. Они уже в своей задумке в обреченных были. Потому что бараны! Баранами им жить и помереть, а они рыпаются куда-то. Да еще и готовились к побегу чуть ли не месяц, жратвой запасались, а это надо делать в порыве, стремительно, даже самому себе не признаваясь, что задумал.

Кому-то он, вероятно, стучал и на Кума. Потому что самые внезапные налеты контролеров на казармы и самый тщательный шмон никогда не давали достойного улова. Особенно обережены были авторитеты, среди которых наркотики ходили почти запросто. А чтоб у них не было заточек...

Глухого долго не освобождали, а он и не просился, не выканючивал у начальства досрочки, словно бы вовсе и не стремился на волю, впрочем, не просился и на взросляк.

Однажды я даже позволил себе неловко пошутить:

– У меня создается впечатление, что ты не против остаться здесь, как бравый солдатик, на сверхсрочную службу. Тебе что, некуда идти или тебя на воле никто не ждет?

– Сверхсрочки они мне дать не могут. А свое отсижу, хотя и уходить есть куда и на воле уже ждут не дождутся...

Провожали его, как Кузнечика, – всем миром. Обрядили в гражданское, новенькое, даже модное, обеспечили в дорогу отменной едой.

Я тоже простился с ним, сетуя на неразгаданную тайну. Подарил на память классную безопасную бритву и помазок из беличьего хвоста, привезенные когда-то из Германии.

Мы встретились через много лет.

Я жил на своей убогонькой дачке – садово-огородном участке – и не разгибаясь корпел над книгой. Как-то рано-рано утром обнаружил

отсутствие самого насущного «хлеба» – сигарет. Магазин конечно же закрыт, а будить мирных дачников было бы неприлично.

Несколько дней назад, в дальней прогулке, обнаружил я в соседнем селе неожиданный для здешних мест ресторанчик, срубленный наподобие Кижей. Над его княжеской маковкой светилась реклама, еще более причудливая для этих мест: «Мы работаем двадцать пять часов в сутки!»

Нужда толкала...

Ресторан был переполнен изысканной публикой, а официантки словно сбежались сюда со страниц журнала фотомоделей.

Я подошел к стойке бара и скромно попросил пачку сигарет. Цены, конечно же, были здесь запредельные, но дело добровольное: либо плати, либо мучайся.

Величественный, как монумент, бармен отодвинул от себя мои купюры и почтительно сказал:

– Вас зовут.

Действительно кто-то тронул меня за плечо:

– Не узнаете? Я – Толян из Можайки. Пойдемте присядем за мой столик.

Я пошел и присел за стол, уставленный чудесами кулинарного искусства. Приятели Глухого, вежливо представившись, сразу куда-то ушли, предоставив нам возможность поговорить с глазу на глаз.

– Как живешь?

– Как видите.

– Что ж, успехов тебе и удачи. У каждого путника своя дорога в жизни. У тебя своя, у меня тоже. Но вот открой мне за давностью лет свою тайную тайну, она меня мучает до сих пор. Кем же ты был в колонии, что тебя никто не смел тронуть?

– Хранителем общака – всей кассы колонии, а это немалые по тем временам были деньги.

– И где же ты их хранил, если не секрет, конечно.

– Какой уж теперь секрет. В кабинете у Кума – под ковром.

– Анатолий Александрович, – почтительно окликнули Глухого.

Он презрительно отмахнулся.

– Иди, иди, – сказал ему я. – Я тоже пошел...

И я пошел на свою убогую дачку, раздумывая об открывшейся через много лет тайне.

Я когда-то знал Глухого, и он был мне чем-то интересен, а с Анатолием Александровичем я знаком не был...

Сергей Пашин

Проблемы реформирования производства по делам несовершеннолетних

В ходе судебной реформы не могут остаться на обочине проблемы несовершеннолетних, поскольку их девиантное (отклоняющееся) поведение достаточно распространено и поневоле втягивает подростков в правоохранительную, судебную и уголовно-исполнительную машины. Из года в год несовершеннолетние участвуют в совершении почти каждого десятого преступления, около 10 тысяч подростков отбывает сейчас в воспитательных колониях наказание в виде лишения свободы. Дети и подростки постоянно становятся жертвами корыстных, насильственных, половых преступлений.

По поводу и вокруг несовершеннолетних развиваются не только уголовные, но также семейные и гражданско-правовые драмы, и от Российской Федерации требуется «обеспечить ребенку такую защиту и заботу, которые необходимы для его благополучия» (п. 2 ст. 3 Конвенции о правах ребенка).

Мне уже приходилось писать о том, что российское материальное и процессуальное уголовное законодательство далеко от идеалов, установленных Минимальными стандартами ООН, касающимися отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинскими правилами), а также Эр-Риядскими руководящими принципами¹. Однако, при всей важности следования изложенным в этих документах реко-

С. Пашин – к.ю.н., эксперт НЭПС, федеральный судья в отставке, заслуженный юрист Российской Федерации.

¹ См.: Пашин С. Пекинские правила и некоторые положения российского уголовного законодательства. Сопоставление моделей кураторской и карательной юстиции // INDEX. Досье на цензуру. 1998. № 3. С. 100–105; Пашин С.А. Карательная и кураторская модели юстиции // Восстановительное правосудие для несовершеннолетних и социальная работа. Учебное пособие / Под ред. Л. М. Карнозовой. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2001. С. 14–28.

мендациям, дело не сводится лишь к заимствованию отечественным законодателем прогрессивных и гуманных норм, принятых международным сообществом. В рамках производства по делам несовершеннолетних требуется сочетать подчас трудносоединимые подходы и идеи, уравновесить различные ценности и противоположные интересы.

Назначение производства по делам несовершеннолетних

Российское уголовное законодательство, предусматривая определенные послабления для несовершеннолетних (например, ограничение видов и размера применяемых к ним наказаний; установление для некоторых категорий подростков альтернативных уголовному наказанию мер воспитательного воздействия; льготный порядок освобождения осужденных несовершеннолетних от наказания и погашения судимости), не рассматривает судопроизводство по делам подростков как процедуру, коренным образом отличающуюся по своему назначению, формам и нормативным основам от разбирательства уголовных дел взрослых обвиняемых.

Предварительное расследование и судебное разбирательство уголовных дел несовершеннолетних, а также постановления уголовного закона, касающиеся этой категории лиц, представляют собой лишь частные случаи общих процедур и норм. Соответственно наказание применяется к несовершеннолетним, как и ко взрослым правонарушителям, «в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений» (ч. 2 ст. 43 УК Российской Федерации); уголовному судопроизводству по делам несовершеннолетних приписывается общее для всех категорий лиц назначение (ст. 6, 420 УПК Российской Федерации).

Пекинские правила наполнены совсем другим смыслом. Так, в силу пункта 5.1 Правил «Система правосудия в отношении несовершеннолетних направлена в первую очередь на обеспечение благополучия несовершеннолетнего»; «судебное разбирательство должно отвечать интересам несовершеннолетнего и осуществляться в атмосфере понимания» (п. 14.2 Правил); «при рассмотрении дела несовершеннолетнего вопрос о его или ее благополучии должен служить определяющим фактором» (подпункт «d» п. 17.1 Правил).

Столкновение карательных по своей природе идей «справедливого наказания», устрашения («общей и частной превенции»), с одной стороны, и, с другой стороны, соображений ресоциализации подростка, обеспечения его благополучия, составляет важнейшую практичес-

кую проблему судебной реформы. Но конфликт интересов этим не ограничивается. Во многих западных странах, где ювенальная юстиция получила развитие, сторонники исключительной заботы о благополучии нарушившего закон подростка подвергаются аргументированной критике. В конце концов, защиту и восстановление в нарушенных правах должна получить жертва правонарушения², а местное сообщество нужно оградить от рецидивов девиантного поведения. Под давлением общественности в этих странах забота о благополучии правонарушителя дополняется мерами, обеспечивающими осознание им ответственности и его участие в заглаживании причиненного вреда. Напротив, состояние отечественного правосудия и, в особенности, практика предварительного расследования уголовных дел и содержания обвиняемых под стражей превращают несовершеннолетнего правонарушителя в его собственных глазах, а также с точки зрения его родственников и сверстников в жертву юридического механизма, то есть в «несчастненького»³, а никак не в субъекта осознанной ответственности.

Определение назначения производства по делам несовершеннолетних необходимо для утверждения проектируемой в России системы ювенальной юстиции на понятных обществу и поддерживаемых им принципах. К сожалению, совместить в реальной системе правосудия противоположные взгляды на смысл производства по делам несовершеннолетних довольно трудно. Отец кибернетики Н. Винер однажды верно заметил: «До тех пор, пока общество не установит, чего же оно действительно хочет: искупления, изоляции, воспитания или устрашения потенциальных преступников, – у нас не будет ни искупления, ни изоляции, ни воспитания, ни устрашения, а только путаница...»⁴.

В свете сказанного представляется весьма многообещающим, хотя пока и локальным, опыт восстановительного правосудия⁵, практикуемого в отдельных судах Москвы, Пермской области и немногих других регионах страны.

² См.: Декларация основных принципов правосудия для жертв преступления и злоупотребления властью (принята резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1985 г.).

³ Этим словом наши сердобольные соотечественники издавна называли осужденных к тюремному заключению и каторжным работам.

⁴ Винер Н. Кибернетика и общество. М.: Иностранная литература, 1958. С. 116.

⁵ См., в частности: Декларация основных принципов использования программ восстановительного правосудия в уголовных делах, утв. ЭКОСОС резолюцией 2000/14 // Вестник восстановительной юстиции. Обзор практики. 2001. № 3. С. 111–115.

Формальная и щадящая процедуры

«Атмосфера понимания» при рассмотрении дел несовершеннолетних предполагает отступление от канонов надлежащей правовой процедуры, преобладание патернализма (отеческой заботы) над состязательностью как сверхценностью юридического мира. Российские исследователи ювенальной юстиции конца XIX века в США с удовольствием отмечали, что процесс проходит в неформальной обстановке; подиум, на котором восседает судья, невысок; глаза судьи и стоящего перед ним подростка находятся на одном уровне; несовершеннолетнего называют по имени; разбирательство осуществляется в форме беседы. Пекинские правила предполагают предоставление органам, ведущим дело несовершеннолетнего, дискреционных полномочий, то есть усмотрения в решении юридической судьбы обвинения, а также требуют, чтобы они общались с несовершеннолетним правонарушителем «таким образом, чтобы... содействовать благополучию несовершеннолетнего» (пункты 6.1, 10.3 Правил).

Современный российский законодатель, однако, отдавая себе отчет в уровне общей и правовой культуры нынешних судей, пошел в области уголовно-процессуального права по другому пути, используя технику жесткого нормирования не только процессуальных действий дознавателей, следователей, прокуроров, судей, но даже форм выносимых ими юридических документов, снабдив УПК Российской Федерации набором бланков следственных, прокурорских и судебных актов (постановлений, определений, протоколов, приговоров). Распространяющаяся идеология состязательного процесса, замешанная на азарте «выигрыша дела», подрывает не только принцип всесторонности, полноты и объективности разбирательства (ст. 20 ранее действовавшего УПК РСФСР), но и затрудняет принятие правонарушителем на себя осознанной ответственности за содеянное: ведь дело может закончиться в его пользу по юридическим соображениям, не связанным с его действительной виновностью, в результате ловкой «игры на правовом поле». Судья не может в рамках состязательного процесса «поговорить начистоту» с подсудимым, поскольку преждевременное выражение им мнения о доказанности либо недоказанности обвинения влечет его отвод. Как неоднократно указывал в своих решениях Конституционный Суд Российской Федерации, «суд в ходе производства по делу не может становиться ни на сторону обвинения, ни на сторону защиты, подменять стороны, принимая на себя их процессуальные полномочия, а должен оставаться объективным и беспристрастным арбитром... Суд уполномочен разрешать подсудные ему дела

лишь на основе соответствующих обращения участников судопроизводства...»⁶.

Колебания предпочтений между щадящим чувства подростка разбирательством и процессом со скрупулезным следованием процессуальным формам, в которых справедливо видят гарантии от произвола правоприменителей, по-видимому, неизбежны. Верховный суд США, в конце концов, был вынужден по конкретному делу создать прецедент, перечислив права несовершеннолетнего правонарушителя, обязательные для соблюдения во всех случаях. В пункте 7.1 Пекинских правил практически воспроизводится аналогичный перечень прав подростка: «Основные процессуальные гарантии, такие, как презумпция невиновности, право быть поставленным в известность о предъявленном обвинении, право на отказ давать показания, право иметь адвоката, право на присутствие родителей и опекуна, право на очную ставку со свидетелями и их перекрестный допрос и право на апелляцию в вышестоящую инстанцию должны быть гарантированы на всех этапах судебного разбирательства».

Надо отметить также, что необходимая по делам несовершеннолетних конфиденциальность (пункты 8.1, 21.1 Пекинских правил) вступает в конфликт с принципом гласности судебного разбирательства⁷.

При конструировании отечественной модели ювенальной юстиции предстоит найти разумный баланс между требованиями процессуальной формы и интересами благополучия несовершеннолетнего подсудимого с учетом его психофизиологических особенностей. Одновременно, по-видимому, необходимо по делам несовершеннолетних сделать проницаемыми границы разных форм судопроизводства, задаваемые многими федеральными кодексами, поскольку девиантное поведение подростка обусловлено комплексом причин и условий, влиянием семейного, производственного, дворового окружения. Разбирательство уголовного дела несовершеннолетнего, как правило, требует, наряду с применением наказания мер воспитательного воздействия, а также использования инструментария иных отраслей права: гражданского, семейного, трудового.

⁶ См., например, п. 3 мотивировочной части определения Конституционного Суда Российской Федерации от 5 ноября 2004 г. № 380-О, вынесенного по запросу Всеволожского городского суда Ленинградской области.

⁷ В закрытом судебном разбирательстве могут рассматриваться уголовные дела о преступлениях, совершенных не достигшими возраста 16 лет подростками (п. 2 ч. 2 ст. 241 УПК Российской Федерации). Прочие несовершеннолетние, по общему правилу, не могут претендовать на рассмотрение их дел в закрытых судебных заседаниях.

Специализация и профессионализм

Как подчеркивается в пункте 22.2 Пекинских правил, «Персонал органов правосудия по делам несовершеннолетних должен подбираться с учетом различных категорий несовершеннолетних, которые вступают в контакт с системой правосудия по делам несовершеннолетних. Следует приложить усилия для обеспечения справедливого представительства женщин и национальных меньшинств в органах правосудия по делам несовершеннолетних».

Пленум Верховного Суда Российской Федерации уповает на специализацию, а потому в свое время предписал разбирать дела несовершеннолетних «...под председательством одних и тех же наиболее квалифицированных судей при участии народных заседателей из числа педагогов и иных лиц, имеющих опыт в воспитании молодежи»⁸. Институт народных заседателей был изменен в начале нового века таким образом, что рекомендация Пленума не могла быть выполнена, поскольку отбирать представителей народа для участия в процессах должны были по жребию, то есть случайным образом; с 1 января 2004 года институт народных заседателей ликвидирован полностью. Специализация же судей на рассмотрении дел несовершеннолетних фактически означает ускоренное и более гладкое воспроизводство на материале соответствующих дел принятых обыкновений судебной практики, не имеющих ничего общего с принципом обеспечения благополучия несовершеннолетнего.

По делам несовершеннолетних нужна не столько специализация судей, сколько наделение их особым профессионализмом, сочетающим в себе новый, своеобразный взгляд на назначение судопроизводства, а также знания возрастной психологии, психиатрии, педагогики, навыки восстановительного правосудия и организации примирительных процедур. При этом речь идет не о материале, который можно выучить и применить, а о мировоззрении, приобретаемом на протяжении жизни и сознательно реализуемом в судейской практике. Таким мировоззрением могут быть наделены прежде всего люди, находящиеся сейчас вне рамок судебной системы и государственных структур. Поэтому по делам несовершеннолетних, как представляется, должны привлекаться к участию в процессах общественные судьи. Институт общественных судей нуждается в законодательном признании.

⁸ Пункт 9 постановления Пленума Верховного Суда РСФСР № 5 от 25 декабря 1990 г. «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних и о вовлечении их в преступную и иную антиобщественную деятельность».

Работу судьи, рассматривающего дело несовершеннолетнего, необходимо обставить опорами в виде профессиональной деятельности социальных работников, посредников (медиаторов) между обвиняемым и потерпевшим, поручителей за надлежащее поведение находящегося на свободе обвиняемого подростка, вносителей залога, психологов, врачей и педагогов. Эти люди могли бы состоять при судах в качестве волонтеров или лиц, оказывающих услуги на некоммерческой основе. Таким образом, профессионализация рассмотрения дел о несовершеннолетних не сводится к требованиям, адресованным судье, но в идеале представляет собою налаженную инфраструктуру поддержки судебной деятельности⁹.

В короткой статье удалось рассмотреть лишь три важных проблемы, от решения которых будет зависеть лицо российского судопроизводства по делам несовершеннолетних. На этом участке судебная реформа не должна пойти по накатанным бюрократическим рельсам, воспроизводя под новыми вывесками существующую практику либо заимствуя на бумаге прогрессивные западные технологии.

⁹ К сожалению, сегодня органы и учреждения системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних (см.: Федеральный закон от 24 июня 1999 г. «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних») лишь в незначительной степени могут претендовать на роль и значение такой инфраструктуры.

Евгений Цымбал

Буква закона и проза жизни

(уголовная ответственность несовершеннолетних с аномалиями психики)

Конвенция ООН о правах ребенка гарантирует каждому ребенку, что он может быть признан виновным в совершении преступления и лишен свободы только согласно закону после справедливого слушания в суде (ст. 40). При этом лишение свободы должно использоваться в качестве крайней меры и в течение как можно более короткого времени (ст. 37). Конвенция требует от государств-участников принять все необходимые законодательные и административные меры для выполнения этих гарантий.

На практике это означает, что при нарушении несовершеннолетним уголовного закона наказание в виде лишения свободы может быть назначено ему только при выполнении следующих условий:

- достижение установленного законом возраста (14 или 16 лет);
- наличие способности осознанно, с учетом требований закона, руководить своим поведением во время совершения преступления;
- отсутствие возможности добиться исправления без изоляции от общества.

С учетом требований Конвенции и конкретизирующих их положений российского законодательства проанализируем, как они реализуются на практике. Для этого необходимо ответить на следующие вопросы. Всегда ли несовершеннолетние обоснованно привлекаются к уголовной ответственности? Всегда ли обоснованно им назначается наказание в виде лишения свободы? Назначается ли это наказание на «как можно более короткое время»? Соблюдаются ли права несовершеннолетних осужденных во время отбывания наказания в колонии?

Евгений Цымбал – кандидат медицинских наук, методист Центра психолого-медико-социального сопровождения «ОЗОН» для детей, пострадавших от жестокого обращения, лауреат премии Правительства РФ в области образования.

Каждый из приведенных выше вопросов очень широк и заслуживает подробного обсуждения. Здесь же они будут рассмотрены с точки зрения психиатра, чтобы продемонстрировать значимость учета аномалий психики несовершеннолетнего правонарушителя в процессе уголовного судопроизводства.

Всегда ли несовершеннолетние обоснованно привлекаются к уголовной ответственности? Положительный ответ на этот вопрос может быть дан только в том случае, если подросток не просто нарушил закон, а сделал это виновно, то есть осознал противоправность своих действий и предвидел, что они повлекут общественно опасные последствия. Подростковый возраст характеризуется не только бурными психологическими изменениями, но и существенными различиями между несовершеннолетними по уровню психического развития. Это связано с тем, что темп психического развития зависит от наследственности подростка, состояния его здоровья, а также от социальных условий, в которых он находится. Законодатель, устанавливая нижнюю возрастную границу уголовной ответственности, ориентировался на типичные, усредненные темпы психического развития. Таким образом, далеко не все несовершеннолетние, достигшие возраста уголовной ответственности, обладают достаточным уровнем психического развития для того, чтобы осознанно руководить своим поведением, в том числе и при совершении деяний, запрещенных уголовным законом. На основании ч. 3 ст. 20 УК РФ такие несовершеннолетние не подлежат уголовной ответственности.

Исследования психологов и психиатров свидетельствуют, что только у половины несовершеннолетних психическое развитие точно соответствует возрастной норме, около 35% подростков опережают возрастную норму, а 15% отстают в психическом развитии. Ежегодно в Российской Федерации выявляется около 45 тысяч несовершеннолетних в возрасте 14–15 лет, совершивших преступления. 15% от этого числа составляют 6750. Однако реальное количество отстающих в психическом развитии несовершеннолетних преступников должно быть больше по двум причинам. Во-первых, не учтены несовершеннолетние преступники 16–17 лет, и, хотя среди них отставание в психическом развитии встречается реже, их общее число значительно превышает группу 14–15-летних. Во-вторых, крайне неблагоприятное микросоциальное окружение, характерное для подавляющего большинства несовершеннолетних правонарушителей способствует росту распространенности отставания в психическом развитии.

Таким образом, можно полагать, что отстают в психическом развитии не менее 7000 подростков из ежегодно выявляемых несовершен-

нолетних преступников. Если допустить, что только в половине случаев отставание в психическом развитии ограничивает способность несовершеннолетних осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) или руководить ими, то число несовершеннолетних, не подлежащих уголовной ответственности вследствие отставания в психическом развитии, составляет 3500 человек в год. На практике же эта норма используется в отношении 750–1200¹ несовершеннолетних, то есть в 3–5 раза реже.

Следует отметить резкие региональные различия частоты использования нормы об отставании в психическом развитии. В Алтайском крае в 1998 году, Смоленской области в 2001 году и Краснодарском крае в 2003 и 2004 годах на учет в ПДН было поставлено более 100 несовершеннолетних, не подлежавших уголовной ответственности вследствие отставания в психическом развитии. В других регионах, таких как Брянская, Магаданская, Тамбовская и Ульяновская области, республиках Чувашия, Калмыкия и Дагестан, городе Москве эта норма практически не применяется.

Следователи не обладают знаниями в области психиатрии и психологии, поэтому в случае возникновения сомнений в психической полноценности подозреваемого или обвиняемого они должны назначить судебно-психиатрическую экспертизу. Изученные уголовные дела свидетельствуют, что нередко случаи невнимания следователей к очевидным особенностям личности несовершеннолетнего обвиняемого и характеру совершенного преступления. Такое невнимание неизбежно приводит к необоснованному отказу от назначения экспертизы. Так, несовершеннолетнему 16-летнему подростку судебно-психиатрическая экспертиза была назначена только судом. Мотивируя это решение, суд в определении указал, что подсудимый не может точно назвать дату своего рождения, не сразу понимает обращенные к нему вопросы. Следователь, общавшийся с подростком значительно дольше суда, не смог или не захотел заметить особенности личности обвиняемого и сделать соответствующие выводы. В другом случае несовершеннолетний обвиняемый учился в школе всего пять лет, причем четыре года в первом классе, затем обучение прекратил. Подросток был неграмотен, не умел

¹ Сведения о числе несовершеннолетних, не подлежащих уголовной ответственности в связи с отставанием в психическом развитии, содержатся в форме 180 ГИЦ МВД РФ «Отчет о результатах работы подразделений милиции общественной безопасности, криминальной милиции и органов предварительного следствия по предупреждению и пресечению безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних».

считать. Следователю приходилось зачитывать ему протоколы допросов, однако экспертизу для выявления отставания в психическом развитии он не назначил. Таким образом, нередко несовершеннолетние, которые по своему психическому состоянию не подлежат уголовной ответственности, оказываются в местах лишения свободы.

Всегда ли обоснованно назначается несовершеннолетним наказание в виде лишения свободы? Назначается ли это наказание на «как можно более короткое время»? В случае ограниченной вменяемости, когда имеющееся у подростка психическое расстройство не лишает его вменяемости, но ограничивает способность к осознанному руководству поведением, он подлежит уголовной ответственности. Суд учитывает наличие такого психического расстройства при назначении наказания и может применить к виновному принудительную меру медицинского характера. По материалам судебно-психиатрических экспертных комиссий ограниченно вменяемыми признается около 6% несовершеннолетних, прошедших экспертизу, или примерно 1500² подростков. Однако, по данным судебной статистики³, суды учитывают ограниченную вменяемость лишь в одном случае из четырех, в остальных они просто не замечают утверждение экспертов о том, что психическое расстройство ограничивало способность подсудимого к осознанному руководству своим поведением во время совершения преступления. Пренебрежение столь важным обстоятельством дает основание усомниться в обоснованности избранного судом вида наказания и его размера.

Пристальное внимание к личности виновного является обязательным условием рассмотрения дел о преступлениях несовершеннолетних. Закон требует от суда при решении вопроса о виде наказания и длительности лишения свободы, помимо тяжести совершенного преступления, смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств, учитывать особенности личности подростка, условия его жизни и воспитания, уровень психического развития, а также влияние назначенного наказания на исправление осужденного. Естественно, что психическое расстройство обвиняемого, а оно отмечается у 2/3 несовершеннолетних, прошедших судебно-психиатрическую экспертизу, не может быть проигнорировано судом.

² Данные экспертной статистики публикуются в ежегодных аналитических обзорах Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского «Основные показатели деятельности судебно-психиатрической экспертной службы российской Федерации».

³ Форма 10.2 Судебного департамента Верховного Суда РФ «Особенности применения реальных мер наказания».

На практике следствие и затем суд уделяют очень мало внимания изучению личности несовершеннолетнего преступника⁴. По каждому делу должны быть выяснены и указаны в вводной части приговора сведения о личности подсудимого, которые имеют значение для дела, включая образование. Изучение приговоров показывает, что вид образовательного учреждения не был указан в 40% приговоров несовершеннолетних с психическими расстройствами. С учетом того, что многие из этих подростков обучались во вспомогательных школах или классах коррекции, такая «забывчивость» имеет существенное значение. Отсутствие информации о виде образовательного учреждения или неточное его указание создает искаженное представление об образовательном уровне и интеллектуальных возможностях подсудимого. Так, о несовершеннолетнем подсудимом 17-ти лет, окончившим 8 классов вспомогательной школы (это соответствует четырем классам массовой школы) и профессиональное училище в воспитательной колонии (начальное профессиональное образование), в приговоре суда было сказано, что он имеет среднее специальное образование. Указанное в приговорах число классов, оконченных подсудимыми, зачастую не соответствует данным, приводящимся в характеристиках из школы. Иногда образование обвиняемого, окончившего 3–5 классов, называется «незаконченным средним».

Описательно-мотивировочная часть обвинительного приговора должна содержать характеристику личности несовершеннолетнего, описание условий его жизни и воспитания, причины и условия, способствовавшие совершению им преступления. Таково требование закона, на практике же мы видим совсем иное. Даже в тех случаях, когда по делу проводилась судебно-психиатрическая или психолого-психиатрическая экспертиза, содержательно личность подсудимого была описана только в каждом десятом приговоре. Четверть приговоров вообще не содержала в описательно-мотивировочной части фактических данных о личности подсудимого. Типичным примером такого приговора является формулировка: «При определении меры наказания суд принимает во внимание характер и степень общественной опасности совершенного деяния, данные о личности подсудимого, который в соде-

⁴ Это обстоятельство отмечают и другие авторы. См. например Непомнящая Т. Учет судами общих начал назначения наказания // Уголовное право. 2001. №3. С. 33–39; Скрипченко Н.Ю. Применение принудительных мер воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних (по материалам Архангельской области). Автореф. дисс. канд. юрид. наук. М., 2002. 25 с.

янным раскаивается, совершил преступление в несовершеннолетнем возрасте, что суд относит к смягчающим ответственность обстоятельствам. Обстоятельств, отягчающих ответственность, суд не находит». Какие данные о личности и каким образом суд принял во внимание, из приговора понять не представляется возможным. В остальных случаях описание личности психически больного подростка ограничивалось несколькими словами: по месту учебы (жительства) характеризуется отрицательно (положительно, удовлетворительно). Такая «характеристика» ничего не дает суду для принятия решения о виде и размере наказания. Приведенные данные не дают основания утверждать, что суд не изучает личность подсудимого, хотя и не исключают этого. Однако можно констатировать, что суды уходят в приговоре от анализа собранных по делу доказательств и мотивировки собственных решений. Совершенно очевидно, что это ведет к проявлениям субъективизма при решении вопросов, относящихся к назначению наказания.

Психотерапия может быть эффективным инструментом достижения таких целей наказания ограниченно вменяемых осужденных и осужденных с психическими расстройствами, признанных полностью вменяемыми, как исправление осужденного и предупреждение повторных преступлений. За рубежом, в частности в США, широкое распространение получили реабилитационные программы, направленные на коррекцию агрессивного поведения, а также для лиц, совершивших сексуальные преступления. Использование психотерапевтических коррекционных программ позволяет реже назначать наказание в виде лишения свободы, сократить срок изоляции осужденного от общества, не повышая риск совершения рецидива преступления⁵.

В Российской Федерации отсутствует четкая правовая регламентация профессиональной деятельности в области психологии в целом и психотерапии нарушений поведения в частности. Это ограничивает возможности внедрения в пенитенциарную практику мер психотерапевтической коррекции. Единственным правовым основанием для проведения психотерапии осужденных является предусмотренная действующим УК РФ возможность возложения судом на осужденного исполнения ряда обязанностей в случае условного осуждения (ч. 5

⁵ С реализацией программ психологической коррекции связывают существенное снижение числа зарегистрированных в США случаев сексуальных посягательств в отношении детей (Jones L.M., Finkelhor D., Kopiec K. // Why is sexual abuse declining? A survey of state child protection administrators / Child Abuse & Neglect. 2001. V. 25. Pp. 1139–1158).

ст. 73 УК РФ) или условно-досрочного освобождения от отбывания наказания (ч. 2 ст. 79 УК РФ). Суд не ограничен теми обязанностями, которые перечислены в ч. 5 ст. 73 УК РФ, он может возложить на условно осужденного исполнение и других обязанностей, способствующих его исправлению.

Соблюдаются ли права несовершеннолетних осужденных во время отбывания наказания в колонии? В последние годы около 20% от числа расследованных преступлений совершается в состоянии алкогольного опьянения; и 0,5% – в состоянии наркотического опьянения⁶. Доля пьяных среди лиц, совершивших особо тяжкие преступления против личности, втрое выше. Пьяными подростками совершается от 70 до 75% убийств, причинения тяжкого вреда здоровью, изнасилований.

Гуманизация уголовной политики привела к тому, что в воспитательных колониях существенно увеличилась доля лиц, осужденных за совершение особо тяжких преступлений против личности. Большинство из них совершили преступление, находясь в состоянии опьянения, которое в ряде случаев является следствием сформировавшейся зависимости от алкоголя, наркотиков или одурманивающих веществ. Ранее таким осужденным судом назначалось принудительное лечение.

Федеральными законами от 8 декабря 2003 года № 161-ФЗ и № 162-ФЗ институт принудительного лечения осужденных, страдающих алкоголизмом или наркоманией, был ликвидирован и заменен обязательным лечением. Обязательное лечение регламентируется только Уголовно-исполнительным кодексом. Оно не может быть отнесено ни к одному из приведенных в ст. 34 Основ законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан оснований недобровольного медицинского вмешательства. Согласно указанной норме оказание медицинской помощи без согласия граждан допускается в отношении лиц, страдающих заболеваниями, представляющими опасность для окружающих (алкоголизм и наркомания к таким заболеваниям не относятся); лиц, страдающих тяжелыми психическими расстройствами (алкоголизм и наркомания не могут рассматриваться как тяжелые психические расстройства), или лиц, совершивших общественно опасные деяния (в местах лишения свободы находятся лица, совершившие преступления, а не общественно опасные деяния). Из этого следует, что обязательное лечение осужденных должно осуществляться на осно-

⁶ Указанные сведения содержатся в форме 458 ГИЦ МВД РФ «Отчет о зарегистрированных, раскрытых и нераскрытых преступлениях».

вании их добровольного информированного согласия. На любом этапе такого лечения больной вправе отказаться от его продолжения.

Однако ст. 116 УИК РФ относит уклонение от обязательного лечения к злостным нарушениям установленного порядка отбывания наказания, что влечет наложение строгого взыскания. Это не позволяет рассматривать согласие осужденного к лишению свободы на такое лечение как добровольное. Следовательно, обязательное лечение фактически является недобровольным медицинским вмешательством.

Ранее осужденным, страдающим алкоголизмом или наркоманией, принудительные меры медицинского характера назначались судом на основании заключения экспертов. Они имели четко определенные в УК РФ цели и основания назначения. Широкий круг прав, которыми УПК РФ наделяет обвиняемого (подсудимого), ответственность экспертов за дачу заведомо ложного заключения, судебная процедура назначения принудительных мер медицинского характера – все это гарантии, обеспечивающие законность и обоснованность назначения указанных мер. Порядок прекращения применения принудительных мер медицинского характера четко регламентирован ст. 104 УК РФ, которая давала осужденному возможность право ходатайствовать о прекращении принудительного лечения.

Абсолютно иная ситуация имеет место в случае недобровольного медицинского вмешательства в форме обязательного лечения осужденных к лишению свободы, которое проводится без решения суда на основании заключения медицинской комиссии. Законодатель не определил цели и основания применения обязательного лечения, порядок его прекращения, не установил мер, гарантирующих законность и обоснованность назначения осужденному обязательного лечения.

Подводя итог, можно сказать, что в ходе как предварительного расследования, так и судебного разбирательства по уголовным делам основное внимание уделяется оценке противоправного деяния, а не личности несовершеннолетнего, его совершившего. Иными словами, осуждается преступление, а не преступник. Особенно ярко такой подход виден в случае преступлений, совершенных несовершеннолетними с аномалиями психики. Важнейшей целью наказания является исправление виновного, достижение именно этой цели определяет выбор судом вида и размера наказания. Поэтому неизбежным следствием невнимания к личности преступника становятся ошибки суда при назначении наказания и нарушения прав осужденных в учреждениях уголовно-исполнительной системы.

Антон Коновалов

Право на разрешение конфликта

Часть первая

У человека многого прав, их соблюдение и реализация становятся миссией многих людей и организаций. Но хочется спросить: должно ли у человека быть право на разрешение своего конфликта? Или даже предельно жестко: своей криминальной ситуации. Здесь говорится «своей», поскольку именно обвиняемый и жертва должны быть наиболее заинтересованы в собственном участии в достижении справедливости.

В Москве три 16-летних подростка, будучи немного выпившими, пристали к несовершеннолетнему Константину. После слов «дай закурить» нанесли ему несколько ударов. На крики потерпевшего выбежала его мать Галина, которую обидчики повалили на землю, порвали шубу и также избили. Обвиняемые были задержаны, свою вину они полностью признали, и дело было передано в суд.

Безусловно, совершено преступление, и обидчики... А дальше возникает вопрос, что же теперь могут и должны сделать обидчики (если они признали свою неправоту и раскаялись)? В чем заключается их ответственность?

На этот счет существует несколько позиций¹. И первое слово представителю так называемого **карательного подхода**:

Подросток должен понести наказание в соответствии с законом. При этом подросток имеет право в состязательном процессе защищаться (сам или через адвоката).

А. Коновалов – ведущий программ восстановительного правосудия Центра «Судебно-правовая реформа».

¹ Подробнее см. Г. Бейзмор. «Три парадигмы ювенальной юстиции» // Восстановительная ювенальная юстиция. М. Центр «Судебно-правовая реформа», 2005 (в печати).

Как мы видим, здесь речь идет о причинении ответной боли, страдания в ответ на боль созданную преступлением. Подросток (и его родители) всеми силами стараются доказать невиновность, в том числе с привлечением адвоката. Но что реально зависит от подростка-обидчика? Только нахождение им аргументов, оправдывающих собственное деяние. Если же он попадет в колонию, то он начинает усваивать уголовную культуру, обрастать криминальными связями, терпимо относится к преступлениям. Как верно заметил судья Д. Чалин² о подростках в системе уголовного правосудия:

«Мы хотим, чтобы они отвечали за свои поступки...

Поэтому мы лишаем их ответственности за все.

Мы хотим, чтобы они были частью общества...

Поэтому мы изолируем их от общества.

Мы хотим, чтобы их жизнь была позитивной и конструктивной...

Поэтому мы унижаем их и делаем их бесполезными.

Мы хотим, чтобы они не были жестокими...

Поэтому мы отправляем их туда, где жестокость окружает их.

Мы хотим, чтобы они были добрыми и любящими людьми...

Поэтому мы подвергаем их ненависти и жестокости.

Мы не хотим, чтобы они были «крутыми»...

Поэтому мы отправляем их туда, где «крутых» уважают.

Мы не хотим, чтобы они были в обществе неудачников...

Поэтому мы собираем всех неудачников под одной крышей.

Мы хотим, чтобы они не эксплуатировали нас...

Поэтому мы помещаем их туда, где они эксплуатируют друг друга.

Мы хотим, чтобы они сами контролировали свою жизнь, решали свои проблемы и перестали паразитировать...

Поэтому мы делаем их зависимыми от нас».

Не желая отправлять подростка в колонию, суд приговаривает его к условному заключению. Но большинство подростков воспринимают это как избавление от назойливых взрослых. А в подростковой субкультуре получение условного срока скорее поднимет рейтинг подростка.

Второй позицией, распространившейся в мире и становления которой в России добиваются некоторые наши коллеги, является орга-

² *Making it right: a common sense approach to criminal justice* by Dennis A. Challeen. Melius&Peterson Publishing Corporation. 1986, Pp. 37–39. (Деннис Чаллин. «Исправляя содеянное: здравый подход к уголовному правосудию»).

низация социальной работы с несовершеннолетними преступниками. Слово представителю подхода **«государство-родитель»**.

Поскольку государство недоглядело за подростком-правонарушителем, не смогло воспитать его должным образом, то пусть теперь оно его довоспитает. Подросток имеет право на социальную помощь; ответственности на нем нет, поскольку он «является жертвой обстоятельств». Фактически ответственность как бы перекладывается на государство: в работу включаются социальные педагоги, психологи и пр.

Теперь представьте малолетнего преступника, совершившего порой не одно злодеяние, которому вместо передачи ответственности начинают впихивать что-нибудь психологическое или развлекательное, пытаются заинтересовать чем-нибудь досуговым. Малолетний преступник понимает, что он никому ничего не должен и взрослыми можно управлять. И что мешает ему совершать новые преступления в перерывах между посещением различных секций?

В других странах, попробовав работу на основе этой модели, получили всплеск подростковой преступности и под давлением общества начали откат назад к карательной модели.

*И, наконец, **восстановительное правосудие**. Это означает, что именно сами участники криминальной ситуации имеют право и (при желании) могут разрешить свой конфликт, каким бы болезненным он не был. Это происходит в ходе диалога сторон, который концентрируется на нуждах и потребностях жертвы (возникших в связи с преступлением). Ответственность обидчика понимается как заглаживание причиненного жертве вреда. Также подросток и его семья разрабатывает план предупреждения повторения подобного в будущем.*

Понятно, что даже имея внутреннюю потребность в диалоге и собственном урегулировании конфликта, сделать это сторонам непросто: слишком многое их разъединяет. Поэтому появляется позиция ведущего встречи – как **нейтрального** посредника³, организующего весь процесс переговоров.

Вернемся к нашему конкретному примеру. Поскольку все участники высказали желание встретится и в ходе диалога восстановить справедливость, была организована примирительная встреча, на которой мы выступили в роли ведущих. На встрече потерпевшие рассказали, что само событие преступления было для них очень болезненно. Что подростку было

³ Принципиальное отличие от судьи (даже третейского) в том, что посредник не выносит никакого решения, а только организует переговорный процесс.

очень страшно в момент драки, а его мать боялась, что обидчики или их друзья позже будут мстить. Что им пришлось истратить на лечение деньги, отложенные на летний отпуск, и теперь они вынуждены летом остаться дома. Впервые обидчики услышали картину события не с точки зрения закона, а с точки зрения реальных людских переживаний. Поскольку встреча проходила без давления на подростков, они внимательно слушали и стремились понять переживания потерпевших, а затем извинились. Извинения были приняты потерпевшей стороной, которая посчитала их искренними. Затем обсуждались способы выхода из создавшейся ситуации и заглаживание причиненного вреда...

Существует несколько предубеждений относительно восстановительного правосудия, с которыми нам приходилось сталкиваться. Часто говорят: обидчики всегда будут только стремиться избежать наказания, а жертвы думать только о возмещении ущерба, и поэтому лучший способ влияния на обидчиков – это наказание. Однако десятки проведенных в примирительных встречах доказывают, что дело обстоит иначе. С точки зрения каких корыстных интересов можно объяснить приход обидчиков на программу *после* суда? Или отказ жертвы от возмещения ущерба и даже заботу о будущем нарушителя, его учебе и т.п. (вплоть до приглашения к себе на работу). А также тот факт, что повторно совершают преступление 1% из числа прошедших программу примирения подростков, а по стране число подростковых рецидивов 14,5%⁴.

...Для нас было важно, что извинения были приняты потерпевшей стороной. Кроме того, в деле присутствовал ущерб (порванная шуба и др.). Стороны договорились, что обвиняемые берут деньги у родителей «в долг» и выплачивают причиненный ущерб. Затем они устраиваются на работу в «Ростикс» и в течение 3 месяцев отдают родителям взятые в долг деньги. И еще: они перестали употреблять алкоголь (что подтверждается информацией от социального работника). В этом заключалась их ответственность, и жертву это удовлетворило. Позже мы созвонились с обвиняемыми и узнали, что все подростки отдали родителям деньги. Подписанный сторонами примирительный договор был передан в суд, подростки получили условный приговор.

Часть вторая

Итак, что же такое восстановительное правосудие?

Если рассматривать зарождение восстановительного правосудия, то оно стоит «на двух ногах», находящихся по разные стороны Земно-

⁴ Данные Верховного Суда РФ.

го шара как территориально, так и культурно. Одной «ногой» оно опирается на примирительные встречи несовершеннолетних обвиняемых и потерпевших, которые в 1974 году начали проводить в штате Пенсильвания⁵. Несколько подростков совершили серию проникновений в жилища граждан, где испортили часть имущества. После некоторых колебаний судья разрешил представителям общины организовать с обвиняемыми подростками работу, направленную на их ответственное поведение. Ребята прошли по домам, где они совершили преступления, стучались и говорили, зачем пришли. В некоторых домах встретиться с ними отказались, а в некоторых согласились. И в спокойной обстановке, за чаем подростки услышали переживания своих жертв. В конце подростки приносили извинения и брались для заглаживания вреда выполнить различную работу по дому или на благо общине.

Вторая «нога» – это общинные традиции племен маори в Новой Зеландии, где в случае преступления на совет собирается все ближайшее окружение обидчика и другие представители племени. Они знают, что преступление – общая беда и бороться с ней нужно сообща. Поэтому все участники собрания стремятся оказать поддержку подростку и его семье в решении создавшейся ситуации. В результате подросток со своей семьей составляет план разрешения ситуации, и работа над этим планом будет продолжаться до тех пор, пока с ним не согласятся все остальные участники, включая потерпевших, представителей полиции, социальных работников и т.д.

Поскольку программы имели успех, восстановительное правосудие распространилось по многим странам мира: Канада, США, Австрия, Бельгия, Великобритания, Германия, Норвегия, Финляндия, Франция, Польша, Чехия и др. И в настоящее время восстановительные программы приобретают все больший размах в России⁶. При этом, на наш взгляд, Россия имеет не менее глубокую традицию общинного взаимопонимания и поддержки людей, оказавшихся в трудных жизненных ситуациях.

Представьте себя на время ведущим примирительных встреч. Перед вами двое конфликтующих, они ждут от вас начала встречи. Давайте подумаем: почему они согласились на встречу? Обидчику важно разрешить дело без разбирательства, с минимальным наказанием, часто ему важно извиниться. Для жертвы важно возместить ущерб, услышать

⁵ Родоначальником восстановительного правосудия является Х. Зер. См.: Х. Зер. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание. М.: Центр СПР, 2002.

⁶ Сразу подчеркну, что в пока работа идет по делам, где в качестве обвиняемых проходят несовершеннолетние подростки.

признание несправедливости случившегося, выговориться, получить ответ на вопрос: почему именно она стала объектом агрессии? Поскольку с обеими сторонами по отдельности вы уже встречались (перед программой посредник обязательно встречается с каждой из сторон отдельно и выясняет ее потребности, отношение к случившемуся и желание участвовать в примирительной встрече) и стороны дали свое согласие на участие, то вы знаете, что же привело стороны на встречу. В любом случае, поскольку они здесь, то они хотят разрешить конфликт, понимая это как лучший выход из создавшейся ситуации. Сложность для начинающих ведущих состоит в том, что им кажется, будто на них лежит ответственность за разрешение ситуации. Они хотят посоветовать участникам, отругать их или, наоборот, сказать, чтобы больше так не делали. Но это не приведет к успеху переговоров, поскольку только сами стороны знают, что для них лучше. Ваша задача помочь им конструктивно поговорить (для чего ведущий использует техники открытой коммуникации). А каков будет результат переговоров (и договорятся ли они вообще) – это уже их дело.

То есть восстановительное правосудие возвращает право на разрешение конфликта самим сторонам. Не судьи, не специалисты (социальные педагоги, психологи и пр.), а сами участники ситуации (и, возможно, их ближайшее окружение) должны найти выход из конфликтной/криминальной ситуации и составить план реабилитации подростка.

Рецинджер и Шефф говорят: «За достижением соглашения скрывается менее заметный процесс – процесс символического возмещения. В него вовлечены социальные ритуалы уважения, вежливости, извинения и прощения, которые действуют, похоже, независимо от достигнутой словесной договоренности. Символическое возмещение зависит от динамики развития эмоций и состояния социальных связей между участниками встречи. Идеальный результат, с точки зрения символического возмещения, состоит из двух шагов. Сначала правонарушитель ясно выражает стыд и искреннее раскаяние в своих действиях. Жертва, в ответ, предпринимает, по крайней мере, первый шаг на пути к прощению правонарушителя. Эти два шага можно назвать «восстановительными действиями». «Восстановительные действия» способствуют воссозданию разрушенных преступлением отношений между жертвой и правонарушителем. Воссоздание этой связи символизирует более значительное восстановление в сравнении с тем, которое произойдет между правонарушителем и другими участниками, полицией, общиной. Несмотря на то, что эмоциональный обмен, составляющий основу «восстановительных действий», может быть весьма кратким (возможно,

несколько секунд), именно он является ключом к примирению, удовлетворению жертвы и снижению количества повторных преступлений.

«Восстановительные действия» оказывают свое влияние также и на соглашение о возмещении ущерба. За примирением на эмоциональном уровне, как правило, следует достижение соглашения, которое удовлетворяет всех участников. Без наличия «восстановительных действий» путь к соглашению полон препятствий: какое бы соглашение ни было достигнуто, оно не снижает общего напряжения и оставляет участников с чувством неудовлетворенности. В связи с этим чрезвычайно важно, по крайней мере, уравнивать в значимости символическое возмещение и соглашение о материальной компенсации»⁷.

Часть третья

Итак, вроде бы восстановительное правосудие положительно влияет и на потерпевших, и на правонарушителей, и на само общество. Но как обвиняемый, желающий примириться с потерпевшим (в соответствии со статьей №76 УК РФ) может свое право реализовать? Теоретически примирение с прекращением дела возможно еще на стадии следствия. Однако существующая в следствии отчетная система (количество полученных дел должно быть равно количеству переданных в суд, иначе следователь будет «вызван на ковер») вынуждает следователя не способствовать примирению. Впрочем, в обязанности следователя не входит разъяснение права сторон на примирение (в отличие от работавших до революции приставов, которые были обязаны вначале предложить сторонам примириться). Нам известны случаи прямых угроз со стороны следователей: «Только приблизься к жертве, я тебе такую жизнь устрою!». Мотив следователей – опасение, что обвиняемый начнет влиять на потерпевшего. Поэтому многие обвиняемые, желающие загладить ущерб, не имеют возможности это сделать. А в это время жертва представляет себе обвиняемого бессердечным и нераскаявшимся.

Вторая возможность примириться – сделать это во время суда. Однако соревновательный процесс, особое положение обвиняемого (в клетке), давление судей на жертву в угоду процессу, основная роль представителей государства (прокурор и адвокат – обычно предоставляемый государством) практически исключают для обвиняемого возможность делать шаги навстречу примирению и заглаживанию вреда.

⁷ Рецинджер С., Шефф Т. Стратегия для общинных конференций: эмоции и социальные отношения // Вестник восстановительной юстиции №3. М.: Центр «СПР», 2001.

Можно удивляться, что все-таки были подростки, которые (при поддержке родителей, а порой и самостоятельно!) находили в себе силы прийти жертве и покаяться. Приходили, преодолевая страх показаться слабыми, услышать ответную агрессию или быть обвиненными в давлении на жертву.

Также как и обвиняемые, жертвы теряются в судебном процессе, в профессиональных словах. Ну откуда потерпевшая может знать, что в ответ на слова судьи: «хотите ли вы заявить ходатайства?» она как раз может сказать, что примирилась с обвиняемым и просит прекратить дело?

У потерпевшей К. пропал мобильный телефон, о чем она заявила в милицию, где было возбуждено уголовное дело. Однако скоро она выяснила, что вором является ее молодой человек, который был вынужден пойти на преступление чтобы вернуть долг. Через несколько дней молодой человек покаялся и купил новый телефон, все помирились. А дело тем временем дошло до суда. На каждый вопрос судьи, есть ли у потерпевшей ходатайство, та заявляла: «Я хочу прекратить дело!» Судья ходатайство отклоняла. Молодой человек получил условный срок (и соответственно судимость).

Все это заставляет людей, желающих помогать людям примиряться, разрабатывать специальные технологии, в которых основная роль ложится на посредника между сторонами и на координатора, согласующего позиции следствия, суда, адвокатов и т.д.

Часть четвертая

Разумеется, мы не тешим себя мыслью, что восстановительное правосудие разрешит все проблемы. Для ряда ситуаций (таких как терроризм, организованная преступность и пр.) восстановительное правосудие не подходит и, наверно, необходимо карательное. Возможно, для некоторых детей (особенно сирот) модель социальных услуг окажется единственно приемлемой. Кроме того, восстановительные программы проводятся только добровольно, что также ограничивает число участников программ. Но наше стремление в том, чтобы все участники криминальных ситуаций **знали** о восстановительном правосудии и при желании могли воспользоваться возможностями восстановительных программ.

Примирительными программами занимается не только наш Центр, они находят себе сторонников в Комиссиях по делам несовершеннолетних (КДН), социальных центрах, школах, подростковых клубах и т.д.

Наверно, наиболее ярко активизация ресурсов сообщества проявляется в «школьных службах примирения». Школа, в которой скон-

центрированы дети разных возрастов и организующие их деятельность взрослые, нуждается в ответе на вопрос: что делать с возникающими конфликтными ситуациями? С одной стороны, школа не стремится выносить эти ситуации вовне, опасаясь за свою репутацию, а с другой – педагоги владеют в основном административно-карательным способом реагирования на конфликты. Появившиеся в школе социальные педагоги начинают использовать модель социальных услуг. И практически никто не ставит задачу передачи ответственности за происходящее в подростковом социуме (в том числе и конфликты) в руки самих подростков. Хотя, казалось бы, на этом и должно строиться школьное самоуправление, о развитии которого слышно со всех сторон. И, казалось бы, право и ответственность за становление атмосферы в своем коллективе должны принадлежать его участникам.

Отсюда появилась модель школьной службы примирения в которой в посредниками работают **сами ученики школы**. Это позволяет не только разрешать конфликты между сторонами путем диалога, но и социализирует подростков, находящихся в позиции ведущего примирительной встречи. Есть версия, что чем больше подростков побывает в этой позиции – то есть научится организовывать сложную коммуникацию, работать с чувствами людей, передавать и брать на себя ответственность, видеть событие с разных сторон – тем лучше для сообщества.

Веер ситуаций, с которыми работали школьные службы примирения в разных городах, достаточно широк:

- конфликты учитель-ученик;
- конфликты между учениками;
- конфликты между классами;
- ситуации изгоев (отверженных);
- ситуации, близкие к криминальным (когда формально участники не достигли возраста уголовной ответственности, но фактически есть обидчик и жертва: вымогательство, кражи, избиения и драки, вандализм и пр.);
- длительные (многочесячные) прогулы;
- подростковые «стрелки» и т.д.

Во всех этих ситуациях подросткам удавалось «взять судьбу в свои руки» и разрешить ситуацию, а значит, им можно доверять.

В заключение еще раз хочется подчеркнуть, что если люди хотят примириться и договориться о разрешении своего конфликта, то общество, а тем более правоохранительные органы, не должны этому мешать. Ведь, в конечном счете, все мы заинтересованы в том, чтобы нас окружали ответственные люди.

Общественный центр «Судебно-правовая реформа»

e-mail: center_SPR@mtu-net.ru

<http://www.sprc.ru>

Центр «Судебно-правовая реформа» существует уже семь лет и занимается организацией восстановительного правосудия в России. Основным технологическим ядром является проведение восстановительных программ по уголовным делам из Черемушкинского суда г. Москвы на основании программы сотрудничества. Информацию о фактуре дела и координатах сторон получает социальный работник, работающий в суде, и он же первый встречается с обвиняемым подростком. Если подросток признает свою неправоту и высказывает желание загладить причиненный вред, то в работу вступает ведущий восстановительных встреч. Он готовит людей к примирительной встрече. Программа проводится только на добровольных началах, и ведущий выступает в качестве нейтрального посредника. Его задача – помочь людям начать такой диалог, который приведет к **восстановительным действиям** и затем к разрешению ситуации.

В конце встречи стороны обсуждают вопрос, «как сделать, чтобы подобного в дальнейшем не повторилось», и подписывают примирительный договор, который будет передан судье. Суд состоится в любом случае, но обычно судья приобщает к делу отчет социального работника с заявлением потерпевшего о примирении с обвиняемым и выносит решение с учетом этих документов. Большинство программ проводилось по делам средней тяжести и тяжким: кража, хулиганство, разбой, грабеж, угон, причинение тяжких телесных повреждений и т.п.

Работа Центра не ограничивается проведением примирительных встреч по делам из Черемушкинского суда. Одним из последних направлений нашей деятельности является работа с колониями, в перспективе разворачиваемая в два направления:

- примирение жертвы с находящимся в колонии обвиняемым;
- гуманизация и налаживание отношений в самой колонии.

В настоящее время начата работа в Шаховской колонии, где уже прошел практический семинар по ознакомлению активной группы (состоящей из персонала и заключенных) с основами деятельности ведущего примирительных встреч. Безусловно, работа в колонии имеет свою специфику, однако несколько осужденных уже попробовали разрешать конфликты через процесс посредничества.

Надо остановить смертные казни детей!

Обзор материалов по смертной казни детей

«Всеобщий международный консенсус о том, что смертная казнь не должна применяться к несовершеннолетним правонарушителям, основывается на признании того, что молодые люди, ввиду своей социальной незрелости, не в состоянии вполне осознавать последствия своих действий и поэтому должны подвергаться менее суровым, чем взрослые, наказаниям. И что еще более важно, этот консенсус отражает нашу твердую веру, что люди молодые более открыты к переменам, а потому имеют больший потенциал реабилитации, нежели взрослые».

*Мэри Робинсон,
бывший Комиссар по правам человека ООН*

Международное законодательство запрещает использование смертной казни в качестве наказания несовершеннолетних правонарушителей. Однако целый ряд стран продолжает приговаривать к смерти и казнить несовершеннолетних. **Международная Амнистия** проводит кампанию **«Остановим смертные казни детей!»**. И хотя количество казней детей относительно невелико в сравнении с общей цифрой смертных казней в мире, ее применение к детям демонстрирует пренебрежение стран, осуществляющих такие казни, к обязательствам по международным договорам, равно как оскорбляет понятия морали и милосердия.

Однако с января 1990 года Международная амнистия зафиксировала 38 смертных казней малолетних в восьми странах – в Конго, Иране, Нигерии, Пакистане, Южной Аравии, США, Китае и Йемене. В США приведено в исполнение 19 смертных приговоров – больше, чем в любой другой стране.

За тот же период несколько стран, в соответствии с международными нормами, подняли возраст ответственности по статьям, предусматривающим смертную казнь, до 18-ти лет. Йемен и Зимбабве сделали это в 1994 г., Китай – в 1997 г., Пакистан – в 2000 г. К этому решению близок Иран. В США штаты Южная Дакота и Вайоминг приняли такое решение в начале 2004 г.

С 2000 г. Международной Амнистией было зафиксировано 18 смертных приговоров в отношении малолетних правонарушителей. 9 из них приведены в исполнение в США. Надо отметить, что 19 из 38 американских штатов, где законы сохраняют смертную казнь, исключили из подпадающих под нее несовершеннолетних; лишь Оклахома, Техас и Вирджиния казнят детей-правонарушителей.

Какие международные договоры нарушают те, кто применяет смертную казнь к детям-правонарушителям?

Международное сообщество приняло четыре договора, которые исключают детей-правонарушителей из числа тех, кто может быть подвергнут смертной казни. Сегодня практически все государства мира являются членами одного или более из этих договоров, а значит, дают официальное обязательство уважать этот запрет.

Любое государство мира может примкнуть к двум международным договорам: Международному Пакту о гражданских и политических правах (ICCPR), статья 6 которого гласит: «Смертный приговор не может выноситься людям до 18 лет...». Этот Пакт был к августу 2004 г. ратифицирован 152-мя государствами.

Конвенция о правах ребенка (CRC) в статье 37 говорит: «Ни смертная казнь, ни пожизненное заключение без права на освобождение не могут применяться к тем, кто совершил преступление до 18 лет». Эту Конвенцию ратифицировали 192 государства – все страны мира, за исключением Сомали и США, которые намерены ратифицировать ее позднее.

Два международных договора о правах человека носят региональный характер: Африканская Хартия о правах и благополучии детей и Американская Конвенция о правах человека. В первом статья 5 гласит: «Смертный приговор не должен применяться к детям, совершившим преступление». Африканская Хартия подписана 33-мя африканскими государствами.

Американская Конвенция в статье 4 говорит: «Наказание смертной казнью не может применяться к лицу, которое, на момент совершения преступления, не достигло возраста 18 лет...». Конвенцию ратифицировали 24 американских государства.

Международные договоры гуманитарного права также исключают детей-правонарушителей из числа тех, к кому применяется смертная казнь.

Женевская Конвенция о защите гражданских лиц во время войны от 12 августа 1949 года (Четвертая Женевская Конвенция) в статье 68 утверждает: «В любом случае, смертная казнь не может применяться к защищаемому лицу, не достигшему 18-летнего возраста...».

Дополнительный Протокол I от 1977 г. к Женевской Конвенции, регулирующий защиту жертв международных вооруженных конфликтов, в статье 77 утверждает: «Смертная казнь за преступления, совершенные в условиях военного конфликта, не может применяться к лицам, совершившим преступления до 18-летнего возраста».

Дополнительный Протокол II от 1977 г. к Женевской Конвенции от 12 августа 1949 г., регулирующий защиту жертв немеждународных вооруженных конфликтов в статье 6(4), также утверждает: «Смертная казнь не может применяться к лицам, совершившим преступления до 18-летнего возраста...».

Все государства, исключая США, присоединились к одному или обоим важнейшим международным договорам (ICCPR, CRC). И все эти страны предоставляют в Комитет по правам человека и Комитет по правам ребенка ООН периодические доклады о мерах, предпринятых в целях выполнения данных договоров. Представители тех стран, где продолжают казни несовершеннолетних, на заседаниях данных Комитетов ООН обычно избегают прямых упоминаний о них, что безусловно свидетельствует об осведомленности ответственных лиц о необходимости соблюдать запрет. Лишь США открыто признают казни детей-правонарушителей и заявляют о своем праве на эти казни. Именно в США казнят больше всего детей.

Однако 13 октября 2004 г. Верховный суд США провел слушания по вопросу о смертной казни несовершеннолетних. 1 марта 2005 г. Верховный суд вынес решение, что наказание подростков до 18 лет за совершенное убийство в виде смертной казни является неконституционным.

Активисты Международной Амнистии, проводящие кампанию «Остановим смертные казни детей!», призывают всех к участию и содействию с тем, чтобы к декабрю 2005 г. полный запрет на узаконенные убийства детей стал реальностью.

Вы также можете внести свой вклад. Об этом – информация на сайте Международной Амнистии: www.amnesty.org/deathpenalty

*Обзор подготовлен по материалам сайта
Международной Амнистии*

Герман Пятов

Государевы дети

Сколько?

Никто точно не знает. Одни говорят: «Мильён!» Другие говорят: «Нет, гораздо меньше! Двести с чем-то тыщ». А третьи говорят: «Их никак не меньше 2–3 миллионов!»

В Докладе «О положении детей в Российской Федерации за 2003 год (вышел в 2004 году) в сумме говорится что-то о 760 тысячах сирот. «Чистых» сирот отдельно никто не считает. «Чистые» – это те, у кого вообще родителей нет. Наши сироты, в основном, «социальные». В нашем (российском) случае это означает, что у детей этих родители есть. А дети – сироты. Родители спились. Этих социальных сирот около 95% от общего числа.

Как ребенок становится социальным сиротой?

Родители спились, перестали выполнять родительские функции. Ребенку дома, мягко говоря, «неуютно». Кроме того, ребенку трудно выжить на такой диете. Пить он еще не научился, а еды в доме нет. Что делает ребенок? Он идет на улицу. Там еда есть. Можно попросить у прохожих или соседей. На худой конец, можно обследовать мусорный бак. Засохший хлеб, заплесневелый сыр, колбаса с душиком...

Дальше все зависит от того, кто первый обратит внимание на нетрадиционный способ детского питания. Если повезет и машина правосудия будет запущена, то ребенок скоро окажется в детском доме. В этом случае он не нахлебается всех «прелестей» жизни с родителями алкоголиками в полном объеме, и, возможно, девиаций у него будет поменьше.

Путь приблизительно такой: сердобольные соседи-родственники-друзья сообщают участковому. Тот передает информацию по инстан-

ции. Следующим звеном должен быть специалист по защите прав детства (из местной префектуры или управы района). Тот производит экспертизу и дает заключение об условиях жизни ребенка, после чего (в случае признания этих условий несоответствующими) дело передается в суд. Понятно, что делаются попытки как-то вразумить родителей. Но если сразу видно, что ничего от них добиться не удастся, ребенок изымается из семьи и помещается в приют.

Приют, в отличие от детского дома, – место временного содержания кандидата в социальные сироты. Там он будет находиться до тех пор, пока его судьба не будет решена. Или кто-то из родственников заберет, или родители образуются (а это вряд ли, алкоголизм – это болезнь, и очень тяжелая, а у женщин – почти неизлечимая; если же мать не страдает алкоголизмом, то и говорить, как правило, не о чем).

Суд не всегда сразу принимает решение. Обычно дело затягивается на полгода, иногда на год. В итоге, если суд принимает решение о лишении родителей ребенка родительских прав, то ребенок становится сиротой уже де-юре. В этом случае его передают из приюта в детский дом, соответствующий его возрасту.

В чем отличие социального сироты от обычного?

Ребенок, который до поры до времени рос в благополучной семье и потерял обоих родителей в результате несчастного случая (война, теракт и пр.), до момента своего сиротства во всяком случае видел нормальную семейную жизнь, нормальные взаимоотношения родителей, нормальный быт и не имеет многочисленных психических травм.

Социальный же сирота до момента поступления в сиротское учреждение мог повидать такое, чего себе и представить не может нормальный взрослый человек. Это и алкогольные и сексуальные оргии в пьяном угаре, и скандалы, и драки, и даже убийства. Нередки случаи, когда отец в алкогольном делирии убивает на глазах детей мать, а потом убивает себя.

Понятно, что обилие негативного опыта сочетается у социального сироты иногда с полным отсутствием обычного для всех бытового опыта, такого, как приготовление пищи, гигиенические процедуры, навыки общения и так далее. Отсутствует или слабо развита «Я-концепция», то есть представление о собственной личности.

В результате обладания всеми перечисленными девиациями социальные сироты растут агрессивными, неуравновешенными, склонными к вредным привычкам и насилию. И крайне малоуспешными.

Какова дальнейшая судьба социальных сирот?

По данным прокуратур некоторых областей, «успешных» детей среди выпускников сиротских учреждений в среднем не больше, чем 10%. Да и само понятие «успешный» здесь имеет свои специфические рамки. Если ребенок не спился и не попал в тюрьму в течение 5 лет после выхода из детского дома, то он уже «успешный». Все ведь относительно. Остальные 90% распределяются примерно так: 40% спиваются, 40% попадают в места лишения свободы и 10% – суицид или криминальная смерть. Если сопоставить эти проценты с масштабом явления, мы получим огромные цифры. Все эти дети тяжелым бременем лежат на всех нас, ибо приходится не только содержать их до совершеннолетия, но и пожинать плоды их дальнейшей люмпенизации. Мало того, они благополучно *воспроизводят себе подобных*. Ведь то, что они спиваются и попадают в колонии, вовсе не мешает им рожать детей. Причем делают они это более охотно, чем нормальные члены общества. Таким образом, в дополнение к миллиону (или больше) сирот мы получаем еще столько же заключенных (в обозримом будущем), число которых будет только увеличиваться. И нам придется не только их всех кормить, но и бороться с преступностью.

Государство и «государевы дети»

Вопреки бытующему (с подачи западных и прозападных фондов и организаций), государственная система воспитания детей-сирот очень неплохо справлялась с этим на протяжении не только десятилетий советской власти, но и столетий царской России. Я лично знаком с выпускником интерната (года этак 1956-го), который в момент нашего знакомства (2003 г.) был шеф-редактором газеты «Известия». По его сообщению, он не один такой успешный, из их класса двенадцать человек стали кандидатами наук. Если учесть, что это был не московский элитный интернат, а где-то на Амуре, в каком-то рыбацком поселке, то можно сделать вывод, что все-таки при советской власти система работала. Я лично, занимаясь уже шесть лет проблемами детей-сирот (социальных сирот, естественно), знаю, сколь огромное значение имеет наличие или отсутствие *педагогической системы* в учебном или воспитательном учреждении, а особенно в сиротском. Реалии советской эпохи позволяли не только создавать, но и поддерживать педагогическую систему в разного рода образовательных учреждениях. С упадком советской власти пришла в упадок и система. Несмотря на произошедшие в 1991–2000 годах социальные катаклизмы, в некоторых сиротских учреждениях система сохранилась. Понятно, что это про-

исходит только благодаря личным качествам директора и его команды. В моем примере – это кадры старой закалки.

Детский дом-школа г. Шуя Ивановской области существует почти 40 лет. Директор Владимир Иванович Малафеев занимает должность директора более 25 лет. Дети живут в спальном корпусе, который называется «общежитием». Тут расположены спальни и «игровые». Учебный процесс идет в школе, которая соединена с «общежитием» двумя переходами. Между ними – столовая и мастерские. В настоящее время в детском доме находится около 150 детей в возрасте от 7 до 17 лет (с 1-го по 9-й класс). Все строго по расписанию. Только наш приезд может послужить причиной нарушений в расписании, да и то несущественных. Благодаря такой регламентированной жизни у детей почти не остается времени на поиск приключений. Побегов из этого детдома крайне мало. Курят также очень немногие из старшеклассников, а употребление алкогольных напитков здесь нельзя себе и представить.

Другой пример сиротского учреждения новейшей эпохи. Детский дом №72 г. Рыбинска Ярославской области. Директор – Нина Михайловна Корнюшкина. Судьба этого детского дома довольно типична для детских домов постсоветской эпохи, как судьба Рыбинска типична для судьбы многих индустриальных городов российской глубинки, работавших на ВПК СССР. Рыбинск для районного центра Ярославской области – город довольно большой – население 360 000 человек. В иные времена он был закрытым городом. Градообразующее предприятие – завод «Рыбинские моторы». Сейчас – ОАО «Сатурн». Кроме него, еще несколько крупных предприятий также работали на «оборонку». После 1991 года с отменой госзаказа большинство из них «просело», начались увольнения. Тем, кого не уволили, зарплату не платили по несколько месяцев.

А народ там привык жить иначе. Поселок Волжский (один из районов города), в котором расположены три из шести рыбинских детдомов, до гайдаровской реформы 1991 года был как бы «государством в государстве» в Рыбинске. Великолепный Дом культуры, стадион, Дворец спорта, Дом торговли, Дом связи, училища, школы, жилые дома по лучшим проектам. Зарплаты рабочих не только позволяли рожать и воспитывать детей, но и давали возможность покупать мало кому доступные в советские времена автомобили и катера (рядом Рыбинское водохранилище, которое местный люд называет «морем»). И вот все рухнуло в одночасье, и не каждый сумел устоять. Если в небольших райцентрах сельской местности народ выходил из положения, сажая картошку и капусту, то тут таких возможностей не было. Безднадега подталкивала к тому, чтобы «залить» горе сначала водочкой, а потом –

чем придется. Тотальная безработица породила тотальный же алкоголизм. Дети оказались на помойке.

С 1991 года число детских домов в Рыбинске и число детей в них выросло в 6 раз. Возможности специально строить детские дома в местном бюджете не нашли, поэтому решили использовать резко опустевшие детские сады – те, кто не спились, перестали рожать. Полбеда, что помещения, предназначенные для детей от 3 до 7 лет, мало подходят для подростков. Но вместе со зданиями детским домам отошли и их сотрудники. Воспитатели, которые получали образование и готовили себя к работе с дошколятами, полной чашей хлебнули общения с беспризорниками и малолетними преступниками. Какая уж тут педагогическая система! Не до жиру – быть бы живу!

Несмотря на это, и директор, и воспитатели относятся к воспитанникам как к своим родным. Нина Михайловна изо всех сил бьется, чтоб ее дети не нуждались ни в чем. К кому только можно было обратиться в Рыбинске – никого, наверное, не миновала. Все на благо детей. И усилия ее не пропали даром. Детский дом № 72 – лучший в Рыбинске. Мы, Мурзики, тоже приложили к этому руку.

К сожалению, одной лишь материнской заботы и материального благополучия для социальных сирот недостаточно, чтобы сделать из них полноценных граждан. Как мы уже говорили, они слишком дезадаптированы социально, слишком много девиаций в их развитии, слишком серьезны последствия психических травм, полученных в детстве. Именно поэтому я всегда скептически относился к разговорам о том, что проблему сирот в России решат патронатные семьи. Никогда! К таким сиротам даже профессиональный психолог и дефектолог подходит с опаской – не справляется. Я знаю, о чем говорю. Вот, например, группа девочек 12–13 лет. Ангелоподобная внешность, прозрачный, кристально чистый взгляд. И эти девочки приносят в палату (дело было в летнем лагере) самогон и упиваются так, что в палату нельзя было войти, так там все было заблевано. Что уж говорить про мальчиков. Они просто живут по «понятиям». Цитирую: «мая мама миня радила када в лагере срок тинула, так что я с децтва па панятиям живу и косяков за мной ни водица!»

Снова подчеркну: в Рыбинске служба соцзащиты работает очень даже хорошо. Налажено профтестирование детей, есть выбор куда пойти учиться после 9-го класса, тех, кто «тянет» на большее, оставляют в 10–11 классе при детском доме, чтобы они могли попытаться поступить в институт.

Если сравнивать с Шуей, то возможностей в Рыбинске больше. Но, к сожалению, они не в состоянии воспользоваться этими возможностями. Ибо – *не подготовлены*. Собственно, поняв это, наша команда и перешла от банального развоза ботинок-кроссовок-носок-трусов-игрушек-конфет-книжек к образовательным и адаптационным программам, таким, как программа компьютерной грамотности, психологической адаптации и программа «Олимпийский резерв».

На долю материального обеспечения остались лишь «Клуб Мурландских босяков» (ботинки) и «Мурландская помощь сиротам России».

Сказать, что воспитанники Детского дома-школы города Шуя подготовлены к будущей жизни *намного* лучше, чем рыбинские, я не могу. Но благодаря директору Владимиру Ивановичу Малафееву в этом детдоме есть педагогическая система, эти дети все-таки не столь асоциально настроены. Они приучены к труду (это уже большой плюс, потому что в рыбинском детдоме № 72 дети получают деньги за то, что моют полы в своем собственном детском доме – каково?). Они привыкли к дисциплине и уж во всяком случае живут не по «понятиям». Одно плохо: некуда им податься после 9-го класса. Выбор училищ в городе и так невелик, а еще ведь и общежитие нужно. Где сироте жить, учась в училище? Поэтому ты можешь мечтать стать медсестрой или поваром, а пойдешь в швей-мотористки или ткачихи. Там «общага» есть...

О. Михаил Резин

Портреты на фоне ночи

Ощущение вселенской несправедливости, как смог, висит над каждым рабочим кварталом, над каждой умирающей деревушкой. За истекшие годы многими утрачена вера в справедливость власти, в нравственность государства, та вера, с которой жили поколения советских людей, а с нею – смысл жизни и смерти. При этом вера в Христа Спасителя лишь тронула сердца, не изменив стереотипы, не коснувшись быта, оставаясь последним и тайным убежищем растерянного человека. А в видимой реальности мы притерпелись к окружающей нас мерзости беззакония, мы сами включились в гонку за богатством, славой, комфортом в той мере, которая нам доступна, и не понимаем, что идем не за путеводным Светом Звезды Вифлеема, а за болотными огнями наваждений. Сегодня 35% страны – нищие, 30% – бедные, то есть две трети населения России живут либо в нищете, либо на ее грани. Сегодня молчат все, даже церковь, о том, что власть, которая не препятствует вымиранию населения по миллиону в год, в лучшем случае безнравственна, а в худшем – преступна. Еще Владимир Соловьев в свое время говорил, что государство существует не для того, чтобы устроить рай на земле, а для того, чтобы на земле не было ада. Это предельно допустимый минимум. И с этим минимумом, с этой задачей наше государство не справляется¹.

Священник о. Михаил Резин – духовный руководитель Центра реабилитации «Вера. Надежда. Любовь».

¹ «14 января в МВД подвели итоги операции «Беспризорник», которая прошла по всей России в конце прошлого года. Больше тысячи доставленных в отделения милиции детей были под дозой. Почти 7000 – пьяные. Милиционеры ходили по школам, вокзалам, рынкам. Вокзал – настоящая кормушка для беспризорных, и сюда дети бегут в первую очередь...Бездомных детей доставляют в медицинские учреждения. Здесь они отмываются, отъедаются, отсыпаются. Потом их отправляют в детские дома, откуда ребята вновь сбегают. Как говорят беспризорники, они не в силах выдержать постоянные денежные поборы и сексуальные домогательства со стороны старших по возрасту». Российская газета. 5 января 2005 года, с.6. Бездомные ночуют в Интернет-клубах.

По окраинам городов и поселков, деревень и железнодорожных станций идет страшный и стремительный процесс самоедства. Торопливо режут металл и сдают в утиль, разбирают постройки и вывозят кирпич, плиты, перемычки, доски, бревна – все, что можно и нельзя. И все это делается с молчаливого попустительства властей. Кромсают то, что недавно строили, что приносило кусок хлеба и было составляющей народного хозяйства. Сейчас ни народа, ни хозяйства. Кто быстрее возьмет и дороже продаст. Главари взяли деньги и вещи, остальным оставили труп. Когда доедут труп, бросятся друг на друга².

В храм приходит много писем, и не на все, к сожалению, удастся ответить. В них тихое горе, непонимание происходящего вокруг и единственная надежда – на Бога. Как помочь этим неведомым далеким людям? Как поддержать их? Чем покрыть их нужду и одиночество? Между тем именно они, а не российские банкиры и политэлита, присылают небольшие переводы в помощь нашему Центру реабилитации, на поддержку сырых и несчастных в колонии, отрывая далеко не лишние рубли от своего бюджета.

«Батюшка Михаил, просим Ваших молитв за нас, грешных. Мы не смогли выехать на «материк» в этом году, не хватило средств. Муж третий месяц пропивает пенсию и зарплату свою, говорит, мои деньги, что хочу то и делаю. А на мою скромную зарплату трудно прокормить себя, внука (с нами постоянно живет), и сын приехал, окончив Духовное училище. Дали на работе 2 путевки в профилакторий. Муж сбежал с профилактория, пить нельзя – выгонят. Сейчас дома, а сын вместо него лечится. Сын не был с девушками и женщинами, у него простатит нашли, его друзья на «материке» рукоположились, а сыну надо жениться, он хочет уехать в Оренбург обратно, его ждут там. Помолитесь за Василия (сын), бол. Владимира (муж). И еще просьба: муж признался сыну, что дочь Галина ложилась с ним в кровать, пока мы в профилактории с сыном, и боюсь, что внук Кирилл это видел, стал по ночам кричать. Дочь Галина бьет Кирилла, работать не хо-

² «В России убивают больше пятидесяти тысяч человек в год. 70 миллионов человек были осуждены в стране с 1961 года – такую цифру сообщил вчера на «круглом столе», посвященном профилактике преступности в РФ, депутат Госдумы Александр Гуров. В России ежегодно совершается 32 тысячи убийств и около 20 тысяч человек умирают от нанесенных им тяжелых повреждений». Страшная статистика. РГ, 8 декабря 2004 г., с. 3.

чет, живет за счет мужчин и на алименты сына. Мне не дает внука, но и отдавать на опеку не хочет. В церковь не ходят, и, пока мы лечились, не пускает сына в воскресную школу и на причастие. Еще просим молитв за среднюю дочь Марию, зятя Сергея, внушек Софию, Нину... 8 ноября 2004 г.»

Письмо из Кайеркана от Татьяны Ив. Тихоновой

Многоуважаемый отец Михаил!

1 ноября Бог забрал у меня родителя. Ему было 94 года... И теперь я читаю Библию и постоянно наедине с Богом.

Угнетают только домушники. Как только выйдешь из дома, открывают дверь и забирают то, что им нравится. Это началось еще при отце. Я сменила замки, но, видимо, работают крупные специалисты. Тем более удивительно, что ценностей нет. Ни моя мать, ни я никогда не служили мамоне. У нас только самое необходимое, дак забирают посуду, постельные принадлежности, столовые приборы, и так постепенно все исчезает. Вроде даже в милицию обращаться неудобно. Да я и сама стараюсь отдать в храмы то, что имеет ценность, но они забирают оставшееся, стараясь усугубить мою беду... Писем от Вас не получаю, видимо, вытаскивают из ящика и выбрасывают. Какая злоба, люди готовы съест друг друга. Совершенно окаменелые сердца.

Ростовская обл., Новочеркасск-21, до востребования, Отрешко Н.В.

Однажды в «Московском комсомольце» написали о том, что сын-студент нанес матери, учительнице начальной школы, девять ножевых ран просто потому, что та мешала ему с приятелем выпивать на кухне. Значит, никто не внушил ему, что даже помыслить дурное и грубое в адрес родителей – недопустимый грех. Никто не шлепнул по ладошке разбаловавшегося малыша, когда он в далеком детстве бил мать или отца по лицу. Никто не одернул его, когда, может быть, при гостях он говорил дерзости родителям. Отношения детей и родителей становятся часто недопустимо грубыми и пошлыми. Сам наблюдал сцену, как на крыльце сын пинал лежащего пьяного отца, а мать подзадоривала его.

Ребенок не понимает, что такое «хорошо» и что такое «плохо». Взрослые, которые должны учить этому, безнадежно запутались. Евангелие, где на все прошлые и будущие времена сказано о смысле жизни и назначении человека, о смерти и примате нравственных начал, многими воспринимается как еще один, в длинной череде иных, памятник культуры и письменности. И поскольку ребенка ни в школе, ни дома

не учат различать плохое и хорошее, губительное и спасительное, то единственным и неутомимым советчиком остается телевизор, то дети без страха бегут прямо в пропасть. А взрослые расступаются и тупо смотрят им вслед. Беда в том (и в этом горький парадокс), что дети, падая в пропасть, не погибают физически, не исчезают, а возвращаются другими, изувеченными на острове «Повелителя мух», в местах утеснения и мучительной борьбы за право быть.

У американского писателя Селинджера есть повесть «Над пропастью во ржи». Герой образно представляет себе детство, как огромное поле ржи, в котором резвятся дети. Но это поле – на краю пропасти. И пропасть за стеной спелой ржи не видать. Задача героя – поймать ребенка на краю пропасти, не дать ему упасть.

Что такое пропасть? Это бесконечное число соблазнов и опасностей, подстерегающих ребенка, который только-только начинает жить и, конечно, не знает всех опасностей и ловушек, начиная с баловства со спичками и кончая коварством взрослых, для которых ребенок часто лишь удобное средство, а не существо с беззащитным сердцем. Его не останавливают на краю пропасти, а, если будет выгодно, еще и подтолкнут.

Как можем, мы пытаемся помочь мальчишкам, которые оказываются в сфере нашего внимания. С 1992 года посещая колонию и работая с воспитанниками после их освобождения, мы пришли к выводу: надо делать все возможное, чтобы они не оказались там. «Перевоспитать» никого нельзя. Негативный опыт въедается в мозг и сердце, проникает в клетки и кровь, живет в подсознании и навязчивых снах. Думаю, даже создав семью, молодой человек еще долго будет ощущать тяжесть своего детского опыта. Поэтому мы еще в 1996 году стали думать о создании общественной организации, которая смогла бы осуществлять профилактические программы по работе с трудными и уличными детьми и подростками хотя бы в Ардатове. В 1997 году такая организация при поддержке Валерия Федоровича Абрамкина и сотрудников его Центра была создана и называется «Сретенье», что означает «Встреча». За истекшие годы организацией и нашим храмом были созданы Молодежный центр «Белый ветер», куда входит компьютерный клуб, тренажерный зал, зал спортивной борьбы и секция туризма, а также Центр реабилитации «Вера. Надежда. Любовь», который по своему характеру ближе к приюту для детей и подростков, а не к месту, где «реабилитируются». В Ардатове есть дом, где ребята живут во время учебного года, а также при Центре есть подсобное хозяйство. Оно расположено в пяти километрах от Ардатова в деревне Обход. Там дом

для жилья, ферма с коровами, поросятами, курами и гусями. Столярная мастерская, теплица, сто гектаров пашни.

В муниципальном Центре реабилитации берут только по 20 детей³ в год. Больше не позволяет место и прокурорский надзор. Директор призналась, что в прошлом году, когда обнаружили троих лишних детей, ей очень попало. А всего по району нуждается в их помощи, как она говорит, 60 детей. Где они? С кем? Как живут? И на что? У нас в Центре реабилитации «Вера. Надежда. Любовь» их – 10. В Центре в основном живут, учатся и работают ребята из неблагополучных и неполных семей, сироты, инвалиды, а также те, кто освободился из Ардамовской колонии и кому некуда идти и ехать. Но таких мы берем по одному человеку, поскольку горький опыт прошлых лет научил нас: один воспитанник из колонии – еще куда ни шло, а двое – это колония в миниатюре, со своими неписаными законами и понятиями.

За прошедший год у нас в Центре побывало 54 человека. Кто-то остался жить и учиться. Кто-то летом заработал на обувь и одежду и вернулся в семью. Кого-то мы проводили в армию. К нам ребята попадают неожиданными и замысловатыми путями. Судьбы их изломаны и страшны, начинены событиями такой силы, что измерять их можно в тротиловом эквиваленте. Они все разные. Но одно их объединяет. Им всем с детства не хватало любви. А потом уже игрушек, сладостей, калорийной пищи, красивой одежды.

Вот Коля Колов. Года два назад уже жил у нас. К нам тогда попал из Нижегородского интерната для детей с психическими отклонениями. Мать – пьяница, два старших брата по очереди садятся в тюрьму, сестра вышла замуж за наркомана. Все живут в трехкомнатной квартире, постоянно пьют, не брезгают наркотиками.

Первый раз Коля жил у нас более полугода, потом решил вернуться в Нижний Новгород. Устроился на работу в мелкую частную мастерскую по переработке пластмассы. Работал, снимал жилье, не пил, с

³ «Мы создаем приюты, всевозможные центры по реабилитации, а дети как оставались на улице, так и остаются», – сказала депутат Тамара Фральцова, отметив при этом, что никто не владеет точными данными относительно того, сколько в России безнадзорных детей: одни говорят – сто тысяч, другие – 4 миллиона.

«Неизвестно, сколько вообще детей живут на территории, поскольку не все они регистрируются по месту жительства. Неизвестно, сколько в том или ином населенном пункте неблагополучных семей, нуждающихся в особом внимании, да и само понятие «неблагополучная семья», по словам Фральцовой, в российском законодательстве отсутствует». Страшная статистика. РФ, 8 декабря 2004 г., с. 3.

родственниками не общался. Мать нашла себе мужчину, переехала жить к нему, одного брата посадили, сестра уехала с мужем в деревню поправлять здоровье. Коля перебрался в трехкомнатную квартиру и стал жить со вторым братом, который время от времени воровал у него деньги и пропивал с собутыльниками.

Потом Коля познакомился с девушкой, у которой был ребенок. Мать вернулась, освобожден брат. Девушка с ребенком поселилась у них. Коля стал выпивать. Пошли скандалы. Недавно пьяная мать выбросилась с балкона и погибла. Коля неделю пил с горя, поссорился с девушкой, избил соседа, а тот вызвал милицию. Коля успел сбежать в Ардатов и от знакомого позвонил нам. Теперь работает скотником в деревне Обход, где находится подсобное хозяйство Центра реабилитации, и мечтает найти здесь жилье для себя и девушки с ребенком. Правда, та ни разу не ответила на его письма, а сотовый телефон молчит.

Вот еще один портрет «нашего современника». Из ардатовской воспитательной колонии Денис Мойтель освобожден в марте прошлого года. Он написал заявление с просьбой принять его в наш Центр реабилитации. Приняли. Почти два года он провел за колючей проволокой за кражу со взломом продовольственного магазина. Школу бросил давно и часто воровал, чтобы прокормить себя и младшую сестренку. Часто осужденные рассказывают о себе душераздирающие, полные сентиментального надрыва истории. Но в данном случае не верить ему оснований не было. Пока он сидел в колонии, страшной смертью умерли его родители.

Это была неблагополучная, пьющая семья. Кроме Дениса в семье были еще двое детей – младшая Алена и старший Александр. Теперь Алена в интернате. Денис не помнит свою мать трезвой. Даже когда родилась сестра, мать по-прежнему пила и курила.

Квартира, в которой жили родители Дениса, находилась на первом этаже большого панельного дома на Автозаводе. В этой квартире всегда было тесно от посторонних людей. Спали на полу, пили что придется. Табачный дым слоился до потолка и никогда не выветривался. Играли в карты, дрались, предавались грязному разврату. С раннего детства шутки ради давали пить и курить Денису и его сестренке Алене. Дверь квартиры не запиралась, потому что давно был выломан замок. Ночью по полу шныряли крысы, которые приходили из подвала в поисках еды. Из квартиры вынесли и продали практически все, даже газовую плиту. Еду разогревали на старой электрической плитке. От нее ночью и произошел пожар. В дыму задохнулись беспробудно пьяные отец, мать и старший брат. Сосе-

ди вызвали пожарных, которые погасили огонь. Милиция приехала с опозданием. Крысы успели объесть лицо у отца, отгрызли нос.

В колонии о случившемся узнали от подруги матери Дениса. Она позвонила и рассказала обо всем. Заместитель начальника колонии по воспитательной работе пригласил к себе психолога, и они долго думали, как рассказать обо всем Денису. Боялись, что покончит с собой. Освободившись, Денис попросился в Центр реабилитации. А куда еще было идти? Стал с ребятами ходить на воскресные службы в храм, в трапезной вел себя тихо, был неразговорчив. Но выяснилось еще одно печальное обстоятельство – уже в колонию Денис пришел с диагнозом «хронический алкоголизм и наркомания».

Наши сотрудники поехали с Денисом в Нижний Новгород закреплять за ним сгоревшую квартиру, из которой он и сестра почему-то оказались выписанными еще при живых родителях. Стоило Дениса на полчаса оставить одного, как он сбежал. Две недели мы не знали, что с ним и где он. У него было немного денег, он был одет прилично: новые брюки, рубашка в клетку, кожаная куртка.

Разыскала Дениса по нашей просьбе одна верующая женщина, которая знала подругу матери Дениса. Он пил, кололся, глотал таблетки, общался со своими приятелями, ночи проводил в сгоревшей квартире на куче обугленного мусора. Он не помнил, где потерял справку об освобождении – единственный документ, который у него был и по которому мы хлопотали ему паспорт.

В нашем отделении милиции сказали, что справку Денис вполне мог заложить или пропить. Эти справки ценятся среди лиц, побывавших в местах заключения. Можно переклеить фотографию и получить паспорт. Наш районный отдел милиции сделал запрос в область, не был ли замешан Денис в каких-либо преступлениях, пока две недели гулял по Нижнему. Дубликат справки ему дали только после того, как он под диктовку оперативника написал заявление и пообещал после получения справки навсегда покинуть пределы Ардатова. Никому не нужны лишние проблемы. Кроме этого, он прошел обследование в нашей больнице на предмет заболевания венерическими болезнями и СПИДом. В течение двух месяцев староста нашего храма с Денисом почти ежедневно ездила в Нижний Новгород (а это в два конца 300 километров), пробивая ведомственные стены холода и непонимания. Ей удалось прописать Дениса и его сестру в их сгоревшей квартире. Между поездками Денис прятался от милиции в деревне. И мы вынуждены были идти на это. Без документов и нормальному человеку несладко, а Денису и вовсе смерть. Денис получил паспорт. В наши планы входило очистить квартиру от мусора и гари, под-

ремонттировать ее, вставить окна, помочь с работой. Но Денис уехал. Он сказал, что будет пробиваться сам. Куда он пробьется, не имея ни жилья, ни денег, нам с печальной очевидностью известно. Но помешать ему уйти мы не могли. Вход и выход у нас свободны.

Таким примерам несть числа! Слово кровля упала на голову. Слово обрушилось небо. Не человек разумный, а человек растерянный и испуганный стоит на распутье сегодняшних дорог. Что случилось? Что происходит?

Растение погибает, если ростку не хватает солнца. Человек погибает, если в детстве ему не хватает любви. Сказанное, может быть, звучит банально. Но так же банальны закон гравитации или ежедневное наступление ночи. Мы переживаем последнюю мировую революцию. Восставшее человечество низвергает банальности и заменяет их пошлостями. И всем от этой замены не по себе. Потому что каждый если не сердцем, то кожей чувствует, что пошлость – не холст с известным всем нарисованным очагом, а последняя завеса, за которой неподдельный огонь преисподней.

В искаженном сознании современного человека перемешалось все: наука и религия, знания и сила, старые приметы и новая эра, богатство и бедность, низкое и высокое, красивое и уродливое, правда и ложь. Кажется, не за что ухватиться, не на что опереться. Нет ориентиров. Только собственные ощущения, свои чувства. Физиология – вот уровень, на котором все надежно. Вывод кажется бесспорным, но он – не человеческий. Этот вывод нужен тому, кто ненавидит в человеке человеческое. Этот вывод нужен сатане и тем, кто вольно или невольно служат ему.

В ардаатовской колонии есть молитвенная комната. Старшим уборщиком вызвался Колосков Алексей. Верткий и уклончивый парень. Все время пытался помочь в мелочах: покрасить плитуса, почистить подсвечники, составить списки тех, о ком молиться на службе, на полке книги расставлял по порядку, крестики и пояса с 90-м псалмом раздавал. Просил колечко с молитвой или взять после освобождения в Центр реабилитации. Меня пригласил Ганин, старший оперативник. Неприятное сообщение. Колосков пытался покончить с собой в молитвенной комнате. Скорее всего, разыгрывал театр перед служащими и своими авторитетами из отряда, но от этого не легче. Недавно освобождился, в храм не зашел.

Контрщик Костя – тоже уборщик в молитвенной комнате. Убийца. Убил мужика, который постоянно унижал и преследовал отца. Так рассказывал. Дали десять лет. Исполнилось 18. Теперь перевели, «подняли», как они говорят, во взрослую колонию.

Ковалев Александр – еще один уборщик молитвенной комнаты. После Конторщикова он вызвался помогать. Тоже убийца. Убил человека, который еще в детстве, когда ему было едва ли семь лет, надругался над ним. Александр не мог ни забыть, ни простить. Тем более что мужчина жил в их дворе и был частым собутыльником отца. Однажды по пьянке стал избивать отца в их квартире. Александр схватил кухонный нож и вонзил в спину. Дали четыре с половиной года, поскольку болен эпилепсией. Месяца через три освобождается. Просится к нам.

В субботу на исповеди был невзрачный худой подросток. Лет семнадцати. Убил троих. В глаза не смотрит, только искоса следит за реакцией. Одного убил из пьяной мести. Двух других – в гараже, когда с подельником зашли туда в поисках выпивки. Одного обухом топора, другого небольшой кувалдочкой. Перед этим накидывали на голову пиджак и били по голове. Вряд ли раскаивается, говорит, что особенно и не мучат воспоминания. Просто не думает об этом. До сих пор перед глазами его костистое, с впалыми щеками, лицо. Да как же поддаться такому тщедушному?! Бесы!..

Раньше, всего год-два назад, в нашей колонии сидели в основном мальчишки-воришки, которые украли по шалости или бедности, а теперь преобладают преступления тяжелые: убийства, изнасилования, грабежи. Многие из осужденных подростков были брошены еще во младенчестве, часто не знали ни матери, ни отца, а только улицу с ее пороками и законами джунглей. Они были зачаты случайно, родились нежеланными, росли в лучшем случае без любви, а в худшем – в ненависти. Один мальчишка в колонии мне рассказывал, как летом сбежал из дома в деревне и жил в Нижнем Новгороде, как ночевал, где придется, был свидетелем и даже участником преступлений, грабил, пил, употреблял наркотики, участвовал в грязных делах. «Вы даже не представляете себе ночного города, – говорил он мне, – это какой-то Афганистан». Я понимаю его. Он имел в виду Афганистан не географический, а мистический, как место нескончаемой войны, насилия, мести, беззакония и отчаянных попыток выжить.

По данным статистики, за последнее десятилетие на 70% увеличилось число детских самоубийств, и сейчас эта цифра достигает 2000 в год.

Раньше в каждом дворе, при каждой школе был подростковый клуб. Теперь ничего этого нет. Но потребность подросткового возраста группироваться, собираться вместе осталась. Теперь они группируются стихийно в подвале, а выплеск негативной энергии происходит уже на улице. Запрета для них нет. Все более растет число насильственных,

жестоких правонарушений. 10–12-летние дети находят удовольствие в истязании своих жертв. Все чаще молодые матери в возрасте от 14 до 18 лет оставляют своих детей прямо в родильном доме или выбрасывают на улицу – в мусорные баки, на свалку, в речку. За последние годы в два раза выросло число родителей из самой неблагополучной категории – пьяницы, наркоманы, садисты, педофилы.

К Святкам дети воскресной школы подготовили фрагмент спектакля «Золушка» по Шварцу. Сценки с лесником и его женой, беседа с королем, бал во дворце. Показали нашим ребятам из Центра реабилитации, всем желающим детям и родителям в Ардатовской художественной школе. Потом были приглашены в воспитательную колонию, где молодые «невольники» топали, кричали и свистели в конце (знак высшего восторга), не желая расставаться с «артистами». А недавно с той же «Золушкой» побывали в детском саду «Солнышко». Пятьдесят или больше малюток неотрывно смотрят на Золушку, лесника, дочерей мачехи и прекрасных гостей бала. Рядом с малышами на большом стуле, возвышаясь над всеми, сидит Роман Телегин. Длинные невымытые волосы, темно-серые глаза, пальцы, вцепившиеся в колени. Ему двадцать лет, он из деревни Мыза. Когда он был ребенком, мать много раз бросала его на попечение деда и бабки в деревне, объявлялась и вновь исчезала, отец уехал и давно живет с другой семьей. Болезненно обидчив, неуживчив, несговорчив, много и бессвязно говорит. Имеет освобождение от армии и какой-то пункт в военном билете, который, как он говорит, не позволяет ему устроиться на завод. Сейчас живет в нашем Центре, подметает двор храма, выполняет несложные поручения, но всегда с пререканиями, бессвязными выкриками. Питается в трапезной. Хотели показать его психиатру, выхлопотать пенсию, но он ни за что не соглашается. Надолго ли у нас? Смотрит на игру детей, на танцы, а на лице то ли улыбка, то ли гримаса. Рассказывал, как в детстве, когда ему было лет восемь-девять, мать на его глазах лопатой убила пьяного сожителя, а потом он помогал ей вытаскивать труп в холодные сени.

«Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут», – говорит Господь в Евангелии от Матфея (Мф. 5. 7). Мы верим и знаем, что настоящее счастье не в том, чтобы брать, а в том, чтобы отдавать нуждающимся. Но современный мир строится на противоположных принципах. Конечно, есть много добрых людей, сердца которых не закрылись для любви и сочувствия. Но они, как правило, пожилого возраста, больны и сами нуждаются в поддержке. Те, кто богат, редко торо-

пятся протянуть руку помощи. Государственные программы по работе с детьми и молодежью остаются на бумаге. А между тем современный тиран и растлитель умов – телевизор – насаждает образцы невыносимой роскошной жизни. Это рождает зависть и агрессивную жажду обладать всем, ничего не отдавая взамен. Это антихристианский дух, который разрушает самое ценное, что есть у человека, – душу.

Нам с непреложной ясностью видится одно: если человек не поймет, что основой жизни его и общества является нравственность, «нравственный закон внутри», о котором говорил Кант, если не ощутит главенство Закона Божьего над всеми прочими человеческими законами и нормативами, то сползание в пропасть небытия станет неизбежными и необратимым. Впрочем, уже сейчас вряд ли есть шанс остановить катастрофу. Выбор сделан в пользу материального благополучия избранных – «золотого миллиарда». Что же делать всем прочим? Оставаться людьми, оставаться верными идеалам красоты и любви, творить добро и помнить, что смерти нет, что каждый получит то, что заслужил. Господь говорит: «В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир». (Ин. 16. 33).

Из одного российского монастыря прихожане привезли молитву, которая многим оказалась полезной и своевременной.

Господи Боже мой, удостой меня быть орудием мира Твоего! Чтобы я вносил любовь туда, где ненависть. Чтобы я прощал, где обижают. Чтобы я соединял, где есть ссора. Чтобы я говорил правду, где давит сомнение. Чтобы я возбуждал надежду, где давит отчаяние. Чтобы я выносил свет во тьму. Чтобы я возбуждал радость, где горе жжет. Господи Боже мой, удостой! Не чтобы меня утешали, но чтобы я утешал. Не чтобы меня понимали, но чтобы я понимал. Не чтобы меня любили, но чтобы я любил. Ибо кто дает, тот получает. Кто забывает себя, тот обретает. Кто прощает – тот простится. Кто умирает, тот просыпается к новой жизни.

Вчера поздно вечером позвонил Денис Мойтель из Нижнего Новгорода. Сказал, что погибает, что нужна помощь, он просил принять его обратно в наш Центр. Приезжай, сказал я ему. Приезжай завтра.

Утром ребятам я сообщил, что приедет Денис, что нужно выделить ему уголок в доме. Но Денис не приехал. Он перезвонил ребятам и сказал, что его избили, что он не может с синяками показаться в Ардатове и приедет только после того, как они сойдут.

Будем ждать.

ЗНАМЕНСКИЙ СОБОР И ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ «СРЕТЕНЬЕ» В АРДАТОВЕ

Мы помогаем тем, кто находится в заключении в Ардатовской воспитательной колонии словом и делом. Мы даем поддержку семьям, которые оказались в беде. Мы кормим тех, кто голоден. Одеваем, кто наг. Даем кров бездомным. Учим в школах и техникумах. Обеспечиваем работой.

Проект «Тюремное служение»

В воспитательной колонии Ардатова в настоящее время содержится 330 подростков. Для их профессиональной и социальной реабилитации на базе ПТУ (профессионально-технического училища) нами были созданы учебно-производственные мастерские автослесарей. В год этой специальности обучается до 80 подростков. Ежегодно проводятся благотворительные акции «Пасха за решеткой» и «Рождество за решеткой»; каждому воспитаннику колонии преподносится *подарок*.

Проект «Центр реабилитации «Вера. Надежда. Любовь»

В Центре реабилитации ребенок получает образование, благоустроенный кров, пищу, одежду, компьютерную и спортивную подготовку, библиотеку и видеотеку. В настоящее время в Центре реабилитации живет, работает и учится 15 подростков.

Проект «Трудовой лагерь»

При Центре реабилитации действует летний спортивно-трудовой лагерь, в котором ежедневно трудятся и отдыхают до 20 мальчишек Ардатова. На ночь они возвращаются домой. За месяц они имеют возможность заработать в лагере от 500 до 1500 рублей.

Проект «Семья в беде»

Смысл этой программы заключается в помощи семьям, оказавшимся в тяжелой жизненной ситуации, неполным и малообеспеченным семьям, семьям инвалидов.

Проект «Витязи»

С 1996 года в воспитательных целях проводится работа по вовлечению подростков в скаутское движение. В нашем варианте это «Витязи». В «Витязи» за последние пять лет было принято 260 детей, которые воспитываются в духе христианской веры, русской культуры и языка, учатся любить свою Родину.

Проект «Молодежный центр «Белый ветер»»

В 2002 году создан молодежный и детский Центр «Белый ветер» для профилактической работы с уличными и безнадзорными детьми и

подростками. В Центре есть компьютерный клуб, тренажерный зал, секции спортивного туризма и борьбы дзю-до.

Проект «Театр детей и подростков»

С 1992 года дети из воскресной школы, «витязи» и подростки из Центра реабилитации занимаются театром. Спектакли показывают в Ардатовской ВК, детских садах, Ардатовской художественной школе, на сцене Дома культуры, бывают выездные постановки. В работе театра участвует от 20 до 30 детей и подростков.

Проект «Благотворительная столовая»

В благотворительной столовой, кроме ребят из Центра реабилитации, также питаются дети из воскресной школы, дети из летнего трудового лагеря, воспитанники Ардатовской колонии, когда они в сопровождении контролера выводятся за пределы колонии для работ на объектах Центра реабилитации. Кроме того, в столовой питаются малообеспеченные прихожане и паломники. В среднем в день в столовой кормят от 30 до 40 человек.

В настоящее время разными видами нашей благотворительной и социальной помощи охвачены около 560 детей, подростков и взрослых из самых социально незащищенных групп населения.

Однако размеры и характер этой работы будет зависеть от источника финансирования и от того, сможем ли мы наладить производства, которые обеспечат нам автономное существование. Поэтому мы вынуждены рассчитывать на поддержку спонсоров.

Координатор программ реабилитации – священник Михаил Резин

Адрес: 607130, р.п. Ардатов Нижегородской области,

2-й Медицинский переулок, д.4;

Центр реабилитации «Вера. Надежда. Любовь».

Тел.: 8-83179-20445; 21251; факс – 20183.

E-mail: ardsret@mts-nn.ru

Банковские реквизиты

Ардатовская районная правозащитная общественная организация
«Сретенье»

ИНН 5201003385

КПП 520101001

ОГРН 1025200006171

Р/С 40703810742020000072

БИК 042202603

Кор /счет 3010181090000000072

Волго-вятский банк Сбербанк РФ г. Нижний Новгород

Евгения Окунь

Просто зечки

Когда я ездила в воспитательную колонию для девочек, чтобы проводить фотосеминары в отряде «ВИЧ-инфицированных» (совесть не позволяет писать без кавычек), то еще не была ВИЧ-диссидентом. Возвращаясь из этих поездок, все время думала о том, как, чем могу помочь этим девочкам. И когда меня снова приглашали принять участие в посещении этой колонии, то стремилась именно в этот отряд, к своим друзьям.

Постепенно, знакомясь с разными книгами и материалами в интернете, я поняла, что со СПИДом дело обстоит, с одной стороны, сложней, чем это пытаются представить заинтересованные люди, но – и не так страшно, как принято об этом думать. По крайней мере, все мы видим, что те, кто в 90-х и не мечтал дожить до нового века, переменив образ жизни и перестав колотиться, превратились из обществ смертников в общества «людей, живущих с ВИЧ»... И слава Богу.

Но, поняв что-то про СПИД, про мифологию и страх, я ничего не понимала про тюрьму! Точнее, про воспитательную колонию для девочек, куда ездила, к тому времени, уже четыре раза!

Все четыре раза я бывала только в одном отряде. Привозила альбомы по искусству, фотоаппараты, нам разрешали немного фотографировать, это было прекрасное совместное творчество. Получились замечательные вещи; мы общались (насколько это возможно в присутствии охранников); я видела, что огромные сроки совершенно не соответствуют преступлениям, я видела, как девочки растут, как их детские души проходят тягчайшее, незаслуженно строгое испытание системой.

Но приезжая всегда в один отряд, я совершенно не понимала, кто же, собственно, сидит. Девочки из моего отряда, самые, по идее, несчастные, оказались совершенно не показательны в плане социального портрета рядовой несовершеннолетней российской зечки. Мои девочки, так называемые ВИЧ-инфицированные, это, как правило, быв-

шие потребители наркотиков, и хотя некоторые из не очень благополучных семей, но они не сироты, родители им пишут, кое-как помогают. Все они мечтают вернуться и зажить «новой жизнью». Они живут в колонии в одном отряде, всего их не больше 15 человек.

А остальные?..

Всего в той колонии около 400 заключенных. Во время своего пятого, последнего посещения, проходя по тюремному двору мимо колонны девочек на прогулке, я что-то спросила у одной из них. Слово за слово, узнаю, что девочка – сирота. Что у нее нет необходимых вещей, даже самых простых – мыла, туалетной бумаги, а, главное, тазика, без которого просто погибель, потому что горячей воды в колонии нет, бывает только в титане, если повезет и тебе хватит, то можешь подмыться в тазике, да и холодной тоже только в тазике. А тазик должны прислать из дому, а из дому не то что тазик – писем не шлют.

Я записываю фамилию девочки и вижу округлившиеся глаза рядом стоящих детей. Тогда я робко спрашиваю: «А кому еще не пишут, девочки, у кого нет тазика?»

И все, просто все вокруг выступают вперед – «мне!» Лес рук, и вдруг шепот со всех сторон на одну из них: «А ты чего тянешь, у тебя сестра есть», и ответ, тоже шепотом: «Да она мне за год только одну посылку послала».

После этой сцены я не пошла в «свой» отряд, а стала просто разговаривать со всеми подряд. И из этих разговоров поняла, что подавляющее большинство «малолетних преступниц» просто сироты, в основном, кстати, сироты при живых матерях – спившихся или «закрытых» (сами девочки так и говорят: «маму закрыли»). Об отцах, кстати, в этой стране речь вообще не идет; если его нет или если он сидит – это еще не признак сиротства).

У меня самой пятеро детей. Глядя на каждую из этих девочек, слушая ее историю, я видела, что она попала сюда просто потому, что некому было заступиться, когда она, например, вовремя не вернула взятый покататься велосипед (14-летняя Ксюша получила за это три с половиной года) или нечаянно оказалась в какой-то общаге, где взрослые двадцатилетние девицы насильничали такую же взрослую девицу (14-летняя Олеся по просьбе этих девиц взяла все на себя, поверив, что малолетке ничего не будет, и получила 6 лет), или просто стянули жратвы для младших братьев-сестер (очень частый случай!), а государство – тут как тут, коварный монстр на мягких лапах, ждет и подкарауливает, не поскользнется ли какая сирота, чтобы хватить и – в железные лапы правосудия. Почти ни у кого из тех, с кем я говорила в тот день, в домах (если у них вообще

был дом!) не было электричества – отрезали за долги. У одной моей собеседницы, как раз той, которой три с половиной года за велосипед дали, мама умерла, папа пьет, у дома, в котором они живут, нет стены, обвалилась, а у самой у Ксюши единственное желание – узнать, где же живут сейчас, зимой, младшие сестры, потому что дома не только одной стены, но ни отопления, ни электричества нет.

Венцом всего явился рассказ другой девочки, у которой дом просто по бревнам разобрали и увезли. За родительские долги. Да и администрация говорит: большинству некуда возвращаться. И, кстати, не скрывают, что отпускают по УДО только с учетом семейных обстоятельств – если есть «куда».

Сейчас в России только три воспитательные колонии для девочек. Но несомненно, что в скором времени потребуются новые, так как по последнему закону, в той же связке, что и монетизация льгот, узаконена страшная вещь – теперь, чтобы продать квартиру или дом с прописанными детьми, не нужно согласие не только этих детей, но и органа опеки и попечительства. Если раньше просто отрезали свет, то теперь за долги по квартплате будут продавать дома. Выходить на улицу и протестовать по этому поводу, как пенсионеры, они не могут, потому что – дети. А тем из них, кто сегодня за решеткой, может стать, уже некуда будет выходить.

Выставка фотографий Евгении Окунь

Май 2005,

выставочный зал Музея им. Андрея Сахарова,
Москва, Земляной вал, д.53, стр. 6,

тел.: 923 44 01,

www.sakharov-center.ru

Зечки – благодарнейшие модели для фотографа. Я долго не решалась показать эти фотографии, которые делала последние три года во время поездок в воспитательную колонию для девочек и женскую исправительную колонию. Больше 200 фотографий из зоны.

Сама по себе тюрьма место неосвещенное, темное. Просто стопроцентная тьма. Раньше даже так и называлось – темница. Фотоаппарат бессилён.

Японский фотограф Араки, сказал однажды, что фотография – это убийство. Если вдруг он прав – простите...

Женя Окунь

Лев Левинсон

Ничего не изменится, если все не изменить

I

Будто липкую, бугорчатую стену проломили, и по смрадной зале прошла волна свежести, – таково впечатление от уголовной реформы, воплощенной законом от 8 декабря 2003 года. Он появился тогда, когда вроде бы катком утрамбовывались проклянувшиеся в начале 90-х слабощные права и свободы, когда повелось говорить о «реванше» и «реакции». И вот – решительный жест гуманизации.

Хотя прокурорские, милицейские, думские толкутся, спеша залатать образовавшиеся в карательной системе бреши, кирпичи валяются у них из рук. Измененный УК действует второй год – без неоднократности, без повышенной ответственности за рецидив, без конфискации. И хулиганство считается теперь преступлением, только если оно совершено с оружием или предметами, используемыми в качестве оружия.

В уголовном законе проступили ювенальные начала. Лишение свободы не избирается подростку, не достигшему 16 лет, за впервые совершенное преступление небольшой или средней тяжести. При назначении же несовершеннолетнему наказания в виде лишения свободы за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления низший предел санкции соответствующей статьи сокращается наполовину (то есть там, где значится от 3 до 8 лет, например, за разбой, «вилка» для несовершеннолетнего составляет от 1,5 до 8). Суд может теперь повторно принять решение об условном осуждении и установлении нового испытательного срока, если несовершеннолетний в течение испытательного срока по предыдущей судимости вновь привлечен за преступление, не являющееся особо тяжким. Ведь население малолеток пополнялось ранее в основном за счет нарушителей испытательного срока, получавших людоедские приговоры не из-за общественной опасности совершенного, а благодаря арифметике – сложению

наказаний. А условно-досрочное освобождение подростков, осужденных за тяжкие преступления, возможно теперь по отбытии 1/3 срока, а не половины, как прежде.

Пересмотр антинаркотических статей затрагивает, в основном, содержащихся не в воспитательных, а уже во взрослых колониях, двадцати-двадцатичетырехлетних. Но это самые молодежные статьи. И это самые удивительные изменения из декабрьского пакета 2003 года, так как проведены они были вопреки неослабевающей антинаркотической гонке, вопреки усилению «борьбы», созданию наркополиции.

Одной из основных проблем УК в его прежней, действовавшей до 12 мая 2004 года редакции, было определение количества обнаруженных наркотиков: что считать небольшим, крупным, особо крупным размером? На практике следователи и судьи водили пальцем по весьма сомнительному как в части юридических, так и научных достоинств документу – Сводной таблицей заключений Постоянного комитета по контролю наркотиков, возглавляемого академиком Э. А. Бабаяном. Таблица представляла собой рекомендательный документ, принятый экспертным органом, не полномочным издавать нормативные акты. Между тем данные из таблицы применялись по всем без исключения уголовным делам, а это к маю 2004 года – более 850 тысяч привлеченных к ответственности. Например, по марихуане крупным размером, согласно таблице, было 0,1 г, по героину – 0,005 г. При таком подходе и за невидимые 0,005 г и за 100 кг героина наступала равная ответственность – от 7 до 15 лет лишения свободы с конфискацией имущества или без таковой. В результате в массовом порядке подвергались изоляции люди, приобретшие, хранившие или продавшие/передавшие сотые доли грамма, – мелкая рыбешка, планктон, – тогда как «акулы наркобизнеса» гуляли в открытом море.

Молодые люди, принимавшие наркотики, получали клеймо преступников, тюрьму, поломанные судьбы. Попадаясь первый раз несовершеннолетними, они наказывались условно, а будучи задержанными вторично, после 18 лет, садились уже надолго. Отсидевшие за наркотики попадали в замкнутый круг. Ведь если бы их не коснулось преследование – судимость, тюрьма, – наркотик, скорее всего, ушел бы из их жизни с взрослением, семьей, работой или, даже не исчезнув совсем, занял бы безобидное контролируемое место. Отсиженные же годы концентрируют их сознание на запрещенном веществе. Даже если зеки обречены на вынужденное воздержание (хотя в СИЗО и во многих колониях наркотики оборачиваются свободно), это не стойкая ремиссия, переходящая в осознанное выздоровление, а ничем не заполненная

пауза томительного ожидания. Освобождаясь, они хватаются за иглу по принципу «вымытая свинья идет валяться в грязи», и не потому, что, употребляя когда-то наркотики, обречены оставаться свиньями, а потому, что их тяжело и бесполезно мыли, стирая с них защитные слои.

Теперь, после изменения УК и КоАП, порядок определения размеров наркотических средств, обнаруженных в незаконном обороте, закреплен законодательно. Крупным размером признается количество, превышающее размеры средней разовой дозы потребления в 10 и более раз, особо крупным – в 50 и более раз. Незаконные приобретение, хранение, изготовление, переработка, перевозка запрещенных веществ в количестве менее 10 доз признаны не уголовным преступлением, а административным проступком, и наказываются штрафом от 500 до 1000 рублей либо административным арестом на срок до 15 суток.

Постановление Правительства РФ от 6 мая 2004 года № 231, которым для целей УК утверждены размеры средних разовых доз, знаменовало успех реформы – ведь мало было ввести разумные критерии, следовало еще сохранить верность законодательному замыслу на уровне подзаконных актов, в противном случае произошла бы подмена. Вместо предлагавшихся академиком Бабаяном и продвигавшихся наркоконтролем фиктивных размеров (доза героина – 0,0001 г, доза марихуаны – 0,15 г) были приняты реалистичные уличные количества: 2 г для марихуаны, 0,5 г для гашиша, 0,1 г для героина. Соответственно уголовное дело не может быть возбуждено при обнаружении менее 20 г высушенной марихуаны или грамма героина.

Кроме того, отменено принудительное, по приговору суда, лечение в колониях от алкоголизма и наркомании. Эта мера уголовно-медицинского принуждения была абсолютно бесполезна и работала, по сути, только как препятствие замене наказания более мягким, применению УДО, амнистии. Принудительное лечение, имевшее отдаленное отношение к защите здоровья, было ничем иным, как дополнительным наказанием.

Поскольку уголовный закон, смягчающий наказание или иным образом улучшающий положение осужденного, имеет обратную силу, с 12 мая 2004 года – даты вступления в силу новой редакции статьи 228 УК – подверглись пересмотру десятки тысяч уголовных дел по наркотикам. Из находившихся в неволе более 12 тысяч были полностью освобождены от наказания, примерно 30 тысячам заключенных срок был существенно сокращен.

Всего год назад лишение свободы было единственным рецептом, который выписывало государство. Теперь тюрьма для наркомана – средство скорее исключительное, чем дежурное, как ни протестуют

против такого положения сторонники решительных мер. Все вроде бы не так уж жестко: арестовывают за наркотики меньше, за стакан конопли, кроме случаев ее продажи, можно отделаться легким испугом, десятки тысяч освобождены.

И сразу же – всплеск передозировок, смертности как химическая реакция улицы (притонов, подъездов, подвалов, подворотен) на впрыскивание наркоманов.

Существует мнение, что передозировки могли быть частично спровоцированы (в том числе и теми, для кого важно сослаться затем на ухудшение ситуации после майского постановления о дозах). На наркоманских форумах появилась легенда о «белом китайце»: «До сих пор доподлинно неизвестно, что же это такое. Ходят слухи, что это фентанил или один из его производных, кто-то говорит, что это принципиально новый синтетический опиат. Тем не менее одно известно точно: он снова появился на улицах...» Однако врачи склонны видеть в большинстве случаев не фентаниловые, а типичные героиновые передозировки.

Как бы то ни было, очевидно, что недостаточно одного лишь сокращения уголовной репрессии. Что же делать?

Пустить на слом существующие официальные наркологические службы? Безусловно. И для этого необходим отказ от устаревшей и вредной учетно-диспансерной модели, единственным делом которой является ведение регистрационных карточек на наркоманов. Взамен же – развитие реабилитационного пространства, терапевтическая свобода.

Необходимо ли иное предложение человеку молодому и ищущему? Наверное, необходимо. Неуверенный ответ объясняется здесь тем, что позитивное воздействие на ситуацию вряд ли возможно без социокультурного сдвига, пока трудноосуществимого, без оживления нравственных начал, столь неуместных при рыночных отношениях.

Увы, дело обстоит так, что как бы и нет шанса продвинуться дальше, чем переустройство полицейской или наркологической систем. Тем более что об обновлении второй приходится только мечтать, а первая, невзирая на добрые законы и либеральные постановления, продолжает двигаться по накатанной колее. Отношения личности и государства во всех случаях их столкновения по поводу немедицинского употребления запрещенных психоактивных веществ по-прежнему определяются репрессивной инерцией.

Но есть фундаментальный вопрос, без ответа на который новая наркология, новая наркополиция будет строиться на песке. Действительно ли враг чрезвычайно опасен? Действительно ли мировая война, объявленная ему лет сто назад и ведущаяся последние полвека

миллионными армиями, с миллиардными затратами, стоит затрачиваемых усилий? Содержат ли некоторые вещества имманентное зло или же оно есть следствие войны и запрета?

Отвечая на эти вопросы, можно прийти к выводу, что любая наркополитика напрасна, потому что в основе, действительно, зыбучий песок.

II

По данным Госкомстата России за 2002 год на профилактическом учете в связи с употреблением наркотических веществ с вредными последствиями состояло в расчете на 100 тысяч человек населения соответствующего возраста около 142 детей и подростков, а в связи с употреблением алкоголя – 889, то есть почти каждый сотый. Разрыв между этими показателями, увеличивавшийся все последние годы (в 2001 году – 188 наркоманов и 863 алкоголика), еще более увеличился в 2003–2004 гг.

Разница в этих цифрах очевидна. Если же рассмотреть, из чего они складываются, масштабы явлений окажутся и вовсе несопоставимыми. Потому что любой зафиксированный властями подросток, куривший траву, или застигнутый в клубе под танцевальными таблетками, или сдавший «плохую мочу», автоматически попадает в профилактическую группу, а то и сразу признается наркоманом. А для того чтобы быть учтенным по алкоголизму, надо немало потрудиться, пройти через вытрезвитель или подпасть под настоятельные жалобы соседей. Пацаны, ежевечерне распивающие пиво на виду у всего квартала, «там, где детские грибочки», не рискуют быть посчитанными в качестве «спецконтингента». Хотя таких пацанов в возрастной группе от 15 до 18 лет, похоже, не один, как считает Госкомстат, а все шестьдесят на сто. Пробовали алкоголь в этом возрасте все, выпивают – почти все, пьют – очень многие, сильно пьют – многие. Что же надо делать, чтобы попасть в число 889 из 100 тысяч?

Еще отчетливей статистика по преступности несовершеннолетних. Ежегодно в состоянии алкогольного опьянения ими совершается более 30 тысяч преступлений, в состоянии наркотического и токсического – от 1300 в 1997–1998 гг. (на пике популярности наркотиков) – до 600 в 2001 году, 400 в 2002 году. Пьяная преступность, как подростковая, так и взрослая, остается стабильно высокой. Преступлений, совершенных под наркотиками, становится все меньше. Причина тому – в сокращении потребления героина в России по сравнению с 1997 годом почти в три раза (данные Управления ООН по наркотикам и преступности на 2004 год). Заболеваемость наркоманиями (то есть число

лиц, взятых под наблюдение с впервые установленным диагнозом), пройдя в 2000 году отметку 51,6 человек на 100 тысяч населения в год, стала постепенно снижаться. В 2003 году этот показатель составил 16,1 человек на 100 тысяч населения, что примерно соответствует уровню 1995 года. Эти данные, представленные 18 мая 2004 года на «круглом столе» в Госдуме Национальным научным центром наркологии, хотя и не раскрывают реальной численности наркоманов, можно считать адекватно отражающими тенденцию сокращения темпов наркотизации, ведь латентность потребления оставалась стабильно высокой как в 2000, так и в 2003 году.

Среди подростков в возрасте от 15 до 18 лет табак курит более половины, никотинозависимых – 35–36%. В интернатах есть дети, курящие с семи и даже шести лет. Вред табака: 90% смертей от рака легких, 75% – от хронического бронхита, 25% – от ишемической болезни сердца. Миллионы жизней. Реклама на каждом углу.

О марихуане глашатаи «мира без наркотиков» пишут обычно, что она «поражает не столько тело, сколько душу». О, если бы марихуана хоть иногда приводила к раку какого-нибудь органа, к циррозу печени! В отсутствие столь желательных для антинаркотического истеблишмента последствий теоретикам «каннабиоидной наркомании» (то есть зависимости, якобы порождаемой употреблением продуктов конопли) приходится довольствоваться туманными рассуждениями о влиянии марихуаны на эмоциональное развитие, психическую устойчивость и репродуктивную систему.

Если бы кто-нибудь взялся исследовать соотношение антиалкогольной и антитабачной пропаганды с пропагандой антинаркотической, пропорции были бы прямо противоположными реальным опасностям – и криминальным, и медицинским. СМИ умалчивают о падении популярности героина, и не только потому, что закошмаривание зрителей/читателей сеющими смерть жупелами продается лучше рассуждений о стабилизации и о неуместности истерии. Власть, прямо или косвенно регулирующая коммуникативное поле, имеет от войны с наркотиками многослойные выгоды и стимулирует лживую пропаганду. Лживость ее – в деформации проблемы, искажении пропорций, преувеличениях, в тех клише, сквозь которые невозможно увидеть правду. В конце концов, ложный образ реальности творит ее по своему подобию. И это вторая, после борьбы с наркотиками, причина наркомании.

Вот – смотрите! – деклассированное отребье человечества, раскуривающее свои косяки, – оборванные, грязные, с печатью безмятежного идиотизма на лицах. Вот клиника для душевнобольных, в которой

глотатели танцевальных таблеток обречены долго лечиться от астении. Ну и гробы, могилы, надписи на плитах – 1979 год рождения, 1980-й...

А параллельно – ирония судьбы в новогоднюю ночь, президенты поднимающие бокалы с шампанским (не кокаин ведь нюхающие, нет!), дружеские застолья: поднимем бокалы, наполним их разом... Где гробы? Где санитары «скорой помощи», не успевающие выносить трупы в ночь на 2-е января?

В юности же пусть и не обсуждается, но остро ощущается понижающая все это ложь. Люди, принимающие наркотики, обречены жить в кривом зеркале и постепенно сливаться с ним.

Казалось бы, почему бы российским СМИ, говорящим языком власти и смотрящим ей в глаза, не связать очевидное отступление наркотиков с усилением государственного им противодействия, почему бы не отрапортовать о пусть и частичной победе и сказать людям: сегодня дела обстоят так-то и так-то, стало лучше, наркоманов становится меньше. Но министры, генералы милиции и наркополицейские хотя и заявляют регулярно о с каждым годом возрастающих своих успехах, одновременно констатируют постоянно ухудшающуюся ситуацию. Потому что одно дело – демонстрационные тонны изъятий, необходимые для закрепления в креслах и получения новых звездочек (сами конфискуют, сами сжигают – что жгут? кто проверял?), другое – «наркоугроза», «наркоэпидемия», «наркоудар», невиданный и неслыханный урожай в Афганистане (о неурожаях обычно не сообщается), которыми следует обосновывать ежегодное увеличение бюджетных ассигнований.

III

Сказанное выше – отнюдь не призыв запретить водку и табак вместо героина и конопли. Болея и умирая, люди как-то научились жить с табаком, водкой, пивом, вином.

Что и говорить, наркоманы отвратительны: лживы, двуличны, способны душу продать за дозу, обмануть, украсть, предать. Такими сделала их война с наркотиками.

Но если забыть слово «наркотики», не станет и наркоманов, и все как-нибудь займет свои места. Трудности, связанные с некоторыми веществами, конечно, останутся (на то они и трудности), только их станет меньше, а некоторые растают как дым. Не надо будет обрызгивать дефолиантами гектары дикорастущей конопли под Москвой.

И, будем надеяться, интернет-зависимость не приведет к запрету глобальной сети.

Лев Левинсон

Чудесные путешествия Нильса Кристи

Он умеет писать интересные книги по криминологии и пенитенциарному праву. Достигается это не за счет упрощения, разукрашивания судебными казусами или тюремными байками. Нильс Кристи пишет строго и сдержанно. Но его мысль не знает заасфальтированных и прямоезжих, решительно прорубленных сквозь леса дорог, а ходит тропками, прислушиваясь, обозревая окрестности, надеясь понять, чем живет этот лес, каково разнообразное устройство его жизни. В книгах Кристи каждый шаг поверяется жизнью. Это относится и к исследованию скандинавской борьбы с наркотиками «Удобный враг», написанному в соавторстве с Кеттилем Брууном.

В те же 80-е годы прошлого века вышла книга Кристи «По ту сторону одиночества», рассказывающая об экспериментальных деревенских общинах для тех, кого называют «душевнобольными» – сообществах необычных людей. Убежденность в том, что есть возможность решать проблемы вне дискурса «учреждения», помимо дихотомии «персонал – пациенты» (равно как «администрация – заключенные»), привела Нильса Кристи в поселения, существующие вопреки стандартным дисциплинарным предписаниям. Там он увидел Маргит Энгель, врача-психиатра, отказавшуюся от традиционных медикаментозных, изоляционных методов, основанных на отчуждении и наблюдении за «больными», предпочтя обретение общего языка с необычными людьми, совместные с ними будни и человеческий контакт. Такие искания близки Кристи. Социология в его руках, в том числе и социология преступности – не инструмент обслуживания власти, а исследование средств разрешения конфликтов внутри сообщества. Постигать это искусство приходится через осмысление многовекового опыта принуждения, запретов, стигматизации.

К сути проблемы наркотиков Кристи продвигается через соотношение их с простыми и естественными, традиционными вещами и за-

нятиями, которые для него, обеспокоенного урбанизацией, собственно, и есть искомое «средство», путь из городов отчаяния:

«Щепотка кокаина, быстрый вдох – и результат налицо. Сделка – и мгновенная прибыль. Такой вид опьянения хорошо подходит нашему теперешнему ритму жизни. Не то, что раньше, когда все было связано с природой и сменой времен года. Когда день начинался с восходом солнца, темнота знаменовала наступление ночи, а календарный месяц соответствовал лунному циклу. То было циклическое время, когда праздники отмечали окончание работ и главные события в жизни человека – и ожидалось с нетерпением».

Вместо циферблата – линейное время, стремящееся в пустоту будущего. Это знак наркомании. Гонка обязательного образования к унифицированной цели при неравенстве стартовых условий, где отстающий вроде как «сам виноват». Сокращение жизненного срока трудоспособности, вступление в рабочую жизнь все позже, взросление в вынужденной бездеятельности. Пустота отпусков. Все это причины наркомании.

Общая вера миллионов превращает облатку в тело Бога и дарует благодать. Чего не может произойти с кусочком брынзы или колбасы. Таково учение, таково слово говорящих «как власть имеющие». И точно так же массовый страх перед веществами, названными властной волей «наркотиками», порождает мистических чудовищ. Наркоманы назначены быть прокаженными – будем верить, что XX-го, а не XXI-го века. Век большой, и есть время излечиться от полицейской зависимости.

«Удобная общественная проблема, – пишет Кристи, – это такая проблема, в процессе борьбы с которой за жертв агрессии никто не заступается, а агрессоры покрываются славой, и потери в войне несут по большей части слабейшие слои общества, в то время как на жизнь большинства это никак не влияет».

Именно поэтому торговцев наркотиками, а не производителей табака или владельцев винных лавок, обыватель с такой готовностью поставил бы к стенке. Но, как показывает Кристи, страшное звание «наркомафии» носят обычно те же неудачники и маргиналы – такие же отщепенцы, как и их покупатели.

Правда не нужна. Книга Кристи и Брууна написана более 20 лет назад. С тех пор мало что изменилось. Как в 1984-м, так и в 2005 году глобальная антинаркотическая стратегия поддерживается вымыслами, достойными тех, какими пичкали настоятели доверчивых прихожан в XIV веке: о ведьмах и людях с песьими головами.

Вот типичная проповедь российского антинаркотического священнослужителя (заместителя председателя Федеральной службы по кон-

тролю за оборотом наркотиков Александра Федорова, интервью компании «Гарант» 6 апреля 2004 года): «Что касается вероятности смерти от первой же сигареты с марихуаной, вероятность, я думаю, все-таки не 10%, и моментально смерть не наступит. Но человек, который принимает решение закурить первую сигарету с марихуаной, должен четко осознавать, что это как раз и будет его первый шаг к смерти». И далее о табаке: «Никотин как таковой наркотиком не является. Ни в одном из списков наркотических средств и психотропных веществ его нет. Это другая вредная привычка, которая не является заболеванием, но может повлечь за собой негативные последствия и соответствующие заболевания в виде рака легких».

Борьба с наркотиками остается процветающей индустрией, требующей все возрастающих вложений, но не выдающей никакого продукта, кроме статистических отчетов. Как известно, «холодная война» может продолжаться десятилетиями. Всемирный поход против наркотиков движется зигзагами: то объявляется о некоторых успехах, то вновь сообщается о наступлении наркокартелей. Важен процесс движения, а не достижение цели.

Конечные цели «антинаркотиков» весьма сомнительны. Кристи пишет: «Некоторые из так называемых экспертов начинают толковать о вреде опьянения. Как говорится в официальной пропаганде против самых опасных наркотиков, «вперед, к обществу всеобщей трезвости!» А мне бы хотелось сказать: «Вперед, к обществу всеобщего опьянения!»

Как пел другой Нильс в другой скандинавской книжке:

Гусиная страна,
Ты издали видна!
Привет тебе, Лапландия,
Гусиная страна!

Несет меня в Лапландию
Домашний белый гусь,
И скоро я в Лапландии
На землю опущусь!

Адрес редакции:
119021, Москва, Зубовский бульвар,
дом 4, Союз журналистов, комната 447
Редакция журнала «Досье на цензуру»
Тел./факс: 201-5086
e-mail: nevol@index.org.ru
Веб-сайт: <http://index.org.ru>

Издание зарегистрировано
Федеральной службой по надзору
за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и
охране культурного наследия.
Свидетельство о регистрации ПИ № 77-18641
от 19.10.2004 г.
Номер подписан в печать 15.03.2005 г.
Отпечатано в типографии

Тираж 2000 экз. Заказ №
Цена свободная